
РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

Вестник культуры
научный журнал

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

4 (103)
2022

МОСКВА
2022

Российская академия наук

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)

Вестник культурологии

Научный журнал

№ 4 (103)
2022

Выходит 4 раза в год
Издается с 1992 года

Москва
2022

УДК 008
ББК 71.0
В 38

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел культурологии

Редакция «Вестника»:

Гл. ред. *О.В. Кулешова* – кандидат филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Технический редактор и секретарь издания *Т.Н. Гончарова*,
ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия:

Г.Н. Андреева – кандидат юридических наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
А. Главачек – доктор педаг. наук, Карлов университет, Прага, Чехия
Т.В. Володина – доктор филол. наук, Центр изучения белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия
А.В. Дроздова – доктор культурологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, РФ
И.А. Едошина – доктор культурологии, Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова, Кострома, РФ
Д.Н. Замятин – доктор культурологии, Высшая школа урбанистики ВШЭ, Москва, РФ
А.В. Костина – доктор культурологии, доктор философии, Институт фундаментальных
и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Т.Н. Красавченко, доктор филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
С.Я. Левит – кандидат филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
И.В. Леонов – доктор культурологии, Санкт-Петербургский государственный институт
культуры, Санкт-Петербург, РФ
И.И. Лисович – доктор культурологии, кандидат филологических наук, РАНХиГС при
Президенте РФ, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Н.Т. Пахсарьян, доктор филол. наук, ИНИОН РАН, МГУ, Москва, РФ
И.И. Ремезова – кандидат филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Е.В. Сальникова – доктор культурологии, Государственный институт искусствознания,
Москва, РФ
Л.В. Скворцов – доктор филос. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
У. Фрёшле – доктор филол. наук, Технический университет Дрездена, Дрезден, Германия
А.И. Шамина-Великанова – доктор культурологии, Центр изучения религий РГГУ,
Москва, РФ
В.Г. Щукин – доктор гуманитарных наук, Ягеллонский университет, Институт восточ-
нославянской филологии, Краков, Польша

Вестник культурологии включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки).

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN 2658–3291

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.00

© ФГБУН «Институт научной
информации по общественным наукам РАН», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера:

Прошлое как память и история: культурологический аспект

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Глухов С.В. Культурные пережитки Э.Б. Тайлора: попытка классификации 10

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Душенко К.В. Символика голубя мира от Античности до Нового времени 26

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Попова И.Ю. Память и история в пьесе Майкла Фрейна «Копенгаген»: текст и контексты 53

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гарсия-Каселес Кончита. Лингвокультурологические концепты реалий советского времени в романе З. Прилепина «Грех». Специфика их передачи в английском переводе “Sin” 61

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

Коровникова Н.А. Культура в экономическом дискурсе: становление и современное состояние 72

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

<i>Андреева Г.Н.</i> Памятные медали как способ меморизации конституции	88
---	----

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>Богомолов И.К.</i> Рецензия на книгу: <i>Demm E.</i> <i>Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History</i>	114
<i>Сурнина Н.М.</i> Культура – пространство одухотворения науки Рецензия на книгу: Шапошникова Л.В. (академик). Философия космической реальности.	123
<i>Юрченко Т.Г.</i> Между историей и памятью: реставрация как третий дискурс. Рецензия на книгу: <i>Сандомирская И.</i> <i>Pastdiscontinuous:</i> фрагменты реставрации	134

ДИАЛОГ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУР

<i>Букреев В.А.</i> Музыкальная культура Америки в аспекте особенностей фьюжн-стилистики.....	143
<i>Козлов Е.В.</i> Масскульт: диалектика реальности	155
<i>Крюкова О.С.</i> Повествовательные стратегии классической и массовой литературы	168
<i>Кузнецова Е.В.</i> Средства массовой информации как фактор формирования культурно-коммуникативных практик в условиях информационной цивилизации.....	177
<i>Ремезова И.И.</i> К вопросу трактовки понятий «массовое» и «элитарное»	189
<i>Ржанова С.А.</i> Тенденции моды в формате глянцевой журналистики	209

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Лавренова О.А.</i> (Обзор) VIII Международная конференция «География искусства»	223
---	-----

Russian Academy of Sciences

Ministry of Science and
Higher Education of
the Russian Federation

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Herald of Culturology

Scientific journal

N 4 (103)
2022

Published since 1992
4 Issues per year

Moscow
2022

УДК 008
ББК 71.0
В 38

Founders:

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

The Department of Culturology

The editor of the Herald of Culturology:

Chief editor *Olga Kuleshova* – PhD in Philology, INION RAS, Moscow, Russia
Tatyana Goncharova – Secretary and Technical editor of the publication, INION RAS,
Moscow, Russia
Editorial board:

Galina Andreeva – PhD in Law, INION RAS, Moscow, Russia

Antonin Glavachek – Doctor of Sciences in Pedagogy, Charles University, Prague, Czech Republic

Tatyana Volodina – Doctor of Sciences in Philology, Center for the Study of Belarusian
Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Alla Drozdova – Doctor of Sciences in Culturology, Humanities University, Yekaterinburg, Russia

Irina Edoshina – Doctor of Sciences in Culturology, Kostroma State University named
after N.A. Nekrasov, Kostroma, Russian Federation

Dmitriy Zamyatin – Doctor of Sciences in Culturology, HSE Graduate School of Urban
Studies, Moscow, Russia

Anna Kostina – Doctor of Sciences in Culturology, Doctor of Sciences in Philosophy,
Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow Humanitarian University,
Moscow, Russian Federation

Tatyana Krasavchenko – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow, Russia

Svetlana Levit – PhD in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia

Ivan Leonov – Doctor of Sciences in Culturology, St. Petersburg State Institute
of Culture, St. Petersburg, Russia

Inna Lisovich – Doctor of Sciences in Culturology, Candidate of Philological Sciences,
RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow University
for the Humanities, Moscow, Russia

Natalya Pakhsaryan – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow State
University, Moscow, Russia

Irina Remezova – PhD in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia

Ekaterina Salnikova – Doctor of Sciences in Culturology, State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

Lev Skvortsov – Doctor of Sciences in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia

Ulrich Freschle – Doctor of Sciences in Philology, Technical University of Dresden, Dresden,
Germany

Anna Shmain-Velikanova – Doctor of Sciences in Culturology, Center for the Study
of Religions, RSUH, Moscow, Russia

Vasily Shchukin – Doctor of Sciences in Humanities, Jagiellonian University, Institute
of East Slavic Philology, Krakow, Poland

The Herald of Culturology is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.10.1. Theory and history of culture, art (cultural studies),

5.10.1. Theory and history of culture, art (philosophical sciences)

The publication is included In the Russian science citation index (RSCI)

ISSN 2658–3291

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.00

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, INION RAS», 2022

CONTENTS

Theme of the issue:
The past as memory and history: cultural aspect

THEORY OF CULTURE

Glukhov S.V. The survivals of E.B. Tylor: an attempt at classification 10

CULTURAL HISTORY

Dushenko K.V. Symbolism of the Peace Dove from Antiquity to Modern Times..... 26

THEORY AND HISTORY OF FORMS OF ARTISTIC CULTURE

Popova I.Yu. Memory and history in Michael Frayn's Copenhagen: text and contexts 53

LINGUOCULTUROLOGY

Garcia-Caselles Conchita. Linguocultural concepts of the realias of Soviet era in the novel "Sin" by Z. Prilepin. English translation specifics..... 61

CULTURE AND ECONOMY

Korovnikova N.A. Culture in economic discourse: formation and current state 72

LAW CULTURE

<i>Andreeva G.N.</i> Commemorative Medals as a way to memorize the constitution	88
---	----

BOOK REVIEW

<i>Bogomolov I.K.</i> Book review: Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. – London : Bloomsbury Academic, 2019. – 348 p.p.	114
<i>Surnina N.M.</i> Culture is the space of spiritualization of science Book review: Shaposhnikova L.V. (Academician) “Philosophy of cosmic reality”. – Moscow : Mezhdunarodny Tsentri Roerichov, 2021c.	123
<i>Yurchenko T.G.</i> Between History and Memory: Restoration as a Third Discourse. Book review: Sandomirskaya I. Past discontinuous: fragmenty restavracii [Fragments of Restoration]. – Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. – 520 p.	134

DIALOGUE OF ELITE AND MASS CULTURES

<i>Bukreev V.A.</i> Musical culture of America in the aspect of fusion-style features	143
<i>Kozlov E.V.</i> Mass culture: dialectics of reality	155
<i>Kryukova O.S.</i> Narrative strategies of classical and mass literature	168
<i>Kuznetsova E.V.</i> Mass media as a factor of cultural and communicative practices’ forming in the conditions of informational civilization.....	177
<i>Remezova I.I.</i> On the issue of interpretation of the concepts of “mass” and “elite”	189
<i>Rzhanova S.A.</i> Fashion trends in the format of glossy journalism.....	209

CONFERENCES

<i>Lavrenova O.A.</i> (Review). VIII International Conference “Geography of Art”	223
--	-----

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.01

*Глухов С.В.**

КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ Э.Б. ТАЙЛОРА: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена малоизученной и плохо освещаемой как в отечественной, так и в западной науке теме – пережиточным культурным формам. Она призвана частично восполнить этот пробел и должна стать первой в ряду подобных работ. Это станет возможным только в результате внимательного анализа произведений культуролога Э.Б. Тайлора, который хотя и не был первооткрывателем пережиточных форм, но значительно продвинулся в их описании.

Ключевые слова: культурные пережитки; пережиточные культурные формы; преемственность и развитие в культуре; Э. Тайлор; социокультурные системы; диффузия; эволюция; привычка.

Поступила: 15.06.2022

Принята к печати: 20.07.2–22

** Глухов Сергей Викторович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: sglukhov@mail.ru*

Glukhov Sergey Viktorovich – a Junior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: sglukhov@mail.ru

Glukhov S.V.

The survivals of E.B. Tylor: an attempt at classification

Abstract. This article is devoted to a poorly covered topic in both domestic and Western science – survival cultural forms. It is designed to partially fill this gap and should be the first in a series of similar works. This will become possible only as a result of a careful analysis of the works of the culturologist E.B. Tylor, who, although he was not the pioneer of survival forms, made significant progress in their description.

Keywords: survivals; continuity and development in culture; E. Tylor; socio-cultural systems; diffusion; evolution; habit.

Received: 15.06.2022

Accepted: 20.07.2–22

Для цитирования: Глухов С.В. Культурные пережитки Э.Б. Тайлора: попытка классификации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 10–25. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.01

Введение

Эдвард Бернетт Тайлор – английский культуролог и эволюционист, чья научная деятельность приходится на середину и конец XIX в. Пережиточные культурные формы (или просто «культурные пережитки»), согласно определению Тайлора, это особые феномены культуры. В силу человеческой привычки они были перенесены из одной стадии культуры, являясь ее естественной частью, в другую стадию и остаются живым свидетельством или памятником прошлого.

Эволюционные взгляды английского ученого базировались на представлении о стадильности культуры. Такого рода мировоззрение было свойственно многим ученым XIX в. и продолжает пользоваться некоторой популярностью и сейчас. Эволюционисты предполагали, что существует магистральная линия развития человеческой истории. Она начинается с «дикарства», продолжается «варварством» и заканчивается «цивилизацией». На стадии «дикарства» человечество пользовалось несовершенными техническими средствами, грубым языком и мифологическими верованиями. На стадии «варварства» человечество открыло для себя городскую жизнь и монотеистические религии

(также развивались техника и язык). На стадии «цивилизации» человек перешел к научному познанию и дальше усовершенствовал языковые и технические средства.

На сегодняшний день наука частично отвергла эволюционный подход к истории. Считается, что многие культурные элементы были привнесены в ту или иную культуру путем диффузии (т.е. трансфера). Кроме того, существует мнение, что прошлое «цивилизации» нельзя отождествлять с современным бытом и культурой так называемых «дикарей». Надо заметить, что ученые из разных областей науки продолжают использовать в своих исследованиях пережиточные культурные формы и обращают на них пристальное внимание. Это заставляет нас вернуться к данной теме, несмотря на то что она практически не разрабатывалась в течение XX и в начале XXI в.

Определенная работа, направленная на развитие темы пережиточных культурных форм (не считая критики), была осуществлена антропологами и культурологами конца XIX и начала XX в. – Францем Боасом, Уильямом Риверсом, Робертом Лоуи, Альфредом Хэддоном, Робертом Мареттом и Эндрю Лэнгом.

Уточняя суждения о пережиточных формах, высказанные Тайлором, эти авторы пришли к общему выводу, что определение, данное им, слишком размыто и на самом деле включает в себя сразу два класса не совпадающих друг с другом феноменов. Дело в том, что термин «пережиток» как в русском, так и в английском языке (*survival*) указывает на нечто, что смогло пережить свое время, но вовсе не является естественной частью (см. определение выше) времени, в котором оно существует вторично. Все эти формы «ослаблены, разрушены и, насколько это касается народа, бессмысленны» [Haddon, 1921, p. 22]. Тем не менее они служат определенной цели, но «все же не могут быть объяснены их нынешней полезностью» [Rivers, 1913, p. 295]. Пережиток «становится изолированным от своего органического контекста и может быть понят только после того, как будет восстановлен на своем надлежащем месте» [Lowie, 1918, p. 529]. Таким образом, «эти окаменелости обрядов, идей и верований абсолютно несовместимы с окружающей моралью, философией и наукой» [Lang, 1897, p. viii]. Старинные обычаи, гармонизировавшие с известным типом окружающей среды, «обнаруживают тенденцию сохраняться при новых условиях, при которых они скорее невыгодны, чем выгодны народу» [Боас,

2018, с. 90]. Эти «выжившие» элементы культуры «как бы не в состоянии и не желают поддерживать темп остальных» [Marett, 1936, p. 25–26].

Роберт Маретт также предложил новый термин для полезных пережиточных форм: вместо «выживания» здесь уместнее говорить о «возрождении» (revival). В научной литературе при схожем контексте нередко употребляется слово «рецидив».

Советские ученые, в свою очередь, тоже внесли некоторый вклад в развитие данной темы. В статье 1982 г. [Першиц, 1982] Абрам Исаакович Першиц описал собственную классификацию остаточных (вторичных) форм, состоящую из трех типов: во-первых, это непосредственно «пережитки» (бесполезные «реликты»); во-вторых, видоизмененные формы (или «дериваты»); и, наконец, формы, сохраняющие свой неизменный вид в любом историческом выражении («реституты»).

Постановка проблемы

В соответствии с научными идеалами XIX в. Тайлор отдает предпочтение индуктивно-эмпирическим методам исследования. Чтобы сформулировать свое определение «пережитка», он собирает данные о множестве культурных явлений, пользуясь как наблюдаемыми им самим, так и косвенными фактами, которые были извлечены из исторических сочинений. Однако Тайлор значительно исказил это определение, поскольку так и не решился классифицировать известные ему сведения о пережиточных формах (некоторые невнятные попытки можно оставить без внимания). Более поздние классификации (см. Введение) также нельзя назвать полными. После приведения всех данных в общую систему мы, возможно, уточним границы означенных выше понятий. В любом случае классификация является важнейшей частью индуктивного познания и ценна сама по себе, независимо от полученных корректировок.

Решение проблемы

Первый тип пережиточных форм, который будет здесь описан, указывает на действие привычки и отторжение новых технологий, ко-

торые нередко свойственны пожилым людям. «В графстве Сомерсет я знал женщину, ткацкий станок которой относится ко времени, предшествовавшему введению подвижного челнока. Я видел, как она перебрасывала свой челнок из одной руки в другую» [Тэйлор, 2009 а, с. 50]. Еще одно упоминание (вместо удобной мотыги пожилые возделыватели земли используют примитивный хак): «Традиция Южной Швеции указывает на пустые участки некогда возделанной земли в лесах и дебрях, которые были полями старых “хакеров”, и в течение одного поколения на лесных фермах все еще можно было увидеть сам “хак”, сделанный из ели-пихты, с толстой выступающей веткой на нижнем конце, коротко обрезанной и заостренной» [Tylor, 1881, p. 76]. Формы такого типа я предлагаю называть «сеньными» (медицинский термин; т.е. старческий, относящийся к старости).

В своих работах Тайлор исследовал анимистические и религиозные верования, которые, единожды возникнув у «примитивных» народностей, передавались из поколения в поколение и сохранились до наших дней. Так, в древности люди верили, что душа может покидать тело, пока человек спит или находится без сознания. Для большинства «цивилизованных» людей (и в XIX, и в XXI в.) подобные представления уже не имеют никакой ценности, однако мы еще можем наблюдать их следы в «таких выражениях, как “быть вне себя”, “быть в экстазе”, и тот, кто говорит, что его душа стремится навстречу другу, придает, быть может, этой фразе более глубокое значение, чем смысл простой метафоры» [Тэйлор, 2009 а, с. 26]. Этимология некоторой части вполне современных английских слов содержит в себе пережиток прежней картины мира. Например, слово *woodmare* (т.е. эхо) прямо указывает на лесную нифму, которая, как верили древние, откликается в звуке эхо. Другой пример сохранения религиозных представлений в языке – обозначения дней недели: так, англичане посвятили четверг богу Тору (Thursday). Устойчивость географических топонимов свидетельствует о существовании предшествующих культурных стадий, даже в том случае, если речь идет о завоевании одним народом другого. Далее выскажемся о языке тела. Мимика, по здравому размышлению, появилась раньше, чем вербальный язык. Сегодня, добавляя к нашей речи мимические движения, не столь обязательные, как кажется, мы моделируем язык тела самых древних предков человека (не говоря уже о животных). Таким образом, с учетом

той функциональной роли, которую здесь играет язык, данные пережиточные формы было бы уместно называть «лингвистическими».

Вместе с тем реликты анимистических верований можно найти не только в языке. Многие из них имеют непреходящую ценность для некоторого числа людей, которым с детства прививали совершенно иные воззрения (светские или христианские). Так, почти забытый обычай, в соответствии с которым вслед за телом умершего погребению также подлежат его родственники, слуги и домашние животные, поддерживается в Англии (пусть и в усеченном виде): «эта трогательная церемония с участием лошади в похоронной процессии солдат, — пишет Тайлор, — представляет последний остаток древнего жертвоприношения» [Тайлор, 2019, с. 258]. Кроме того, по сведениям английского ученого, жители деревень продолжают снабжать мертвеца разнообразной погребальной утварью, которая окажется весьма кстати (по их мнению) при посещении загробного мира. А в Горной Шотландии, где можно отыскать немало каменных изваяний на могилах, до сих пор практикуют похоронные процессии с обсыпкой камнями в местах остановки. Китайцы сжигают своих мертвых сородичей, добавляя в огонь бумажные деньги, одежду и подарки (здесь, как и ранее, речь идет о XIX в.). Однако воспроизводятся не только погребальные, но и иные ритуалы. Для нас очевидно, что магия очень распространена среди «дикарей» и даже среди «варварских» народов (к ним, как правило, относят древних греков, римлян, индусов). Тем не менее, как передает Тайлор, его современники продолжают пользоваться магией: «...деревенские люди все еще делают сердце и втыкают в него булавки, чтобы ранить какого-нибудь человека, с которым они предпочитают его ассоциировать» [Tylog, 1867 а, р. 312–313].

Если описанные выше примеры выживания культурных форм относились прежде всего к «цивилизованным» народам, следующий случай показывает, что «варварские» обычаи также могли наследовать более ранние образцы. «Когда индуистский брахман, совершая жертвоприношение, должен забыть о своем кремне и стали и вернуться к простому деревянному огневому сверлу для добывания огня трением, один Брахман дергает за шнурок взад и вперед, а другой стоит с трупом, чтобы поймать священную искру, он верит, что продолжает делать это для получения чистого и святого огня; но мы видим, что это грубое старое примитивное искусство, давно забытое в практической

жизни, но сохраненное для церемониального использования» [Tylor, 1869, p. 523].

Одержимость ритуалами также характерна и для современных спиритуалистов (колдунов, магов, ясновидящих, целителей и др.). Широко известны медиумические сеансы (в том числе и в наши дни), где спиритуалисты инсценируют (?) общение с духами, феномены автописма и гадания. «Дикарь» сразу бы признал эти явления, «поскольку такие вещи являются частью его признанной системы природы; единственная часть дела вне его компетенции было бы искусство письма, которое действительно принадлежит к более высокому уровню цивилизации, чем его» [Tylor, 1869, p. 528]. Не остаются без внимания современности и медицинские ритуалы. Духа болезни можно заклясть так, чтобы он оказался заключенным в некий предмет-фетиш (куклу, веревку, кусок одежды), который впоследствии хранится шаманом или вывешивается на кроне священного дерева. Если верить Тайлору, подобные способы излечения больных практиковались и в его время. К той же категории следует отнести попытки изгнания духов, с которыми ассоциируется болезнь, путем экзорцизма. Далее стоит упомянуть о связи карточных игр и бросания костей с обрядами гадания. Это «ритуальные» пережиточные формы.

В родстве с предыдущим типом культурных пережитков находится тип, который можно обозначить как «церемониальный». Вот что пишет Тайлор о вырождении (и одновременно выживании) королевской охоты на оленя: она «превратилась в простую придворную церемонию с ее кавалькадами и высшими государственными сановниками в их великолепных мундирах» [Тэйлор, 2009 а, с. 212].

Нельзя пройти мимо и непосредственного воспроизводства анимистических верований (которые не опосредуются ритуалами). Современный человек продолжает верить в привидения, или, иными словами, в существование души вне тела. Эти представления в некоторых случаях полностью соответствуют своим историческим прецедентам, а в других – незначительно видоизменены. «Когда мы встречаемся с представлениями о привидениях у более цивилизованных людей, кажется, что они придерживаются теории, унаследованной от полного анимизма низших рас, но его последовательность сильно пострадала из-за вмешательства лучшего знания фактов. Когда появился призрак отца Гамлета, он надел свою бобровую шапку. “Какой бобр?”.

Европейцу, верящему в привидения, показалось бы глупым говорить о призраке шлема; но для североамериканского индейца вполне разумно, что шлем должен иметь призрака, а также воина, который надевает его на свою призрачную голову. Мнение европейского провидца призраков, без сомнения, более научное, тем сильнее влияет знание фактов природы; но более широкий спиритуализм дикаря более полон, более последователен, потому что, как есть много оснований думать, он ближе к своему источнику» [Tylor, 1867 b, p. 89].

Для древнего человека весь мир был одушевленным. В поэзии и фантастических литературных произведениях и по сей день можно встретить анимистические метафоры и мифологические сюжеты с участием персонажей религий анимизма. Далее перейдем к христианской религии. Она делает некоторые послабления для тех, кто хочет проводить своих родственников в последний путь. На могилах раскладываются цветы и съестные подношения (печенье, конфеты), в церквях загораются свечи за упокой души. Наиболее архаично среди этих почти отживших свое привычек выглядит обыкновение оставлять еду на столе или в углах комнат для умерших членов семьи, чтобы те могли насытиться и не беспокоить родичей. Исходя из сказанного, все перечисленные выше примеры пережиточных форм следует отнести к «анимистической» категории.

Не связанные прямо с ритуалами и верованиями пережитки можно было бы назвать «симптомальными», так как они представляют собой сохранившиеся от предыдущих исторических стадий суеверия и поиск всевозможных «знаков», указывающих на те или иные будущие события. Так, народное предубеждение против браков в мае живет и в настоящее время (вспомним русское поверие: «в мае жениться – всю жизнь маяться»). Этот и множество других фактов суеверий собраны и описаны Тайлором в его работах.

Выше отмечалось, что христианство снисходительно относится к некоторым проявлениям языческого мировоззрения. Пост и причастие сохраняют элементы старых ритуалов, о вреде которых ни миряне, ни священнослужители, как правило, не задумываются. Вера в святых и творимые ими чудеса также воспринимается как должное. Вместе с тем не только христианство, но и другие семитские религии (иудаизм, ислам) и отчасти буддизм прикладывают немало усилий для того, чтобы искоренить следы языческих культов. Под ударом оказываются

фетишизм, идолопоклонство, обожествление природы, т.е. именно то, что Тайлор назвал «анимистическими верованиями». Причем секты и недавно обращенные страны (например, африканские) гораздо более смиренны по отношению к языческим символам и обрядам. Однако эти формы никак нельзя признать естественными для христиан. В случае если последние критически относятся к такого рода религиозным отправлениям, мы имеем дело с «конфронтационными» пережитками. В противном случае – «двоеверческими».

Напоследок упомянем о схожем явлении другого порядка, а именно – о взаимодействии между наукой и так называемыми донаучными верованиями, которые сегодня предстают в виде «лженауки». Лженаука (астрология, теология и пр.) строго осуждается академическим сообществом. Однако здесь есть и примеры «двоеверия». Нередко в научных сочинениях можно встретить факты одушевления природы, судьбы, закона. «Они, – как пишет Тайлор, – и сейчас еще мыслятся как реальные существа, чья жизнь и положение в мире являются своего рода тенью жизни и места человека» [Tylor, 1866, p. 84].

Следующий тип пережиточных форм можно было бы отнести к «двоеверческому» или «конфронтационному», если бы он был связан с верой или мировоззрением. В отличие от предыдущих типов культурных пережитков, для полноценного анализа здесь необходимо привлечь более широкий контекст. Если ранее мы рассматривали пережиток в призме его прошлого и настоящего, то в этом случае мы обязаны также учитывать его будущее развитие. Исходя из этого, данный тип необходимо назвать «бифуркационным». И везде, где мы имеем переходную форму при определенном векторе развития, можно говорить об этом типе. Приведем пример. Кельты (цельты) конца каменного и начала бронзового века, найденные в Европе, были достаточно искусным орудием. С одной стороны кельт был заострен, с другой – зашлифован. Палеолитические европейцы, разумеется, не знали технологию шлифовки, но уже определенным образом обрабатывали свои голыши (неизвестно, как их использовали – с древком или без), чтобы одна из сторон оставалась гладкой. Если допустить альтернативное развитие человеческой истории, где человек не продвинулся далее эпохи палеолита, такая технология могла бы стать вершиной его творчества.

Древние загадки и пословицы никогда (вплоть до сегодняшнего дня) не служили человеку забавой. Еще «на уровне европейской средневековой культуры они играли очень важную роль в воспитании народа» [Тэйлор, 2009 а, с. 118]. В отсутствие философской мудрости народ использовал эту информацию для ориентации в мире. Далее, если вспомнить знаменитую загадку Сфинкса, решенную Эдипом (согласно древнегреческому мифу), можно сделать вывод, что подобные загадки были частью обрядов инициации, где, помимо прочего, молодежь получала знания об окружающем ее космосе. Это «гностический» (от *гнозис* – знание) тип пережиточных форм.

Продолжая сказанное выше, надо отметить (вслед за Тайлором), что современные загадки больше рассчитаны на ребенка, чем на взрослого человека (в том числе иницируемого). Другие факты показывают, что древние мифы, потерявшие свое значение сегодня, сохраняются в детских сказках. Кроме того, разнообразные игры, в которые играют наши дети, копируют архаичные обряды. Это напоминает биологический принцип «рекапитуляции» или «биогенетический закон», сформулированный в начале – середине XIX в. учеными-эволюционистами. Все пережиточные формы, относящиеся к этому классу, было бы правильно обозначить как «инфантные».

Некоторые жесты, которыми пользуются животные в своих социальных взаимодействиях, имеют аналоги в привычках человека. Испытывая страх и бессилие перед более статусной особью, животное приседает или сжимается. Схожий инстинкт мы можем обнаружить у нашего вида, однако он выражает скорее почтение, чем страх (или, лучше сказать, страх вперемешку с почтением). Подобные пережиточные формы, указывающие на дочеловеческую культуру, было бы вполне уместно назвать «анимальными».

Далее необходимо сказать о жестах, которыми животные никогда не пользуются, и вся их история связана только с человеком. Так, интересный кейс представляет жест почтения, заключающийся в обнажении головы. В те времена, когда еще носились воинские доспехи, это не было просто красивым знаком. «Снять шлем значило то же самое, что обезоружить, и выражало в большинстве случаев или покорность, или мир» [Тайлор, 1868, с. 63]. Таковы «жестуальные» пережиточные формы.

С техникой человек познакомился давно. Уже 2 млн лет назад Homo habilis имел в своем распоряжении несколько примитивных видов орудий труда. Сегодня принято выделять три технологических периода в истории человечества: каменный век; бронзовый век; железный век (иногда к ним также добавляется «медный век»). В этой периодизации трудно найти место «деревянному веку». Очевидно, что деревянные орудия появились одновременно (если не раньше) с орудиями каменными, и, что самое интересное, они продолжают использоваться даже на поздних этапах развития железного века. Случай употребления булавы еще в Средние века, а также множество других подобных случаев упоминаются Тайлором в его трудах. Предпочтительно называть такие пережиточные формы «орудийными».

Та же булава, после исторической стадии активного пользования, предстает перед нами в виде многозначительного символа. Ее, по сведениям Тайлора, «носят как эмблему королевской власти и кладут на стол во время заседания парламента или королевского ученого общества» [Тэйлор, 2009 а, с. 187]. Подобные пережиточные формы, по моему мнению, следует назвать «символическими».

Кроме того, иногда мы наблюдаем не только применение архаичных орудий труда, но и трансформацию технологического способа этого применения. Так, ныне полностью забытое копьё, которым уже не пользуются современные армии, обрело вторую жизнь в медицине. Пройдя через длинный путь формообразования, оно стало «ланцетом» (от лат. *lansea* – копьё, пика). Однако есть и менее радикальные примеры технических новаций. Средневековые и современные ружья, по мнению Тайлора (и это трудно оспорить), произошли от одного общего предка – выдувательной трубки. Даже после изобретения пороха солдаты продолжали использовать выдувание для выталкивания снаряда из ствола, что смотрелось довольно несовременно, учитывая более продвинутый метод – прикладывание к запалу раскаленного угля или фитиля (позже этот процесс был механизирован). Здесь мы, таким образом, отмечаем сохранение технологии при видоизменении орудия. Далее интересно отметить особые условия использования технических средств после внедрения более сложной технологии. Например, аборигенное население Гебридских островов XIX в. продолжало использовать свои примитивные хижины, выстроенные путем кладки необработанного камня, только в летний сезон (весьма вероятно, что

на данный момент ни одного такого жилища уже не осталось). Этот тип пережиточных форм я обобщенно назову «технологическим».

В древности у человека не было разнообразных инструментов для выполнения тех или иных задач. Охота, рыбалка и война велись с помощью одних и тех же орудий. Однако высокотехнологичное оружие редко используется для частных целей. Поэтому на средневековой охоте можно было увидеть лук, на охоте XIX в. – арбалет, а в наши дни – дульнозарядное ружье (а также и лук, и арбалет). Таким образом, здесь перед нами архаичный элемент культуры, который переходит из одной исторической эпохи в другую, но уже в дисфункциональном виде. Это «компульсивно-импульсный» тип пережиточных культурных форм.

Представления человека о красоте нередко значительно варьируются от расы к расе и от одной эпохи к другой. То, что мы считаем красивым и эстетичным, представитель другой расы и другой исторической эпохи, возможно, сочтет уродством. Поэтому не стоит удивляться странной для нас привычке деформировать черепа маленьких детей с целью придания им разнообразных форм. Однако, по сведениям Тайлора, такая привычка сохраняется и у современных европейцев.

Теперь скажем о другом схожем случае. Траурные церемонии «дикарей» и «варваров» могут растягиваться на длительное время и вынуждают их окрашивать себя белыми и красными красками. Как и все украшения (а также татуировки) этих народностей, они выполняют сразу две функции – эстетическую и защитную. В наши дни подобный макияж свойственен актерам некоторых театральных и цирковых представлений, но, очевидно, защитная функция здесь выпадает. Эти пережиточные формы можно назвать «эстетическими». Пение, музыка и танцы также относятся к роду эстетики. Припевы в песенном искусстве «дикарей» нередко лишены смысла. В них повторяются по несколько раз бессмысленные слоги (вроде «абанг-абанг!»). Тайлор отмечает ту же тенденцию в современной ему пении. Далее о танцах. В древности они имели прочную семантическую связь с религией. «Остатки подобных обрядов, – пишет Тайлор, – можно еще видеть в плясе девочек и мальчиков вокруг огней, зажигаемых в Иванову ночь или в танцах ряженных на Святках» [Тэйлор, 2009 а, с. 306].

Следующий тип пережитков (назовем его условно «сциентифическим») показывает определенную зависимость современных научных

дисциплин по отношению к древним знаниям и привычкам. Так, наше десятиричное и двадцатеричное счисление (а также римское пятеричное) произошло от примитивного счета по пальцам рук и ног. В своих работах Тайлор прочерчивает линии эволюции от самых зачаточных культурных форм к развитым. По его мнению, древнегреческая (древнеегипетская, древневавилонская) наука сильно уступала даже науке Нового времени. Этот исторический процесс оказался фатальным для многих достижений классической науки. Частично сохранились лишь малозначимые элементы. Например, в современной медицине до сих пор использую термин «диагноз», введенный греческим медиком Галеном.

Последний тип пережиточных форм – «юридический». Правовые установления не менее, чем другие феномены культуры, имеют тенденцию к перерождению в новых культурных системах. Часть таких установлений видимым образом «задерживает» развитие общества и тянет его к историческим корням. Приведем несколько подходящих примеров. Континентальная глобализация в Европе XIX в. не была чем-то новым, поскольку интенция к объединению сопровождала всему Модерну, начиная с конца Средних веков. Как и сейчас, она сочетается с открыто декларируемым пацифизмом. По этой причине Тайлор считает, что сегодня среди новой цивилизации «только объявление войны может все еще возвращать общество к ранней ступени грабежа и призовых денег» [Тайлор, 2019, с. 302]. Другим приобретением «новой цивилизации» является внедрение актов и законов, которые ограничивают королевскую власть. В химере парламентской и конституционной монархии (в Англии и других европейских странах) Тайлор видит очевидный пережиток ничем не сдерживаемого произвола одной личности.

Резюме

Таким образом, мною было выделено 20 типов пережиточных культурных форм: 1) юридический; 2) сциентифический; 3) эстетический; 4) компульсивно-импульсный; 5) технологический; 6) орудийный; 7) символический; 8) анимальный; 9) жестуальный; 10) инфантный; 11) гностический; 12) бифуркационный; 13) двоeverческий; 14) конфронтационный; 15) симптомальный; 16) анимистический;

17) ритуальный; 18) церемониальный; 19) лингвистический; 20) сенильный. Некоторые пережитки можно отнести сразу к нескольким типам, что видно из их характеристик (например, сциентифические – к лингвистическим, или эстетические – к ритуальным и т.д.). Все описания остаточных явлений, представленные в этой статье, принадлежат Тайлору. Я позволил себе несколько дополнить их лишь в трех случаях: когда говорил о компульсивно-импульсных пережитках (применение арбалета и лука вместе с дульнозарядными ружьями на охоте), а также о двоеверческом и конфронтационном типе (упоминание недавно обращенных в христианство стран и религиозной нетерпимости буддизма). Предложенная здесь классификация никак не уточняет определение пережиточной формы, которое было выработано в результате корректировки определения Э. Тайлора в конце XIX – начале XX в.

Заключение

Объем исследований, посвященных (прямо или косвенно) культурным пережиткам, указывает на необходимость построения полноценной теории, где были бы учтены все особенности формирования и выживания этих форм при переходе из одной системы социокультурных феноменов в другую. Первая и главная задача – установить социальные и психические основания этого процесса. Некоторые зачатки такой теории уже представлены в сочинениях Тайлора и его последователей. Не менее важно рассмотреть методику исключения пережиточных форм, которые не могут быть названы таковыми. В ходе работы над статьей я столкнулся с этой проблемой. По ее итогам я сделал следующие выводы: однозначно должны быть исключены все описания пережиточных форм, где невозможно или затруднительно восстановить историческую хронологию событий; те случаи, когда налицо не выживание элемента, а его диффузия; а также те случаи, когда остается под вопросом преемственность двух социокультурных систем (их параллелизм свидетельствует о диффузии элемента или о его независимом открытии).

Список литературы

- Боас Фр. Ум первобытного человека. – Москва : URSS, 2018. – 154 с.
- Першиц А.И. Остаточные явления в культуре // Природа. – 1982. – № 2. – С. 92–100.
- Тэйлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. – Москва : URSS, 2019. – 328 с.
- Тэйлор Э.Б. Доисторический быт человечества и начало цивилизации. – Москва : Д.И. Преснов, 1868. – 508 с.
- Тэйлор Э. Первобытная культура : в 2 кн. – Москва : ТЕППА – Книжный клуб, 2009 а. – Кн 1. – 464 с.
- Тэйлор Э. Первобытная культура : в 2 кн. – Москва : ТЕППА – Книжный клуб, 2009 б. – Кн. 2. – 496 с.
- Haddon A.C. The practical value of ethnology. – London : WATTS & CO, 1921. – 66 p.
- Lang A. Modern mythology. – London : LONGMANS, GREEN, AND CO, 1897. – xxiv, 1 l, 212 p.
- Lowie R.H. Survivals and historical method // The American Journal of Sociology. – 1918. – Vol. 1. – P. 529–535.
- Marett T.T. Modern sociologists. Tylor. – London : CHAPMAN AND HALL, 1936. – 220 p.
- Rivers W.H.R. Survival in sociology // The sociological review. – 1913. – Vol. 4. – P. 283–305.
- Tylor E.B. Phenomena of the Higher Civilisation: Traceable to a Rudimental Origin among Savage Tribes // Anthropological review. – 1867 a. – Vol. 5. – P. 303–314.
- Tylor E.B. On the Origin of the Plough, and Wheel-Carriage // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1881. – Vol. 10. – P. 74–84.
- Tylor E.B. On the Survival of Savage Thought in Modern Civilization // Notice of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of Great Britain. – 1869. – April 23. – P. 522–535.
- Tylor E.B. On Traces of the Early Mental Condition of Man // Notices of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of the Great Britain. – 1867 b. – March 15. – P. 83–93.
- Tylor E.B. The religions of savages // The Fortnightly Review. – 1866. – Vol. 6. – P. 71–86.

References

- Boas, Fr. *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Moscow., URSS Publ., 2018. 154 p. (In Russ.)
- Pershic, A.I. *Ostatochnye yavleniya v kul'ture* [Ostatochnye yavleniya v culture]. In *Priroda*, no. 2, 1982, pp. 92–100. (In Russ.)

Tajlor, E.B. *Antropologiya. Vvedenie k izucheniyu cheloveka i civilizacii* [Anthropology. An introduction to the study of man and civilization]. Moscow, URSS Publ., 2019. 328 p. (In Russ.)

Tajlor, E.B. *Doistoricheskij byt chelovechestva i nachalo civilizacii* [Researches into the Early History of Mankind and the Development of Civilization]. Moscow, D.I. Presnov Publ., 1868. 508 p. (In Russ.)

Tejlor, E. *Pervobytnaya kul'tura: v 2 kn.* [Primitive culture in 2 vols]. Book 1. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub Publ., 2009 a. 464 p. (In Russ.)

Tejlor, E. *Pervobytnaya kul'tura: v 2 kn.* [[Primitive culture in 2 vols]. Book 2. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub Publ., 2009 b. 496 p. (In Russ.)

Haddon, A.C. *The practical value of ethnology*. London, WATTS & CO Publ., 1921. 66 p.

Lang, A. *Modern mythology*. London, LONGMANS, GREEN, AND CO Publ., 1897. 212 p.

Lowie R.H. Survivals and historical method. In *The American Journal of Sociology*, Vol. 1, 1918, pp. 529–535.

Marett T.T. *Modern sociologists*. Tylor. London, CHAPMAN AND HALL Publ., 1936. 220 p.

Rivers, W.H.R. Survival in sociology. In *The sociological review*, Vol. 4, 1913, pp. 283–305.

Tylor, E.B. Phenomena of the Higher Civilisation: Traceable to a Rudimental Origin among Savage Tribes. In *Anthropological Review*, Vol. 5, 1867 a, pp. 303–314.

Tylor, E.B. On the Origin of the Plough, and Wheel-Carriage. In *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, Vol. 10, 1881, pp. 74–84.

Tylor, E.B. On the Survival of Savage Thought in Modern Civilization/ In *Notice of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of Great Britain*, April 23, 1869, pp. 522–535.

Tylor, E.B. On Traces of the Early Mental Condition of Man/ In *Notices of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of the Great Britain*, March 15, 1867 b, pp. 83–93.

Tylor, E.B. The religions of savages. In *The Fortnightly Review*, Vol. 6, 1866, pp. 71–86.

*Душенко К.В. **

СИМВОЛИКА ГОЛУБЯ МИРА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

Аннотация. Символика голубя мира складывалась в процессе взаимодействия нескольких мотивов, принадлежавших двум традициям: во-первых, иудеохристианской (голубь из Ноева ковчега и голубь как символ Св. Духа), во-вторых, античной (оливковая ветвь, голуби Венеры). Начиная с XVII в. победу мира над войной символизировали, кроме голубя с оливковой ветвью, также голуби, свившие гнездо в шлеме воина. Этот образ восходит к латинскому двустиишу, которое приписывалось Петронию. Выражение «голубь мира» вошло в язык в XVII в. Поначалу сакральное и политическое значения метафоры выступали в тесной связи; с XVIII в. она стала использоваться также в собственно политическом смысле. Тогда же голубь с оливковой ветвью появляется на карикатурах, что означало, в сущности, десакрали-

** Душенко Константин Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия, e-mail: kdushenko@nl.n.ru*

Dushenko Konstantin – PhD in Historical Science, Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: kdushenko@nl.n.ru

¹Позднейшему периоду посвящена наша статья «Символика голубя мира в Новейшее время», которая готовится к публикации в следующем номере «Вестника культурологии».

зацию символа. В политическом языке XIX в. голубь был символом миротворческой дипломатии либо отрицания войны как таковой. В англоязычной литературе «голубям мира» нередко противопоставлялись «ястребы войны». Вербальная символика пацифистской Лиги всеобщего братства, основанной Э. Бёрритом в 1846 г., в некоторых отношениях предвосхищала символику просоветского движения сторонников мира.

Ключевые слова: христианская иконография; оливковая ветвь; пацифизм; политическая карикатура; Петроний; Себастьян де Коваррубиа; Э. Бёррит.

Получена: 23.06.2022

Принята к печати: 20.07.2022

Konstantin Dushenko

Symbolism of the Peace Dove from Antiquity to Modern Times

Abstract. The symbolism of the dove of peace developed in the process of interaction of several topics belonging to two traditions: firstly, Judeo-Christian (the dove from Noah's ark and the dove as a symbol of the Holy Spirit), and secondly, ancient (olive branch, doves of Venus). Starting from the 17th century, the victory of the peace over the war was symbolized, in addition to the dove with an olive branch, also by the doves that made a nest in the helmet of a warrior. This image goes back to the Latin distich, which was attributed to Petronius. The expression "dove of peace" entered the language in the 17th century. At first, the sacred and political meanings of the metaphor were in close connection; since the 18th century it began to be used also in a purely political sense. At the same time, the dove with olive branch appears in caricatures, which meant, in essence, the desacralization of the symbol. In the political language of the XIXth century, the dove was a symbol of peacekeeping diplomacy or the denial of war as such. In English-language literature, "doves of peace" were often opposed to "war hawks". The verbal symbolism of the pacifist League of Universal Brotherhood, founded by E. Burritt in 1846, in some respects anticipated the symbolism of the pro-Soviet peace movement.

Keywords: Christian iconography; olive branch; pacifism; political caricature; Petronius; Sebastián de Covarrubias; E. Burritt.

Received: 23.06.2022

Accepted: 20.07.2022

Для цитирования: Душенко К.В. Символика голубя мира от Античности до Нового времени // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 26–52. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.02

Истоки символа

Символика голубя мира возникла в результате взаимодействия сразу нескольких мотивов, принадлежавших двум традициям – иудеохристианской и античной. Центральным из этих мотивов была история о Ноевом ковчеге; все прочие группировались вокруг него.

В Ветхом Завете Ной, странствуя в поисках суши, сначала выпустил ворона, но тот всякий раз возвращался обратно. Затем он трижды выпустил голубя; на третий раз голубь вернулся в ковчег, «и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8:11).

В повествовании о потопе, включенном в шумеро-аккадский «Эпос о Гильгамеше», роли ворона и голубя обратные. Праведник Утнапиштим выпускает поочередно голубя, ласточку и ворона, чтобы найти землю; голубь и ласточка кружат и возвращаются, а ворон остается на показавшейся из воды суше [Миф о потопе ..., 1963, с. 265].

В византийской иконографии встречались изображения Ноя с вороном на одном плече и голубем на другой [Кондаков, 1876, с. 93]. Позднее голубь и ворон нередко противопоставлялись друг другу как вестники добра и зла или персонификации мира и войны, но эта метафорика не связана с повествованием о потопе.

В древнееврейском тексте Книги Бытия использовано слово м. р. *uoná* – голубь (отсюда имя пророка Ионы). *Др.-гр.* *peristera* и *лат.* *columba* – слова ж. р. То же относится к романским языкам и немецкому языку (*die Taube*). *Англ.* *dove* среднего рода. В церковнославянском переводе ‘голубица’, а в синодальном ‘голубь’. Выражение «голубка мира» чаще всего относится у нас к эмблеме Пикассо, как перевод *фр.* *la colombe de la paix*.

В иудейской традиции голубь из ковчега не служит символом мира в каком бы то ни было смысле. В Вавилонском Талмуде (Брахот 53 b) встречается уподобление голубя еврейскому народу со ссылкой на Книгу Псалмов, 68(67):14: «...Вы стали, как голубица, которой

крылья покрыты серебром, а перья – чистым золотом». В каббалистической традиции голубь из ковчега толкуется как аллегория судьбы еврейского народа в изгнании (книга «Зохар», получившая известность в XIII в.) [Zohar ..., 2000, p. 240].

У античных авторов голубь прежде всего символ любвеобилия. Голубь (голубка) был священной птицей Афины Паллады и Афродиты (Венеры). Этот атрибут обе богини унаследовали от Иштар, ближневосточной богини плодородия, любви и войны. В позднейшей европейской культуре пара голубков – обычная эмблема супружеской любви.

На реверсе монет г. Сикион в Пелопоннесе с IV в. до н.э. помещался лавровый венок, а в нем – летящий голубь [рис. 1]. Встречалось истолкование этого изображения как символа мира (напр.: [Васильевский, 1869, с. 201]), но это очевидный анахронизм.

Рис. 1. Серебряный статер г. Сикион (IV в. до н.э.). – URL: <https://i.pinimg.com/564x/67/db/e8/67dbe811752a339595e25e15488ba39e.jpg>

Оливковые (масличные) ветви, обвитые белой шерстью, у греков были знаком мольбы о защите, обращенной к богам или к людям (напр.: Геродот, «История», V, 51; Аристотель, «Афинская политика», 43, 3). Этот обычай Дионисий Галикарнасский, греческий историк I в.

до н.э., перенес в описания ранней римской истории: побежденные племена обращаются к римлянам с просьбой о мире с оливковой ветвью в руках. В «Энеиде» Вергилия на вопрос латинян: «Нам войну или мир принесли вы?» – Эней простирает руку «с миротворной ветвью оливы» (*paciferaeque <...> ramum <...> olivae*) (VIII, 114–116; пер. С. Ошерова) [Вергилий, 1971, с. 266]. Символом мира, а не только просьбы о мире, оливковая ветвь стала в эпоху Римской империи. На римских монетах начиная с последней трети I в. до н.э., т.е. с правления Октавиана Августа, оливковую ветвь держит богиня мира Пакс (у греков – Эйрена), что символизировало воцарение гражданского мира в империи (*Pax Romana*) [рис. 2].

Рис. 2. Римский динарий с изображением богини Пакс (ок. 32–29 гг. до н.э.). – URL: <https://www.numisbids.com/sales/hosted/nac/125/image00589.jpg>

В латинских переводах Ветхого Завета масличный / оливковый лист из повествования о потопе превратился, под влиянием античной традиции, в оливковую ветвь (*ramum olivae*), а сама эта ветвь была истолкована как знак примирения Бога с человеком, символ благой вести: «...Поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа» (Быт 9:11).

Нередко можно прочесть, что в Античности голубю приписывалось особое миролюбие, поскольку у него нет желчного пузыря¹, а

¹ Накопление желчи у голубя совершается в главных желчных протоках.

желчь, согласно Гиппократу, является источником злобы. Однако Аристотель, главный авторитет древности в области зоологии, утверждал, что у голубя есть желчный пузырь и что «животное это воинственно»¹ («История животных», II, 15; IX, 7) [Аристотель, 1996, с. 118, 353]. В наличии у голубя желчного пузыря не сомневались Плиний Старший («Естественная история», XI, 194) и Гален, главный наставник европейских физиологов и анатомов вплоть до Нового времени («О черной желчи», 9).

У иудеев голуби и горлицы приносились в жертву для очищения от ритуальной нечистоты (Левит, гл. 5, 12, 14–15; Числа, гл. 6). В Новом Завете Св. Дух нисходит на Иисуса в виде голубя, а Иисус говорит ученикам: «...Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»² (Мф. 10:6). Поэтому у раннехристианских апологетов голубь – символ кротости, чистоты и невинности. Тертуллиан (2-я пол. II в. – начало III в.) писал, что голубю присущи чистота и невинность, ибо (вопреки Аристотелю и другим античным авторитетам) «даже тело голубя лишено желчи». «...Точно так же после вод потопа, которыми было вычищено древнее нечестие, после, можно сказать, крещения мира, голубь-вестник, выпущенный из ковчега и возвратившийся с оливковой ветвью (что даже у язычников служит знаком мира), возвестил землям о прекращении небесного гнева» («О крещении», VIII; пер. Ю. Панащенко) [Тертуллиан, 1994, с. 93].

Любвеобилие голубя, не слишком согласное с понятиями чистоты и невинности, Киприан Карфагенский толкует в духе христианской любви: «Дух Святой явился в виде голубя. Это простое и кроткое животное, без горькой желчи, <...>; пары <...> проводят жизнь во взаимном сожителстве, поцелуями свидетельствуют о своем согласии и мире, во всем наблюдают закон единомыслия. И в Церкви должно быть знаемо такое же простосердечие, должна быть достигаема такая

¹ Того же мнения был Пикассо, создатель наиболее известных образов голубя мира: «...Смеясь, он говорил, что голуби жадные и драчливые птицы, непонятно, почему их сделали символом мира» [Эренбург, 1990, с. 214].

² Употребленное в греческом оригинале слово ‘akéaios’ допускает различные толкования. В латинском переводе ‘simplices’ (просты), в *ц.-сл.* ‘цели’ (чисты, непорочны), в традиционном английском ‘harmless’ (безобидны, невинны), в немецком переводе Лютера ‘ohne Falsch’ (без лукавства), в современных русских переводах: ‘простодушны’, ‘бесхитростны’, ‘невины’.

же любовь <...>» («О единстве Церкви», III в.) [Киприан Карфагенский, 1996, с. 299].

Иначе, чем Тертуллиан, обосновывал миротворческую символику оливы Августин (IV в.): оливковая ветвь, принесенная голубем, служит символом вечного мира потому, что оливковое масло сохраняется долго, а само дерево вечно зелено («О христианском учении», II, 24) [Augustin, 1995, p. 84]. «Вечный мир» (pax perpetua), о котором говорит Августин, мог пониматься в религиозном смысле как вечный мир, даруемый душе, но также в политическом смысле. PAX PERPETUA – один из вариантов надписи на монетах с изображением богини Пакс.

В позднейшем богословии возобладало толкование Тертуллиана: Всемирный потоп уподоблялся крещению погрязшего в грехах мира, а голубь из ковчега – голубю, в образе которого явился Св. Дух.

В раннехристианской иконографии голубь символизировал Св. Дух и крещение. Голубь с веточкой в клюве (или сидящий на ней) изображался обычно на гробницах – как символ мира, дарованного душе [рис. 3]. Такие изображения сопровождались надписью In pace (vixit) – «Он (а) (жил (а) в мире», т.е. праведно.

Рис. 3. Изображение голубя с ветвью в римских катакомбах (III в.). – URL: <https://earlychurchhistory.org/wp-content/uploads/2018/04/Funerary-Inscription.jpg>

В Средние века Св. Дух, сошедший на Иисуса в виде голубя, в ряде случаев также изображался с ветвью в клюве. Эта ветвь означала

«мир, дарованный падшему человеку Спасителем» [Покровский, 2001, с. 252, 258–261, 275].

Цвет голубей и горлиц, упоминаемых в Ветхом и Новом Завете, не уточняется; нет на этот счет указаний и в талмудической традиции. Зато римские авторы неоднократно упоминают именно о белых голубях как священных птицах Венеры / Афродиты (напр.: Катулл, «Стихотворения», 29, 8; Овидий, «Фасты», I, 452; Апулей, «Метаморфозы», VI, 6). Белый цвет голубей Афродиты, по-видимому, восходит к гораздо более древней шумеро-аккадской мифологии¹.

Эмблематический голубь в послеантичной иконографии также всегда белый. В христианской культуре это цвет чистоты и невинности. Белый голубь с зеленой ветвью на красном поле был частью герба папы Иннокентия X (1574–1655) [рис. 4]. Этот голубь изображен на одном из пилоастров собора Св. Петра, созданном в 1646–1649 гг. по заказу Иннокентия.

Рис. 4. Герб папы Иннокентия X (середина XVII в.). – URL: <https://www.papalartifacts.com/wp-content/uploads/1985/08/innocent-x-coat-of-arms-768x733.png>

¹Так, на цветной фреске дворца правителя царства Мари в Сирии (XVII в. до н.э.) рядом с богиней Иштар изображен большой белый голубь [Schroer, 2014, p. 147].

В иконографии и литературе Нового времени вплоть до конца XIX в. символом политического мира служила, как и у римлян, оливковая ветвь, гораздо реже – голубь с ветвью в клюве. Изображение голубя с ветвью встречалось на различного рода сооружениях и памятных знаках, изготовлявшихся по случаю заключения мира (Утрехтский мир 1713 г., Ништадтский мир 1721 г. и т.д.).

В 1771 г. голубь с ветвью был помещен на банкноте североамериканской колонии Северная Каролина с девизом «Мир восстановлен»; имелось в виду подавление так называемого Восстания регуляторов, направленного против колониальных чиновников и крупных землевладельцев [рис. 5].

Рис. 5. Голубь на банкноте колонии Северная Каролина (1771). – URL: <https://www.greatseal.com/peace/NorthCarolina2.jpg>

В 1777 г., в разгар Войны за независимость, на крыше дома Джорджа Вашингтона в Маунт-Верноне был установлен огромный флюгер в виде голубя с ветвью. На банкноте штата Джорджия 1778 г. рядом с голубем помещен символ тираноборства – рука, держащая кинжал. Девиз: «Война или мир – готовы к тому и другому». Тот же смысл имело изображение на лицевой стороне государственной печати США (1782): белоголовый орлан, символ США, в одной лапе держит пучок стрел, в другой – оливковую ветвь, причем голова его повернута в сторону ветви в знак предпочтения мира, а не войны.

В викторианской Англии голубь с ветвью становится элементом новых гражданских гербов. Примером может служить герб фабричного города Блэкберн, утвержденный в 1852 г.: здесь голубь держит в клюве оливковую ветвь и нить ткацкого челнока.

В 1895 г. увидел свет утопический роман голландского писателя Луи Купейруса (L. Couperus) «Всеобщий мир» (Wereldvrede); в русском переводе (1906) – «Мир всему миру». В романе описывалось открытие Конгресса мира, организованного королем-пацифистом. «...Благородная мысль о мире вошла в общую моду. <...> ...Повсюду происходили балы мира, банкеты мира, балеты мира; композиторы сочиняли оперы мира, а писатели – романы мира и драмы мира. Созданы были общества мира для женщин и общества мира для детей. <...> Голубь с веткой маслины в клюве сделался любимым символом и являлся везде: от почтовой бумаги до дамских брошек» (курсив наш. – К. Д.) [цит. по: Парламент ..., 1899, с. 1020].

Здесь предугадано многое из того, что случилось полвека спустя.

Голуби в шлеме воина

Еще один важный для нашей темы мотив – голуби в шлеме воина. В XVI в. была опубликована латинская эпиграмма, которая в средневековых манускриптах приписывалась Петронию¹:

Militis in galea nidum fecere columbae:
apparet Marti quam sit amica Venus.

В шлеме воина голуби свили гнездо:
видно, как любит Марса Венера.

Этот образ, вероятно, восходит к комедии Аристофана «Лисистрата», написанной в разгар Пелопоннесской войны². По призыву Лисистраты, объявившей всеобщую «сексуальную забастовку» ради

¹ Обычно она цитировалась как принадлежащая Петронию, однако М.Л. Гаспаров в издании «Сатирикона» 1989 г. не включил ее в число подлинных стихотворений Петрония.

² Эта параллель отмечена во французском переводе «Лисистраты» 1790 г. [Aristophane, 1790, p. 404].

прекращения войны, афинский Акрополь захватывают женщины. Одна из них пытается сбежать, укрыв под платьем священный бронзовый шлем со статуи Афины Паллады, воздвигнутой в Акрополе. Когда шлем обнаруживают, беглянка оправдывается тем, что она на сносях и придется ей, «как голубке, прямо в шлем рожать» («Лисистрата», 753–755) [Аристофан, 1954, с. 144].

Голуби были священными птицами Афины, а шлем – ее постоянным атрибутом в иконографии. Аристофан дает пародийную отсылку к мифу о рождении Афины, вышедшей из головы Зевса в полном вооружении: женщина с шлемом собралась рожать, хотя еще вчера не была беременна. В латинской эпиграмме гротескный образ из комедии Аристофана переведен в лирический ряд, а богиня мудрости и военной стратегии заменена богиней любви.

Ранний пример истолкования эпиграммы в политическом смысле мы находим в сборнике «Моральные эмблемы» (1610) испанского энциклопедиста Себастьяна де Коваррубиаса. «Коваррубиас, – замечает современная испанская исследовательница, – не допускает применения насилия практически ни в каком контексте, за исключением божественного наказания и некоторых других строго ограниченных условий <...>» [González, 2015, p. 126].

На одной из эмблем сборника (II. 83) шлем лежит на вершине горы; голубка летит к сидящим в шлеме птенцам. Надпись: *Apparet, Marti quam sit amica Venus*. В клюве у голубки оливковая ветвь, так что это, собственно, уже не голубка Венеры, а голубь из Ноева ковчега [рис. 6]. Изображенная на эмблеме гора, возможно, понималась как гора Арарат, к вершине которой пристал Ноев ковчег. «Война, – поясняет автор, – не должна иметь никакой иной цели, кроме достижения мира¹, что и показывает голубка, свившая гнездо в шлеме воина» [Covarrubias, 1610, II. 83; González, 2015, p. 515].

¹Это общее место античных авторов: «Конечной целью войны служит мир» (Аристотель, «Политика», VII, 13, 16, 1334 а); «Войны надо начинать с целью <...> жить в мире» (Цицерон, «Об обязанностях», I, 11, 35) [Аристотель, 1984, с. 619; Цицерон, 1974, с. 67].

Рис. 6. Эмблема из книги Себастьяна де Коваррубиаса «Моральные эмблемы» (1610). – URL: <https://www.researchgate.net/profile/Jose-Garcia-Arranz/publication/314114771/figure/fig3/AS:466865161019394@1488320736793/Sebastian-de-Covarrubias-Emblemas-morales-Madrid-1610-cent-II-emb-83-Apparet.png>

С этого времени образ голубей в шлеме воина становится обычным в европейской культуре как символ победы любви над воинским пылом либо как символ победы мира над войной. В ряде случаев обыгрывались оба эти значения.

Англичанин Джон Холл поставил эпиграфом к своему стихотворному сборнику 1647 г. изречение *Sæpe quidem in galea nidos fecere Columbæ* – «Поистине, голуби часто свивали гнезда в шлеме» [Hall, 1647]. Книга была издана в промежутке между первой и второй гражданской войной в Англии, однако голуби в шлеме здесь не политический символ, а символ любви.

Изображение пары голубей с ветвями в клюве, свивших гнездо в пернатом шлеме Марса, помещено на памятной медали 1714 г. Медаль была отлита в Австрии по случаю заключения Раштаттского мира, положившего конец Войне за австрийское наследство. Надпись гласит: *In galea Martis nidum fecere columbæ* – «В шлеме Марса голуби свили гнездо» [Hauschild, 1805, S. 436]. Здесь, как и в эмблеме Коваррубиаса, образ из латинской эпиграммы совмещен с образом ветхозаветного голубя.

В 1768 г. французский художник Жозеф Мари Вьен по предложению Дидро написал картину «Венера, показывающая Марсу голубей, свивших гнездо в его шлеме». Картина была приобретена Екатериной II для Эрмитажа. По всей вероятности, именно к ней отсылает строка Г. Державина «В шлеме страсть гнездо свила» («Геркулес», 1798) [Державин, 1987, с. 219]. (В русской культуре данный сюжет не слишком известен, и в изданиях Державина этот образ оставляется без комментария.)

Свою версию того же сюжета создал Луи Жан Франсуа Лагрене (Lagrenée). На его картине «Марс и Венера, аллегория мира» (1770) Марс просыпается на ложе рядом с Венерой, его щит и меч валяются на полу, а в его шлеме уже свила гнездо пара голубков.

На фронтисписе «Исторического календаря для дам на 1793 год», издававшегося Фридрихом Шиллером, богиня плодородия Церера с улыбкой наблюдает, как Купидон кормит двух голубей, свивших гнездо в огромном шлеме [Historischer ..., 1792].

Знаменитый немецкий искусствовед И.И. Винкельман увидел в латинской эпиграмме «образ мира, обеспеченного любовью или браком между воюющими сторонами» («Опыт аллегории», 1766) [Winckelmann, 1766, S. 141]. Отчасти сходное истолкование предлагалось в немецкой газете 1800 г.: «Генерал Моро женится на дочери банкира Франка в Страсбурге. Да сплетет он ветвь мира с венками Гименея, а вскоре и с победными лаврами! К нему мы применим следующие стихи Петрония:

Militis in galea nidum fecere columbae.

Apparet Marti, quam sit amica Venus» [Politik ..., 1800, S. 1].

7 ноября 1801 г. в Париже была показана одноактная опера-балет «Шлем и голуби», написанная по случаю заключения мира с Англией и Россией (муз. Ж.Б. Гретри, либретто Н.Ф. Гийяра). Амур здесь поет: «В шлеме бога войны / Эти голуби свили гнездо: / Марс и Венера вместе за мир на земле <...>» [Guillard, 1801, p. 18]. Накануне свадьбы Наполеона с австрийской принцессой Марией Луизой (апрель 1810) французский придворный художник Ж.Б. Изабей получил заказ на миниатюру с изображением двух голубей в шлеме Марса [Taigny, 1859, p. 32]. Заказ императора в точности соответствовал толкованию символа, предложенному Винкельманом.

В стихотворении Томаса Мура «Светлые звуки арфы» (1807) читаем: «И вновь Красота усыпила бога Войны; / <...> / И семейство молодых голубей свило гнездо в его шлеме» [Moore, 1826, p. 457].

Символом перехода от военных занятий к мирным служит этот образ в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834), кн. VI: «Под кровлей висят четыре огромных шишака, / Украшавшие чело воинов: теперь же птицы Венеры, / Голубки, воркуя, кормят в них своих птенцов» [Mickiewicz, 1834, p. 30].

В 1869 г. Элиу Бёррит, американский дипломат и пропагандист пацифизма, писал об Уорикском замке, который был основан Вильгельмом Завоевателем, а в XIX в. стал пристанищем множества голубей: «Здесь белокрылая голубка Мира свила себе гнездо в ржавом, погнутом шлеме угрюмой Войны» [Burritt, 1869, p. 84]. Оборот «голубка Мира» максимально сближает этот образ с образом голубя из Ноева ковчега.

Голубь, свивший гнездо в солдатской каске, – сюжет антивоенной литографии (1938–1939) американского художника Рокуэлла Кента. Подпись к ней взята из той же латинской эпиграммы: *Militis in galea nidum fecere columbae* [рис. 7]. Литография воспроизведена на советской открытке 1960 г.; на обратной стороне осовремененный перевод: «И в шлемах солдат голуби мира совьют свои гнезда...»

Рис. 7. Рокуэлл Кент. Литография «*Militis in galea nidum fecere columbae*» (1938–1939). – URL: https://ds04.infourok.ru/uploads/ex/0658/0002c577-42206c94/hello_html_m9fc0f5e.jpg

Ближайшим современным аналогом античного двустипа является лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной» (Make love, not war), появившийся во время Вьетнамской войны (1965).

Метафорика Нового времени

Хотя символика голубя мира восходит к первым векам н.э., само это выражение вошло в язык сравнительно поздно, по-видимому, лишь в XVII в. Значение его установилось не сразу.

Лопе де Вега называет Деву Марию «Голубкой мира (Paloma de la paz) нашей жизни» («Вифлеемские пастухи» (1612), сочинение в стихах и прозе) [Lope de Vega, 1617, p. 287].

В драме Шекспира «Генрих VIII» (1613) в числе атрибутов короны Анны Болейн упомянут «серебряный жезл с голубем», а затем «жезл, и птица мира (bird of peace), и прочие эмблемы» (IV, 1). В энциклопедическом словаре XIX в. шекспировская «птица мира» отождествлена с голубем из Ноева ковчега [Hunter, 1879, p. 547]. В действительности имелся в виду голубь как символ Св. Духа. Скипетр королей Англии, известный как «жезл справедливости и милосердия» (the Rod of Equity and Mercy), увенчан фигурой голубя с распростертыми крыльями, что символизировало духовную власть монарха.

Во французской духовной литературе XVII в. метафора «голубь мира» (colombe de (la) paix) отсылает к широкому кругу значений. Иезуит Жан Пьер Камю вкладывает в нее как духовное, так и светское содержание: «Приди, о голубь Мира, и ты упокоишься в ранах Распятого, и пасись среди лилий нашего справедливого Людовика, нашего Соломона, незлобивого (pacifique) к смиренным, нашего Давида, смиряющего могучей десницей гордыню бунтовщиков и мятежников» [Camus, 1623, p. 581].

Бенедиктинец Клод Мартен (1619–1696), один из представителей французского мистицизма, по-своему развивает мотив уподобления ветхозаветного и новозаветного голубя: «...Когда Бог скончался на кресте, его душа стала мистическим голубем, который вылетел из ковчега, т.е. из его тела, и который, узнав, что потоп грехов наших <...> обратился вспять, вернулся [т.е. явился своим ученикам после Воскресения. – К. Д.], чтобы возвестить мир, как это сделал в древности голубь Ноя, вернувшийся после потопа в ковчег патриарха с олив-

ковой ветвью, символом мира. <...> Приди же, о Голубь; приди, душа Иисуса, возвестить слова мира моему сердцу <...>» [Martin, 1669, p. 265].

В сборнике эмблем и девизов 1679 г. в одном разделе представлены Св. Дух в образе голубя и голубь из ковчега [Menestrie, 1679, p. 370–375].

Контаминация сакрального и политического значений метафоры «голубь мира» особенно заметна в духовной литературе эпохи Гражданской войны в Англии (середина XVII в.).

Джон Фитли, капеллан Карла I, обращается к Господу со словами: «Ты, Боже, Ты еси *Бог мира* (God of peace); Ты, Христос, Ты еси *Князь мира* (Prince of peace); Ты, Небесный и Благословенный Дух, Ты еси *Голубь мира*: Ты, Единая *Троица*, даруй мир этой земле нашей <...>» [Featley, 1646, p. 719].

Уильям Стамп, капеллан принца Уэльского, обличая сторонников парламентской партии, вопрошает: «...Должны ли они возлагать всю свою нечестивость на самого Бога <...>? Должен ли *Голубь мира и Любви* служить оправданием их беспощадности и кровавых казней?» [Stampe, 1651, p. 199].

Джон Годольфин, сторонник парламентской партии, называет Евангелие «Голубем Мира с оливковой ветвью (Olive-Dove of Peace)» [Godolphin, 1651, p. 25]. Здесь, как и в ряде других случаев, совмещены символы голубя как воплощения Св. Духа и голубя из ковчега как вестника спасения.

В собственно политическом смысле метафора «голубь мира» стала использоваться в XVIII в., прежде всего в англоязычной литературе. Эдуард Юнг в дидактической оде «Купец» (1730) писал: «Торговля рождается из Мира, Богатство – из Торговли <...>: / ...А потому приветствую тебя, Голубь Мира!» [Young, 1741, p. 108].

В Баварии «голубем мира» (Friedenstaube) был назван курфюрст Максимилиан III Иосиф, который в 1745 г. заключил сепаратный мир с Австрией, выйдя из Войны за австрийское наследство. В сочиненном по этому поводу панегирике говорилось о голубе Ноя, прилетевшем с оливковой ветвью [Maugt, 1745].

«Голубь (голуби) мира» – частая метафора в англоязычной религиозной и дидактической поэзии XIX в. Голубь выступает здесь как

вестник мира (умиротворения) в самых различных контекстах. В Германии 1-й половины XIX в. метафора «голубь мира» встречается главным образом в поэзии, в значении «вестник умиротворения» и с ярко выраженными религиозными коннотациями. В немецкий политический язык метафора устойчиво входит со времени Крымской войны. Во Франции до конца XIX в. выражение «голубь мира» существенно реже встречалось в актуальном политическом контексте.

Ранний известный нам пример использования этой метафоры в русской литературе содержится в трагедии Рафаила Зотова «Разбойник Богемских лесов» (1829), ч. 1, III, 2¹. Здесь голубь мира – символ надежды, избавления от опасности, грозящей герою:

Кто прилетит в ковчег моей надежды?
Ты ль, верности символ, о голубь светлый,
Спасенье принесешь зеленой ветвью?
.....
Вот голубь мира, вот моя надежда!
О сын мой, обними меня, скажи,
Мы безопасны ли? [Зотов, 1829, с. 42]

В позднейшей русской литературе XIX в. также преобладало неполитическое значение метафоры, например:

«Он подарил мне маленькое серебряное яичко с голубком, несущим масличную ветвь.

– Пусть этот голубь <...> будет вестником мира...

– Для кого? <...>

– Для вашей души, для вашего сердца» [Вагнер, 1891, с. 126].

В словаре Даля читаем: «Голубь, несущий в клюве маслянную ветвь, завет мира». Слово ‘завет’ указывает на то, что речь идет о примирении Бога с человечеством. О голубе из ковчега говорится не в статье «Голубой», в которую включено слово ‘голубь’, а в статье «Масляничать»: на первом месте для Даля не голубь, а ветвь, которую он несет. То же относится к справочникам М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1894), «Русская мысль и речь» (1903–1904).

¹ Зотов переделал трагедию Байрона «Вернер», однако у Байрона «голубя мира» нет.

Иногда (преимущественно в Англии) голубь как вестник мира упоминался в связи со славословием ангелов при рождении Иисуса (Лк. 2:14). В православном богослужении это часть Великого славословия, в латинском – гимн Gloria, в английском и немецком языках – «ангельское песнопение». В латинском переводе: Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis – «Слава в вышних Богу и мир на земле людям доброй воли». Церковно-славянский перевод ближе к греческому оригиналу: «...на земле мир, во человецех (*синод.* в чело-веках) благоволение». То же относится к традиционному английскому переводу (...good will toward men – «...благоволение людям») и немецкому переводу Лютера (...den Menschen ein Wohlgefallen).

В 1713 г. пуританин Джон Эдвардс писал: «...Христос принес с собой мир всем народам»; «христианская религия, <...> подобно древнему голубю, летит к нам с оливковой ветвью в клюве и несет такие же добрые вести, как некогда ангел, – мир на земле, благоволение людям <...>» [Edwards, 1726, p. 542]. «Христианское учение, – писал другой английский автор XVIII в., – превзошло римский меч стремительностью своих завоеваний. <...> Настолько быстрее были крылья голубя, несущего радостную весть о мире на земле и благоволении людям, чем крылья римского орла, несущего людям войну и опустошение» [Rowlands, 1766, p. 143]. Еще одно высказывание относится к XIX в.: «...Голубь мира <...> взлетел на еще более высокие вершины, чем прежде, разбрасывая на своем пути счастливые эмблемы “мира на земле, благоволения к людям”» (т.е. листья оливы) [Mallett, 1856, p. 366].

В Новейшее время голубь с оливковой ветвью встречался на рождественских открытках и другой рождественской атрибутике.

«Голуби мира» и «ястребы войны»

«Голубь мира» как политическая метафора выступал в двух основных значениях. В первом – назовем его «дипломатическим» – голубь был символом миротворческой дипломатии. С середины XIX в. «голубями мира» чаще всего называли дипломатов как посланников мира:

«...Голуби мира и примирения не примчатся, чтобы унять бушующее море политических разногласий» [Russia, Turkey ..., 1829, p. 308].

«Голуби мира порхают во всех направлениях, и кажется несомненным, что воля всех вовлеченных держав никогда еще не склонялась к миру так сильно, как ныне» [цит. по: Krieg oder ..., 1856].

«...Барон Бруннов, первый голубь мира, прилетевший к нам из русского ковчега» [Aus Paris, 1856, S. 473].

Без оборота «голубь мира» этот образ встречался в России в эпоху Наполеоновских войн: «Александр, подобно Ноевой голубице, несет к народам масличную ветвь в знамение общего мира – в знак того, что кровавый потоп должен прекратиться на лице земли» [Августин (Виноградский), 1814, с. 10]. Слово ‘голубица’ взято здесь из *ц.-сл.* перевода Книги Бытия.

Вплоть до середины XX в. «дипломатическое» значение решительно преобладало.

Во втором, «пацифистском» значении голубь мира – символ отрицания войны как таковой. Примером может служить обращение унитариянского пастора Орвилла Дьюи, прочитанное в Американском обществе мира в 1848 г.: «...Вековая буря утихнет; потоп наших бедствий схлынет, и голубь мира вылетит из ковчега милости Божией, чтобы отдохнуть на лоне земли. “Волк возляжет с ягненком”», и т.д., в духе пророчества Исаии о царстве Мессии (Ис. 11:1–5) [Dewey, 1848, p. 17].

Цитировавшийся выше американский филантроп Элиу Бёррит основал пацифистскую Лигу всеобщего братства (1846) и организовал международный Конгресс друзей мира (Брюссель, 1848). В своих изданиях он широко использовал символику Оливкового Листа (The Olive Leaf) и голубя как вестника мира. «Оливковыми Листьями» он называл пацифистские статьи, рассылавшиеся в сотни европейских газет. Публикация этих статей, замечает Бёррит, равносильна «посещению голубя мира, передающего людям слова доброй воли» [Burritt, 1851, p. 77]. Год спустя после начала Крымской войны Бёррит писал в своей газете «Узы братства»: «Злобно клекочущий, кровожадный ястреб войны парит где-то вдали, в дыму сражений, и, как стервятник, чует свою человечью добычу; так давайте же отправим в полет голубя мира, <...> чтобы <...> он разбросал свои послания среди миллионов жи-

телей континентальной Европы» [Burritt, 1854, p. 37]. А затем, незадолго до окончания войны: «На удаляющейся темной туче войны бегают крылья Голубя Мира, несущего эмблему надежды и обещания человечеству», т.е. оливковую ветвь [Burritt, 1856, p. 127]. Столетием позже те же обороты переключаются в риторику просоветского движения сторонников мира.

Ранний пример оппозиции «голуби мира – ястребы войны» мы находим в биографии Б. Франклина, опубликованной в 1829 г. «Голубями мира» именуются здесь англичане, осуждавшие политику налогового угнетения североамериканских колоний накануне Американской революции: «...Эти голуби мира были недостаточно многочисленны, чтобы помешать ястребам войны <...>» [Weems, 1829, p. 215].

Выражение «ястребы войны», или «военные ястребы» (war-hawks), появилось в США в 1792 г.; так были названы сторонники войны с Англией. Это наименование было в особом ходу накануне и во время англо-американской войны 1812 г. Его использовали прежде всего федералисты против провоенного крыла Конгресса [Hickey, 2014]. О «ястребах войны» изредка писали и позже, например, во время американо-мексиканской войны 1846–1848 г.

Одним из источников этой метафоры могла послужить цитата из Овидия: «Ненавистен нам ястреб, который всегда при оружии» (лат. «Odimus accipitrem qui semper vivit in armis») («Наука любви», II, 147) [King, 1904, p. 238]. Эта строка включалась в англоязычные словари цитат с конца XVIII в.

В 1811 г. лидером провоенной фракции – «ястребов войны» – был спикер Палаты представителей Генри Клей (1777–1852). В 1840-е годы он сыграл ведущую роль в достижении компромисса по вопросу о рабстве в новых штатах США. Закон о компромиссе 1850 г. Клей назвал «голубем мира, который, поднявшись с купола Капитолия, несет во все отдаленные уголки этой обезумевшей страны радостную весть о том, что мир обеспечен и согласие восстановлено» (речь в Сенате 22 июля 1850 г.) [Clay, 1857, p. 563].

Иногда «голубю мира» метафорически сопутствует «ворон войны», например: «В некоторых землях губительные войны прекратились; белый голубь мира парит там, где видели ворона войны» [Spurgeon, 1872, p. 240]. Здесь мирная птица противопоставляется хищной, а белому – черное.

Отметим также высказывание Альфонса Луи Констан¹, в котором голубю мира противопоставляется «стервятник гражданских войн». В случае социальной революции, предостерегает Констан, «весь общественный строй погибнет в крови, огне и руинах». «Пусть же голубь мира со своей оливковой ветвью найдет пристанище среди нас, пока есть еще время <...>! Ибо стервятник гражданских войн, привлеченный запахом разложения, исходящим от нашего прогнившего общества, уже парит над нами в ожидании часа бойни <...>» [Constant, 1848, p. 110].

Оппозиция «голуби – ястребы» в значении «миролюбцы – сторонники войны» устойчиво вошла в обиход в США во время Вьетнамской войны (1960-е годы).

Политическая карикатура

Уже в XVIII в. голубь как вестник мира появляется в политической карикатуре, что означало, в сущности, десакрализацию символа. В сентябре 1762 г., когда в Париже шли переговоры о прекращении Семилетней войны, английский художник Уильям Хогарт создал гравюру «Времена» (The Times). Пламя горящего города символизирует войну, а в небе парит голубь с оливковой ветвью.

Ответом противников мира стала гравюра Эдуарда Самптера «Редкое зрелище!» (по мотивам Джеффриса О'Нила). Место голубя здесь занимает сова с оливковой ветвью, изображающая французского посла.

Год спустя Хогарт создал гравюру «Избивающий» (The Bruiser, 1763). В левом нижнем углу изображена пародийная гробница Уильяма Питта – старшего, фактического главы кабинета министров во время Семилетней войны. Восседающая на гробнице, Питт стреляет из пушки в голубя с оливковой ветвью, но промахивается.

В марте 1815 г. увидела свет английская сатирическая гравюра «Придется платить Дьяволу, или Возвращение Бони с острова Эльба» (худож. Дж. Льюис Маркс). Наполеон приближается к берегам Франции. Стоя на корабле, он убивает из пистолета голубя, вестника мира,

¹ А.Л. Констан (1810–1875), французский оккультист. Цитируемое здесь «Завещание свободы» – последнее его политическое сочинение.

воскликая: «Прочь с глаз моих, Мир, ты мне ненавистен!» Голубь роняет оливковую ветвь, которую держал в клюве, а дьявол, сидящий за веслами, замечает: «Теперь мы пройдем через море крови» [Grand-Carteret, 1895, p. 163] [рис. 8].

201. — IL FAUT PAYER LE DIABLE, OU RETOUR DE BONEY DE L'ILE D'ELBE.

Рис. 8. Карикатура «Придется платить Дьяволу, или Возвращение Бони с острова Эльба» (1815)

Частым персонажем политических карикатур голубь мира (теперь уже называемый именно так) становится с конца XIX в. и в еще большей степени – в Первую мировую войну.

Сюжетом американской карикатуры, озаглавленной «Орел войны и голуби мира», были мирные переговоры между США и Испанией, ведшиеся в августе 1898 г. Женщина, олицетворяющая США, кормит голубей мира. В клювах у голубей оливковые листочки с надписями испанских владений, оккупированных Соединенными Штатами в ходе войны; за голубями наблюдает злобный американский орел со штыком под крылом [Bartholomew, 1899, p. 114] [рис. 9].

Рис. 9. Карикатура «Орел войны и голуби мира» (1898). –
URL: <https://cdn.create.vista.com/api/media/small/237649204/stock-photo-spanish-american-war-old-retro>

На карикатуре Леонарда Равен-Хилла «Привет, Колумбия!» («Панч», 8 сентября 1915 г.) президент Вудро Вильсон, обращаясь к огромному американскому орлу с оливковой ветвью в клюве, восклицает: «Боже, какого голубя я из тебя сделал!».

Карикатура в миланском журнале *Mondo Umoristico* (1916) под заглавием «На ужин» высмеивала мирные инициативы Германии. Адъютант обращается к русскому царю: «Государь, его величество кайзер шлет вам голубя мира». «Хорошо, пусть его зажарят», – отвечает царь [The European ..., 1916, p. 805].

Следующий всплеск карикатурного творчества на тему голубя мира относится уже к рубежу 1940–1950 гг.

Список литературы

Исследования

Васильевский В.Г. Политическая реформа в Древней Греции в период ее упадка. IV // Журнал министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1869. – Т. 141. – С. 164–202.

Кондаков Н.П. История византийского искусства и иконографии : по миниатюрам греческих рукописей. – Одесса : тип. Ульриха и Шульце, 1876. – 276 с.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 562 с.

González S.P. Edición filológica y estudio de Emblemas morales de Sebastián de Covarrubias Orozco (1610) : Tese de doutoramento UDC/2015 / Universidade da Coruña. – [2015]. – 816 p. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/95054355.pdf> (дата обращения: 5.05.2022).

Hickey D.R. “War Hawks”: Using Newspapers to Trace a Phrase, 1792–1812 // Journal of Military History. – Lexington, 2014. – Vol. 78, April. – P. 725–740.

Schroer S. Ancient Near Eastern Pictures as Keys to Biblical Metaphors // The Writings and Later Wisdom / Ed. C.M. Maier, N. Calduch-Benages. – Atlanta : SBL Press, 2014. – P. 129–164.

Источники

Августин (Виноградский). Слово пред начатием благодарственного Господу Богу молебствия, по случаю покорения французской столицы победоносными российскими и союзными войсками. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1814. – 11 с.

Аристотель. История животных / пер. с древнегреч. В.П. Карпова ; под ред. и с примеч. Б.А. Старостина. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 528 с.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.

Аристофан. Лисистрата / пер. Д. Шестакова // Аристофан. Комедии : в 2 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – Т. 2. – С. 101–172.

Вагнер Н.П. Свет и мрак (Рассказ) // Вагнер Н.П. Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. – Санкт-Петербург : Стасюлевич, 1891. – Т. 5. – С. 115–163.

Вергилий. Буколики; Георгики; Энеида. – Москва : Худож. лит., 1971. – 447 с.

Державин Г.Р. Сочинения. – Москва : Худож. лит., 1987. – 502 с.

Зотов Р.М. Разбойник Богемских лесов: трагедия в пяти действиях, взятая из трагедий Байрона (Verneri) : в двух частях. – Санкт-Петербург : Плюшар, 1829.

Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви // Отцы и учителя Церкви III века : Антология : в 2 т. – Москва : Либрис, 1996. – Т. 2. – С. 295–307.

Кочетов В.А. Чего же ты хочешь?: Роман // Октябрь. – Москва, 1969. – № 9. – С. 11–136.

Кундера М. Бессмертие: (Роман) / пер. Н. Шульгиной // Иностранная литература. – Москва, 1994. – № 10. – С. 5–162.

Миф о потопе. Из эпоса о Гильгамеше / пер. Л.А. Липина // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. – Москва : Изд-во восточной лит-ры, 1963. – С. 264–266.

Парламент мира // Исторический вестник. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 76, № 6. – С. 1011–1031. – Подпись: И.М. Т.

Тертуллиан. Избранные сочинения. – Москва : Прогресс ; Культура, 1994. – 448 с.

Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – Москва : Наука, 1974. – 247 с.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь: воспоминания : в 3 т. – Москва : Сов. писатель, 1990. – Т. 1. – 634 с.

- Aristophane*. Théâtre d'Aristophane / Traduit par P. de Sivry. – Paris : Desray, 1790. – T. 2. – 416 p.
- Augustine*. De Doctrina Christiana / Ed. and transl. by R.P.H. Green. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXV, 293 p.
- Aus Paris // Die Grenzboten. – Leipzig, 1856. – Bd 1. – S. 473–477.
- Bartholomew C.L.* Cartoons of the Spanish-American War. – Minneapolis : The Journal Print. Co, 1899. – [160] p.
- [*Burritt E.*] Onward! Onward! // Bond of Brotherhood. – London, 1854. – № 51, October. – P. 37–39.
- [*Burritt E.*] The Foreign Mission of the Dove // Bond of Brotherhood. – London, 1851. – N 7, February. – P. 77–78.
- [*Burritt E.*] The Olive Leaf Mission // Bond of Brotherhood. – London, 1856. – № 68, March. – P. 127–128.
- Burritt E.* Walks in the Black Country and Its Green Border-land. – London : Sampson Low, 1869. – 414 p.
- Camus J.-P.* Homelies panegyriques de S. Ignace de Loyola, fondateur de la Compagnie de Jésus. – Lyon : J. Gaudion, 1623. – 601 p.
- Clay H.* The Speeches / Ed. by Calvin Colton. – New York : A.S. Barnes, 1857. – Vol. 2. – 632 p.
- Constant A.* Le testament de la liberté. – Paris : Frey, 1848. – 219 p.
- Covarrubias S. de*. Emblemas morales. – Madrid : Luis Sanchez, 1610. – [301] p.
- Dewey O.* An Address Delivered Before the American Peace Society. Boston, May 1848. – Boston : American Peace Society, 1848. – 24 p.
- Edwards J.* Theologia Reformata: Or, Discourses on those Graces and Duties which are Purely Evangelical. – London : T. Cox, 1726. – 618 p.
- Featley J.* A Fountain of Teares emptying itselfe into three rivelets. – Amsterdam : I. Crosse, 1646. – 725 p.
- Godolphin J.* The Holy Arbor, Containing a Body of Divinity. – London : J. Field, 1651. – 383, [11] p.
- Grand-Carteret J.* Napoléon en Images: Estampes anglaises. (Portraits et caricatures). – Paris : Firmin-Didot, 1895. – 190 p.
- Guillard N.-F.* Le Casque et les Colombes, opéra-ballet en un acte. – Paris : Ballard, 1801. – 20 p.
- [*Hall J.*] The Second Book of Divine Poems / By J.H. – London : Bonhwell, 1647. – Дата издания на титуле: 1646.
- Hauschild J.F.* Beytrag zur neuern Münz- und Medaillengeschichte vom XVten XVten Jahrhunderts bis jetzt. – Dresden : Gärtner, 1805. – 462 S.
- Historischer Calender für Damen für das Jahr 1793 / [herausg.] von F. Schiller. – Leipzig : Göschen, 1792. – 28 Bll., S. 473–860. – Продолжающаяся паг.
- Hunter R.* The Encyclopædic Dictionary. – London ; Paris ; New York : Cassel, 1879. – Vol. 1. – 768 p.
- King W.F.H.* Classical and foreign quotations. – London : J. Whitaker, 1904. – 412 p.
- Krieg oder Frieden? // Kemptner Zeitung. – Allgäu, 1856. – № 5, 5 Januar. – S. 21. – Перепечатка из Wiener Zeitung.

- Lope de Vega* F. Pastores de Belen, prosas y versos divinos. – Lerida : L. Manescal, 1617. – 336 p.
- Mallett J.* The Peace – its Bearings and Forbearings // *The Idler*. – London, 1856. – № 6. – P. 359–369.
- Martin C.* Méditations Chrestiennes. – Paris : P. de Bats, 1669. – 359 p.
- Mayr J.N.* Dank-Ruffe der Noemitischen Friedenstaube, <...> Maximilian Joseph. – Munchen : Riedlin, 1745. – [20] S.
- Menestrie C-F.* La philosophie des images: composée d'un ample recueil de devises, & du jugement de tous les ouvrages qui ont été faits sur cette matiere. – Paris : La Caille, 1679. – T. 2. – 507 p.
- Mickiewicz A.* Pan Tadeusz, czyli, Ostatni zajazd na Litwie. – Paryż : A. Jełowicki, 1834. – T. 2. – 300 s.
- Moore T.* Works. – Leipsic : E. Fleischer, 1826. – 620 p.
- Politik steigt auf der zum Krieg // Reich der Todten: eine Zeitschrift enthaltend politische Gespräche...* – [Frankfurt/am/Main], 1800. – № 19, 5 ten März, Beilage. – S. [1–2].
- Rowlands H.* Mona Antiqua Restaurata: An Archæological Discourse on the Antiquities, natural and historical, of the isle of Anglesey. – 2nd ed. – London : J. Knox, 1766. – XVI, 357 p. – 1-е изд.: 1723.
- [Russia, Turkey and India] // *The Foreign Review, and Continental Miscellany*. – London, 1829. – Vol. 3, № 6. – P. 279–322. – Art. 1. – Заглавие в колонтитуле.
- Spurgeon C.H.* The Metropolitan Tabernacle Pulpit: Sermons Preached and Revised During the Year 1871. – London, 1872. – Vol. 17. – 720 p.
- Stampe W.* A Treatise of Spiritual Infatuation, Being the Present Visible Disease of the English Nation. – Hague : S. Broun, 1650 [i.e. 1651]. – [66], 242 p.
- Taigny E.J.-B.* Isabeau: sa vie et ses oeuvres. – Paris : E. Panckoucke, 1859. – 55 p.
- The European War as Seen by Cartoonists // The New York Times Current History of the European War.* – New York, 1916. – Vol. 3, N 4, January. – P. 791–814.
- Weems M.L.* The Life of Benjamin Franklin. – Philadelphia : U. Hunt, 1829. – 239 p.
- Winckelmann J.J.* Versuch einer Allegorie besonders für die Kunst. – Dresden : In der Waltherischen Hof Buchhandlung, 1766. – 158, [12] S.
- Young E.* The Poetical Works.. – London : M. Kurll, 1741. – Vol. 2. – 304 p.
- Zohar: Selections / transl. and annot. by Moshe Miller.* – Morristown : Fiftieth Gate Publications and Seminars, 2000. – Vol. 1. – 366 p.

References

- González, S.P. Edición filológica y estudio de Emblemas morales de Sebastián de Covarrubias Orozco (1610): Tese de doutoramento UDC / 2015 [Philological Edition and Study of Emblemas Morales by Sebastián de Covarrubias Orozco (1610): PhD thesis UDC / 2015]. Universidade da Coruña Publ., [2015], 816 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/95054355.pdf> (accessed 5 May 2022). (In Spanish)
- Hickey, D.R. “War Hawks”: Using Newspapers to Trace a Phrase, 1792–1812. In *Journal of Military History*. Lexington, vol. 78, April, 2014, pp. 725–740.

Kondakov, N.P. *Istoriya vizantijskogo iskusstva i ikonografii: po miniatyuram grecheskih rukopisej* [History of Byzantine Art and Iconography: Based on Miniatures of Greek Manuscripts]. Odessa : tip. Ul'riha i Shul'ce Publ., 1876, 276 p. (In Russ.)

Pokrovskij, N.V. *Evangelie v pamyatnikah ikonografii preimushchestvenno vizantijskih i russkih* [Gospel in Monuments of Iconography, Mainly Byzantine and Russian]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2001, 562 p. (In Russ.)

Schroer, S. Ancient Near Eastern Pictures as Keys to Biblical Metaphors. In *The Writings and Later Wisdom* / Ed. C.M. Maier, N. Calduch-Benages. Atlanta, SBL Press Publ., 2014, pp. 129–164.

Vasil'evskij, V.G. Politicheskaya reforma v Drevnej Grecii v period ee upadka. IV [Political Reform in Ancient Greece during its Decline. IV]. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Saint Petersburg, 1869, vol. 141, pp. 164–202.

Список иллюстраций

Рис. 1: Серебряный статер г. Сикион (IV в. до н.э.). – URL: <https://i.pinimg.com/564x/67/db/e8/67dbe811752a339595e25e15488ba39e.jpg>

Рис. 2. Римский динарий с изображением богини Пакс (ок. 32–29 гг. до н.э.). – URL: <https://www.numisbids.com/sales/hosted/nac/125/image00589.jpg>

Рис. 3. Изображение голубя с ветвью в римских катакомбах (III в.). – URL: <https://earlychurchhistory.org/wp-content/uploads/2018/04/Funerary-Inscription.jpg>

Рис. 4. Герб папы Иннокентия X (середина XVII в.). – URL: <https://www.papalartifacts.com/wp-content/uploads/1985/08/innocent-x-coat-of-arms-768x733.png>

Рис. 5. Голубь на банкноте колонии Северная Каролина (1771). – URL: <https://www.greatseal.com/peace/NorthCarolina2.jpg>

Рис. 6. Эмблема из книги Себастьяна де Коваррубиаса «Моральные эмблемы» (1610). – URL: <https://www.researchgate.net/profile/Jose-Garcia-Arranz/publication/314114771/figure/fig3/AS:466865161019394@1488320736793/Sebastian-de-Covarrubias-Emblemas-morales-Madrid-1610-cent-II-emb-83-Apparet.png>

Рис. 7. Рокуэлл Кент. Литография «Militis in galea nidum fecere columbae» (1938–1939). – URL: https://ds04.infourok.ru/uploads/ex/0658/0002c577-42206c94/hello_html_m9fc0f5e.jpg

Рис. 8. Карикатура «Придется платить Дьяволу, или Возвращение Бони с острова Эльба» (1815).

Рис. 9. Карикатура «Орел войны и голуби мира» (1898). – URL: <https://cdn.create.vista.com/api/media/small/237649204/stock-photo-spanish-american-war-old-retro>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.03

*Попова И.Ю.**

ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ В ПЬЕСЕ МАЙКЛА ФРЕЙНА «КОПЕНГАГЕН»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТЫ[®]

Аннотация. В статье рассматривается противоречивость работы памяти и воспоминаний в пьесе известного британского писателя Майкла Фрейна «Копенгаген». Статья опирается на широко известные факты о встрече физиков Бора и Гейзенберга в оккупированном Копенгагене в 1941 г., однако интерпретирует их с точки зрения сюжета пьесы и тех временных планов, которые создаются ее текстом и связанными с ней контекстами. Какова была истинная цель встречи?

Ключевые слова: воспоминания; физики; атомная бомба; нацистская Германия; Копенгаген.

Поступила: 11.07.2022

Принята к печати: 19.08.2022

* *Попова Ирина Юрьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: irapo@mail.ru

Popova Irina Yurievna – PhD in Philology, Assistant Professor (Docent) of World Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: irapo@mail.ru

Попова И.Ю., 2022

**Popova I. Yu.
Memory and history in Michael Frayn's *Copenhagen*:
text and contexts**

Abstract. The paper considers contradictions in the way memory and memoirs work in the play *Copenhagen* by the famous British author Michael Frayn. It exploits many well-known facts concerning the meeting-up of the physicists Bohr and Heisenberg in 1941, in Copenhagen, then occupied by Nazis. It interprets those facts, though, from the viewpoint of Frayn's story and the time-layers provided both by the text and the contexts it triggered. What was the true purpose of the meeting?

Keywords: memories; physicists; atomic bomb; Nazi Germany; Copenhagen.

Received: 11.07.2022

Accepted: 19.08.2022

Для цитирования: Попова И.Ю. Память и история в пьесе Майкла Фрейна «Копенгаген»: текст и контексты // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 53–60. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.03

В пьесе Майкла Фрейна (Michael Frayn, род. 1933) «Копенгаген» (*Copenhagen*, 1998) [Frayn, 1998], жанр которой можно определить как историческую драму, всего три персонажа, имеющие реальные прототипы: известные физики датчанин Нильс Бор (Niels Bohr, 1885–1962) и немец Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg, 1901–1976), а также жена Бора Маргрет (Margrethe Bohr, 1890–1984). В фокусе сюжета одна встреча Гейзенберга, профессора из нацистской Германии, и Бора: Гейзенберг в сентябре 1941 г. приезжал в оккупированную немцами Данию, чтобы поговорить с Бором. Гейзенберг, согласно сюжету пьесы, не антифашист, но и не поклонник нацизма; он, похоже, немецкий патриот, но не аморальный человек и имеет представление о последствиях создания атомной бомбы¹. И вот такая пьеса – три персонажа и один вечер в оккупированном Копенгагене – имела фантастический успех: сначала, в 1998 г., более 300 представлений в Национальном театре (National Theatre) в Лондоне, затем, в 1999 г., 750 представле-

¹Здесь и далее данные о сюжете пьесы приводятся по: [Frayn, 1998].

ний в театре Дачес (Duchess Theatre) в лондонском же Уэст-Энде, в 2000 г. – 326 представлений в Королевском театре (Royal Theatre) на Бродвее в Нью-Йорке. Пьеса также была переведена на многие языки и поставлена в Париже (1999) [BNF], в Хельсинки (2001), в Буэнос-Айресе (2002) [Gustavo Schraier] и в ряде других мест, включая Москву (МХАТ им. Чехова, в роли Нильса Бора – Олег Табаков) и Петербург. Думается, что одно из объяснений успеха пьесы – ее открытый конец, тревожащая сознание читателя и зрителя незавершенность. Стремление восстановить истину – важнейший двигатель сюжета, оно же породило целый ряд внесюжетных контекстов, которые не могут не заставить раскрывать новые смысловые потенциалы также и в тексте «Копенгагена».

Важной особенностью пьесы является то, что ее персонажи вспоминают прошлое и спорят о том, что и как произошло, давно находясь в загробном мире – говорят, по сути, их неупокоенные души. В их разговорах поднимаются различные временные пласты и события. Главное время и событие, как уже отмечалось, – сентябрь 1941 г., Гейзенберг приезжает в оккупированный Копенгаген с целью дать понять своему бывшему наставнику Бору, что атомная бомба реально уже почти изобретена – им! – и вскоре может быть создана. Он не может говорить прямо, так как знает о гестаповской прослушке дома Бора. Он вспоминает, что ему был необходим совет учителя по поводу дальнейших действий. Этим его воспоминанием о задаче встречи читатель и руководствуется как непреложной истиной на протяжении большей части сюжета. Однако во второй части пьесы речевая доминанта перемещается к Маргрет, она в основном обвиняет Гейзенберга – в разных грехах и проступках, но главное, в том, что единственной целью его приезда в 1941 г. было хвастовство уже почти созданным новым оружием и что мнение Бора на его дальнейшую работу не произвело бы никакого воздействия: он жаждал славы, нацистская Германия вскоре получила бы бомбу. До конца пьесы так и не становится ясным, кто из персонажей прав. Тем не менее и автору пьесы, и ее читателю / зрителю известно, что не Гейзенбергом и не в Германии будет к 1945 г. произведено новое страшное оружие. Почему? Это, оказывается, уже во время той памятной встречи в Копенгагене в 1941 г. поняли Бор и научившаяся разбираться в квантовой механике и в физике Маргрет. Поняли и промолчали. Из их воспоминаний мы,

несведущие, узнаем, что, во-первых, в нацистской Германии не в чести была теоретическая физика, поэтому талантливые физики-евреи могли до поры до времени делать карьеру лишь в области не востребова- нной теории, а затем и вовсе эмигрировали – как правило, в Америку; во-вторых, Гейзенберг в 1941 г. не знал, откуда и каким образом в воюющем мире в Германию возможно доставить очень большое количество урана, необходимое для запуска цепной реакции (а Боры, оказывается, уже знали, что определенного типа урана – урана 235 – для запуска реакции достаточно совсем мизерное количество); в-третьих, Боры знали, что Гейзенберг неважный математик и не увидел ошибки в основополагающих для его работы расчетах, сделанных другими, в 1941 г. находящимися в эмиграции (из сюжета, правда, не ясно, намеренно ли была сделана ошибка).

Из этого главного временного пласта пьесы – воспоминаний о сентябре 1941 г. – есть несколько ретроспектив, главная и большая часть которых относится к 1920-м годам, когда молодой Гейзенберг несколько лет работал в Дании под руководством уже маститого Бора. Два эпизода оба вспоминают неоднократно. Один из них – поездка группы физиков в загородный одиноко стоящий дом Бора, чтобы покататься на лыжах. Когда понадобилось что-то из припасов, склонный к соревнованиям Гейзенберг предложил всем бежать на лыжах до ближайшего селения наперегонки. Он уложился в рекордно малое количество минут, Бор же пришел последним, затратив почти в четыре раза больше времени. Думается, этот эпизод служит для характеристики ученых: Гейзенберг стремительный и тщеславный, эти качества в работе могут быть чреватые ошибками; Бор же спокойный, даже неторопливый, к славе не стремящийся, вероятно, основательность свойственна ему и в работе. Кроме того, из сюжета ясно, что воспоминание о том лыжном забеге Гейзенбергу приятно – не готовит ли нас автор пьесы к приятию упоминавшегося обвинения его в хвастовстве, делая мнение Маргрет вполне убедительным? Второй эпизод из двадцатых годов – гибель сына Бора. Юноша упал в море с кораблика, которым управлял отец, и тот даже не попытался его спасти, боясь оставить штурвал. Гейзенберг бережит старую рану, напоминая Бору о трагедии. Бор отвечает, что все многие годы с тех пор не было ни одного дня, чтобы он о ней не вспомнил. Упоминание эпизода не единжды явно преследует не информативную цель. Если это дополни-

тельная характеристика Гейзенберга как человека нечувствительного до жестокости, возможно, это намек на его отношение к работе над оружием массового поражения. У Бора же акцентируется отсутствие стремительности действия, когда она необходима. Однако важно подчеркнуть, что Бор, страдая, вспоминает, что его бездействие было результатом способности трезво просчитать последствия: нырни он в сложившихся условиях за сыном, он бы вряд ли мальчика спас, а почти наверняка утонул бы и сам. Кораблик бы потерял управление и тоже бы затонул со всеми, кто на нем находился. Можно предположить и метафорическую интерпретацию эпизода: Гейзенберг в условиях прослушки так дает понять Бору, почему не покидает работу над бомбой. Уйди он в сторону (сравнимо с отказом от управления судном), ведь и сам погибнет – нацисты его сгноят в лагере либо казнят, – и никого не спасет. Держать атомный проект под контролем (сравнимо с ролью капитана) – меньшее из двух зол.

Третье релевантное для пьесы время – 1956–1957 гг. Австрийский журналист Роберт Юнг (Robert Jungk, 1913–1994) опубликовал книгу о создании атомной бомбы «Ярче, чем тысяча солнц. Личная история физиков-атомщиков» (*Heller als tausend Sonnen. Das Schicksal der Atomforscher*. Stuttgart, 1956) [Jungk, 1956]. Все участники встречи в Копенгагене еще живы, Бор и Гейзенберг отреагировали на книгу радикально противоположно. В книге сообщается, что Гейзенберг был против создания атомной бомбы по этическим соображениям, и цитируется отрывок из его письма на тему. Однако сохранившийся полный текст этого письма прочитывается иначе: протеста и отказа Гейзенберга работать над бомбой не было. И это понятно – автор письма жил в нацистской Германии, ему было чего бояться. Однако из 1956 г. все виделось по-другому, и Бор был возмущен, читая письмо в урезанном виде, отредактированном в соответствии с новым, постнацистским временем. Он-то запомнил встречу в 1941 г. иначе: Гейзенберг тогда был вовсе не против разрабатывать новое оружие для своей родной Германии. Юнга после 1956 г. неоднократно обвиняли в том, что он перевирал в книге слова Гейзенберга и Вайзэкера (Carl Friedrich von Weizsäcker, 1912–2007), возможно, еще одного участника встречи в Копенгагене, которого Фрейн в пьесу не ввел. Юнг же в 1990 г. обвинил их за то, что они вводили его в заблуждение по поводу работы немецких физиков во время войны (приводится по: [Jungk, 1990]).

Этот временной пласт пьесы особенно ясно дает представление о постмодернистском принципе ненадежности исторических свидетельств и, следовательно, о невозможности узнать, что и как произошло на самом деле – даже, подчеркнем, когда событие случилось сравнительно недавно и все его участники еще живы.

Перебросим теперь мостик из *до*-постмодернистского 1956 г. к четвертому временному пласту сюжета, к уже умудренному постмодернистской теорией 1998 г., когда Фрейн завершает работу над пьесой. Бор, его жена Маргрет и даже значительно более молодой Гейзенберг давно умерли, но продолжают – напомним, из загробного мира – вспоминать ту встречу в Копенгагене в 1941 г. и оспаривать версии друг друга. Их душам никак не упокоиться. Им, ясно, нет дела до постмодернистской идеи о невозможности реконструировать прошлое, они именно это пытаются совершить. Казалось бы, это последний временной пласт сюжета – пьеса завершена и в конце 1998 г. даже поставлена. Однако с «Копенгагеном» все произошло не так.

Не только архивные материалы, с которыми при написании пьесы работал Фрейн, повлияли на ее создание, но и пьеса своей недоговоренностью и по сути открытым финалом спровоцировала необходимость публикации ранее закрытых архивов. Так, были обнародованы документы из Архива Нильса Бора в Копенгагене, в том числе и переписка Бора и Гейзенберга 1957 г., в том числе и черновики не отправленных Бором писем по поводу книги «Ярче, чем тысяча солнц». Эти документы заставили прочитать и увидеть события сюжета пьесы несколько иначе.

В 2005 г., опять же спровоцированный интересом к пьесе Фрейна, на английском языке вышел сборник научных работ, в котором интерпретацию главного события сюжета, встречи в Копенгагене, дают историки (приводится по: [Michael Frayn's "Copenhagen" in Debate ..., 2005]). То, что уже заверченный текст оказался способным к порождению новых смыслов – или, возможно, эти смыслы потенциально в нем были заложены, их надо было лишь проявить? – придает этому тексту статус выдающегося. Это вообще-то свойство великих произведений (таких, как в английской традиции, например, «Беовульф» или шекспировский «Гамлет») – со временем генерировать новые смыслы.

Для нас был бы предвиденным и желанным и другой, более общий вывод, проливающий свет на эволюцию современного литературного процесса. А именно: в Британии роман со своими «историями-как-байками» в 1980–1990-е годы начинает уступать место принципиально иному – истории, которая больше **не** как байка. Как бы красиво такую схему отхода от постмодернизма могла поддержать и драма, в частности, историческая драма «Копенгаген»! Последняя ведь пишется со многими допущениями (по сути, теми же «байками»). Однако приходится признать, что столь удобная для понимания литературного процесса схема не работает: поправки внесло время.

После спровоцированных пьесой публикаций новых архивных документов и их интерпретаций в начале нового тысячелетия откликнулись ранее молчавшие люди, в частности, ученик и друг давно умершего Гейзенберга хорватский ученый, журналист и писатель Иван Супек (Ivan Supek, 1915–2007). Он утверждает, что встреча в Копенгагене в 1941 г. вообще создания атомной бомбы не затрагивала. Супек ссылается на информацию, полученную им от Маргрет, о чем он говорит в интервью в марте 2006 г. (ему уже за девяносто лет, естественно, состояние его памяти может вызывать сомнения) (приводится по: [Supek, 2006]). Свидетельство Супека как будто бы подтверждается сохранившимся письмом Гейзенберга жене: встреча в Копенгагене была приятным вечером, Бор читал всем вслух, а затем он, Гейзенберг, играл на фортепиано сонату Моцарта. Ясно, однако, что в ситуации 1941 г. он не стал бы доверять письму тему разработки атомного оружия. Ясно также, что в перспективе – теоретически бесконечная *прогрессия*, или же, используя релевантную для пьесы метафору, – цепная реакция, которая не ясно чем, как и когда завершится. Вопрос о возможности узнать, «как оно все было на самом деле», пока остается без ответа.

Список литературы

- BNF (Bibliothèque Nationale de France). – URL:
https://data.bnf.fr/fr/39495218/copenhagen_spectacle_1999/
Frayn Michael. Copenhagen. – London : Methuen Drama, Methuen & Co Ltd, 1998. – 132 p.

Jungk Robert. Heller als tausend Sonnen. Das Schicksal der Atomforscher. – Stuttgart : Scherz & Goverts, 1956. – 368 S.

Jungk Robert. Vorwort // Mark Walker, Die Uran-maschine, Mythos und Wirklichkeit der deutschen Atombombe. – Berlin : Siedler, 1990. – S. 7–10.

Michael Frayn's "Copenhagen" in *Debate: Historical Essays and Documents on the 1941 Meeting Between Niels Bohr and Werner Heisenberg* / Ed. Matthias Dörries. – Berkeley : Office for History of Science and Technology. Univ. of California, 2005. – 195 p.

Gustavo Schraier producciones. – URL:
<https://www.gustavoschraier.com.ar/producciones/11/copenhagen/>

Supek Ivan. *Moj život s nobelovcima 20. stoljeća.* 2006. – URL:
<https://www.jutarnji.hr/naslovnica/moj-zivot-s-nobelovcima-20.-stoljeca-4033656>

References

BNF (*Bibliothèque Nationale de France*). – URL:
https://data.bnf.fr/fr/39495218/copenhagen_spectacle_1999/

Frayn M. *Copenhagen.* – London : Methuen Drama : Methuen & Co Ltd Publ., 1998. – 132 p.

Jungk, Robert. *Heller als tausend Sonnen. Das Schicksal der Atomforscher.* – Stuttgart : Scherz & Goverts Publ., 1956. – 368 S.

Jungk, Robert. Vorwort // Mark Walker. *Die Uran-maschine. Mythos und Wirklichkeit der deutschen Atombombe.* – Berlin : Siedler, 1990. – S. 7–10.

Michael Frayn's "Copenhagen" in *Debate: Historical Essays and Documents on the 1941 Meeting Between Niels Bohr and Werner Heisenberg* / Ed. Matthias Dörries. – Berkeley : Office for History of Science and Technology. Univ. of California Publ., 2005. – 195 p.

Gustavo Schraier producciones. – URL:
<https://www.gustavoschraier.com.ar/producciones/11/copenhagen/>

Supek, Ivan *Moj život s nobelovcima 20. stoljeća.* – 2006. – URL:
<https://www.jutarnji.hr/naslovnica/moj-zivot-s-nobelovcima-20.-stoljeca-4033656>

*Гарсия-Каселес Кончита**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ РЕАЛИЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ГРЕХ». СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕДАЧИ В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ “SIN”[©]

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурологические концепты реалий советского времени в романе З. Прилепина «Грех» и специфика их передачи в английском переводе “Sin”. Реалии формируют основу лингвокультурной самобытности советского общества и являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Перевод реалий данного исторического периода на другие языки представляется задачей весьма сложной вследствие того, что в семиотике языка отражена культура народа, в которой содержится его своеобразный национальный культурный код. Именно поэтому взаимосвязь языка и культуры является их имманентной составляющей.

* *Гарсия-Каселес Кончита* – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, e-mail: konchitag@mail.ru

Garcia-Caselles Conchita – PhD in History, Assistant Professor (Docent) of the Department of Foreign Languages of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, e-mail: konchitag@mail.ru

© Гарсия-Каселес Кончита, 2022

Ключевые слова: лингвокультура; реалии; Советский Союз; жанровая специфика романа; трансформационные стратегии перевода.

Поступила: 25.07.2022

Принята к печати: 23.08.2022

Garcia-Caselles Conchita

**Linguocultural concepts of the *realias* of Soviet era in the novel “Sin”
by Z. Prilepin. English translation specifics**

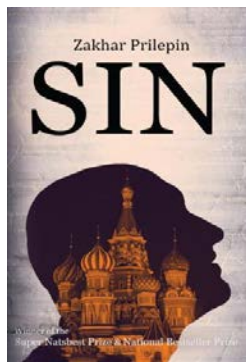
Abstract. This article considers the concepts of the *realias* of the Soviet era in the novel “Sin” by Z. Prilepin and the specifics of their transmission in the English translation. The *realias* form the basis of the linguistic and cultural identity of the Soviet society and are an integral part of the world cultural heritage. Translation of the *realias* of this historical period into other languages seems to be a rather difficult task, since it requires translators of a different linguistic culture not only to possess background knowledge, but also to apply a number of transformative strategies. The semiotics of the language reflects the culture of the people, which contains a kind of national cultural code of a particular nation. As a result, the relationship between language and culture is their immanent component.

Keywords: linguoculture; *realias*; the Soviet Union; genre specifics of the novel; transformative translation strategies.

Received: 25.07.2022

Accepted: 23.08.2022

Для цитирования: Гарсия-Каселес Кончита. Лингвокультурологические концепты реалий советского времени в романе З. Прилепина «Грех». Специфика их передачи в английском переводе “Sin” // Вестник культурологии. – 2022. – №4(103). – С. 61–71. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.04

Zakhar Prilepin

Glagoslav Publications, London. Перевод: *Simon Patterson, Nina Chordas*

В декабре 1991 г. страна под названием Советский Союз прекратила свое существование. Однако в языке и культуре она оставила глубокий след. Понять реалии того времени и донести их до читателя другой историко-культурной идентичности — задача современных лингвокультурологических исследований. Перевод реалий в контексте лингвокультуры представляется нам наиболее полным и информативным. Следует отметить, что концепт *реалия* стал в последнее время предметом анализа достаточно многих ученых разных научных направлений. Вместе с тем перевод реалий советского времени на другие языки представляется задачей весьма сложной, так как требует от переводчика не только обладания фоновыми знаниями, но и применения целого ряда трансформационных стратегий. Реалии формируют основу лингвокультурной самобытности советского общества и являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия. При изучении национально-культурного содержания языка, особенностей социально-культурной организации общества чрезвычайно важным представляется вопрос о понимании значений реалий. В семиотике языка отражена культура народа, в которой содержится своеобразный национальный культурный код того или иного народа. Именно поэтому взаимосвязь языка и культуры является их имманентной составляющей. Эти семиотические единицы языка в концептуальном исследовании достаточно часто выражены реалиями. Анализируя концепт реалий советского времени и специфику их перевода на английский язык, мы будем исходить из следующего определения: «Единицы

национального языка, указывающие на уникальные референты, которые свойственны данной лингвокультуре и отсутствуют в сопоставимом лингвокультурном сообществе» [Швейцер, 1988]. В связи с этим нам представляется важным показать специфику передачи реалий советского времени в английском переводе в контексте сопоставительной лингвокультурологии. Национальные историко-культурные реалии советского времени – это, прежде всего ассоциативные реалии, отражающие жизнь и быт советского общества и закреплённые в его повседневном узусе. Адекватный перевод реалий на другие иностранные языки является одним из самых сложных и важных аспектов перевода, так как перевод – это всегда поиск точных языковых эквивалентов с учетом специфики культурных и семантических компонентов другого языка.

Наша статья посвящена анализу реалий советского времени в романе З. Прилепина «Грех» и специфике их передачи в английском переводе, выполненном С. Петерсоном и Н. Хордас. Роман З. Прилепина «Грех» был опубликован в 2007 г. и получил премию «Национальный бестселлер» и независимую литературную премию «Супернабест». Роман в рассказах объединяет главный герой по имени Захар, биография которого во многом схожа с биографией автора книги, с самим Прилепиным. Прежде чем перейти к анализу перевода реалий романа на английский язык, необходимо определить его жанровую специфику, которая, по мнению современных отечественных ученых, является неоднозначной. «Роман в рассказах», так определил жанр своей книги сам автор, чем вызвал дискуссию среди литературоведов. В частности, А. Ганиева, П. Басинский полагают, что данный роман в рассказах не цельное произведение, а «сборник в разное время опубликованных рассказов» [Ганиева, 2008]. Однако Е.Г. Местергази, В.П. Тихонова в своих исследованиях отмечают, что «до сих пор не затихают ожесточенные споры о новой продуктивной жанровой традиции литературы XX века – традиции формирования романного целого из отдельных сюжетнозаконченных рассказов. Не только зарубежные, но и российские исследователи предприняли интересные попытки осмысления новой жанровой разновидности на материале русской литературы, выдвинув и обосновав среди прочих термин “роман в новеллах” / “роман в рассказах”» [Местергази, 2009]. Этому определению исследователи и придерживаются.

Художественное произведение – это, прежде всего, текст, именно его жанровая специфика определяет те или иные признаки, которые становятся релевантными для перевода. Они и предопределяют стратегию перевода.

Перевод реалий советского времени на язык принимающей культуры, в частности англосаксонской, является важной вехой знакомства с ментальностью советского человека. Исходя из жанрово-стилистических особенностей романа в рассказах З. Прилепина, переводчики С. Петерсон и Н. Хордас обратились к различным переводческим трансформациям для раскрытия значения семиотических единиц перевода (в нашем случае это слова и словосочетания), преобразуя исходные единицы перевода на другом языке для достижения переводческой эквивалентности и адекватности. Широко используются такие приемы, как транскрипция, транслитерация, калькирование (полное или частичное), родовидовая замена (гипо-гиперонимический перевод), функциональный аналог (уподобление), описание, контекстуальный перевод, лексические замены. Методом сплошной выборки было отобрано несколько этнографических, общественно-политических и географических реалий советского времени, которые мы сравнили с их переводом и определили, каким способом осуществлялась передача с русского языка на английский. В статье отобраны и представлены наиболее характерные и популярные реалии советского времени.

Такие реалии как «хрущевка» и «сталинка», в частности, переданы переводчиками словосочетаниями *'Stalin-era' building* и *Khrushchev-era building*, т.е. с помощью методов *транскрипции* с использованием описательного перевода. Переводчикам, на наш взгляд, удалось частично передать семантику понятий «хрущевка» и «сталинка». При этом значение раскрыто не полностью, так как англоязычный читатель вряд ли сможет отличить данные виды построек друг от друга, в то время как каждая из них имеет свои особенности. Эти названия отсылают нас к конкретному виду построек, относящихся к определенному историческому этапу, при этом такого вида постройки существуют и по сей день. «У нас здесь неподалеку живет целая семья, в *хрущевке*». – «A whole family of them lives not far from here, in a *Khrushchev-era building*»; «Дом наш вполне мог свести с ума ... пересчитыванием этажей облезлой, но еще могучей «сталинки». – «The

building could easily drive insane ... by counting the number of stories in this decrepit but still mightly 'Stalin-era' building».

Русская реалия «вытрезвитель» передана на английский язык сочетанием «drunk tank», что в соответствии с онлайн-словарем Cambridge Dictionary означает “a locked room” in a police station where people who are drunk can be kept”, в переводе на русский: “закрытая комната” в полицейском участке, где содержатся люди, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения. «С ним постоянно происходили какие-то чудеса – он вечно засыпал в подъездах, ночных электричках и скверах пьяный и просыпался ограбленный, или избитый, или в стенах *вытрезвителя*...» – «Strange things were constantly happening to him – he was always falling asleep drunk in stairwells, night trains and public squares, and would wake up to find he had been robbed or beaten up, or was in the *drunk tank*...». Можно считать, что способ передачи данной реалии является успешным, так как раскрывает для читателя содержание понятия в контексте.

Интересны способы, которыми переводчики передали на английский язык названия блюд национальной русской кухни, таких как «борщ», «щи», «блины», «пельмени», «селедка под шубой». Русская реалия «борщ», относящаяся к национальным блюдам и ассоциирующаяся с Россией, передана на английском языке с помощью способа *транскрипции* (*borshch*). Сравним предложения на русском и английском языках: «Хотелось горячего, на базе, наверно, борщ... Сегодня среда, значит, борщ». – He felt like a hot meal, there was probably borshch at the base... Today was Wednesday, so there would be borshch. Воспользовавшемуся методом *транскрипции* переводчику удалось кратко передать русскую реалию, не потеряв специфику, присущую русской национальной кухне. Следует отметить, что в онлайн-словаре Oxford Learner's Dictionaries есть слово borscht, которому дается следующее определение: «soup made from beetroot (= a dark red root vegetable), originally from Ukraine and also associated with Russia and Poland» – «суп, сделанный из свеклы (темно-красный корневой овощ), происхождением из Украины, ассоциирующийся с Россией и Польшей». Интересно отметить, что в Словаре Мюллера В.К. русскому слову «борщ» дается перевод на английский язык borsch, т.е. также использован способ *транскрибирования*. Таким образом, данная русская реалия (в несколько ином написании, нежели в переводе, осу-

ществленном переводчиками романа «Грех») частично входит в англоязычные словари, что может означать ее постепенную ассимиляцию в другой культуре в качестве заимствованного слова.

Русская реалия «щи», также относящаяся к национальным блюдам, переведена с помощью *описательного способа* (*cabbage soup*). «Лишь на третий день совместной нашей жизни, когда я пошел на кухню присматривать за щами, услышал детский обиженный крик». – Only on the third day of our life together, when I went into the kitchen to check on the *cabbage soup*, I heard a baby's offended cry. В онлайн-словаре ABBYY LINGVO слово «щи» переводится как *shchi* (*cabbage soup*), т.е. с помощью транскрипции и описательного перевода. Способ передачи русской реалии «щи», на наш взгляд, является удачным, так как раскрывает понятие и при этом не является громоздким.

Название русского салата «селедка под шубой» переведено на английский язык словосочетанием *herring salad*, где *herring* (сельдь) в английском толковом онлайн-словаре Cambridge Dictionary: “a small, silver-coloured fish that lives in the sea and is eaten as food” – «маленькая серебристого цвета рыба, обитающая в море и употребляемая в качестве пищи», а *salad* (салат) “a cold mixture of vegetables that have not been cooked, usually eaten with meat, cheese, etc” – это смесь овощей, не подлежащих термообработке, которую обычно едят с мясом, сыром и т.д.» «Он мне предложил выйти замуж, а я стала бы там есть селедку под шубой». – He asked me to marry him, and I'm supposed to eat *herring salad*. В данном случае можно говорить о том, что при передаче словосочетания «селедка под шубой» сочетанием *herring salad* частично теряется семантика словосочетания и национальный колорит. Переводчиками при передаче данной реалии использован метод описания, который, на наш взгляд, недостаточно полно раскрывает семантику понятия, однако является приемлемым.

Русская реалия «полтинник» передана на английский язык с помощью *описательного перевода*, а именно словосочетанием «*fifty-ruble coin*», которым полностью раскрывается содержание понятия рассматриваемого слова. Сравним предложения на русском и на английском языке: «Я подцепил Беляка и усадил мужику на колени, и в это мгновение мужик успел всунуть мне в руку, придерживающую Беляка под живот, полтинник...» – I scooped up Belyak and put him on the man's lap, and at this moment the man managed to shove a *fifty-ruble*

coin into the hand that was holding Belyak under his stomach...’ Способ передачи слова «полтинник» на английский язык является удачным, так как для англоязычного читателя полностью раскрывается содержание русской реалии.

Название русской народной одежды «сарафан» передано словом «dress»: «Отстал немного, смотрел на щиколотки, икры сестер, видел лягушачьи, загорелые ляжечки Ксюши и – сквозь наполненный солнечным светом *сарафан* – бедра Кати, только похорошевшие после родов». – He saw the frog-like, tanned ankles of Ksyusha, and through Katya’s dress full of sunlight, her hips, which only looked better since she had given birth. Английское слово dress в онлайн-словаре Oxford Learner’s Dictionaries означает “a piece of clothing that is made in one piece and hangs down to cover the body as far as the legs, sometimes reaching to below the knees, or to the ankles”, т.е. «часть женской одежды, состоящая из одного предмета и закрывающая тело до ног, иногда его длина достигает колен или лодыжек». В данном случае переводчиками использован *гипо-гиперонимический способ*, а именно *гипонимия*.

В романе встречается большое количество антропонимов – имен собственных, прозвищ и кличек. Многие из них употребляются с *суффиксами субъективной оценки*. Имена собственные с суффиксами субъективной оценки переданы с помощью *транскрипции*, а в некоторых случаях суффиксы не переводились, имя передавалось в его *нейтральном виде*. «– Глебушка, как ты думаешь, я правильно поступила?» – *Glebushka*, what do you think, did I act correctly? «– *Захарище*, ё, ты молодец! – похохатывая, признался *Сема*». – *Zakhar*, good on you? *Syoma* acknowledged cheerfully. Прозвища и клички в романе имеют семантическую окраску. Примечательно, что некоторые из них переводчики перевели, подобрав *эквивалент, схожий по семантике*, а в некоторых случаях использовали способ *транскрибирования*, тем самым утратив значение клички. «Их было шестеро; еще *Рыжий*, *Кряж* и *Самара*. Самара, самый молодой из них, служил в Самаре». – There were six of them: the others were *Ginger*, *Ridge* and *Samara*. «– Все нормально, *Вялый*, – ответил, улыбаясь. Или тебя тоже больше Вялым не называть? – Да, называй меня *Скорый*, – зареготал он в ответ». – Everything’s fine, *Sluggish*, he replied, smiling. “Or shouldn’t I call you *Sluggish* anymore?” “No, call me *Swift*,” he chuckled”. Для прозвищ

«Рыжий», «Кряж», «Вялый», «Скорый», которые являются семантически окрашенными, переводчиками подобраны эквиваленты на английском языке, соответственно: “Ginger”, “Ridge”, “Sluggish”, “Swift”. В следующих случаях *семантика кличек утеряна*: «Во дворе бегали щенки, четыре щенка. Мы дали имена: *Бровкин* – крепкому бродяге веселого нрава; *Японка* – узкоглазой, хитрой, с рыжиной псинке; *Беляк* – белесому недоростку, все время пытавшемуся помериться силой с Бровкиным и неизменно терпящему поражение». – There were puppies running around in the yard, four of them. We gave them names: *Brovkin* – a tough tramp with a cheerful nature; *Yaponka* – a slanty-eyed, cunning, reddish puppy; *Belyak* – a white runt, who was constantly trying to complete with Brovkin and always failing. Клички «Беляк» и «Японка» имеют определенную семантику, при этом их значение раскрывается в самом предложении: «Беляк – белесому недоростку...», «Японка – узкоглазой, хитрой, с рыжиной псинке». Однако данные клички переданы на английский язык с помощью приема *транскрибирования*, из-за чего для читателя перевода будет утеряно значение кличек, как и их связь с внешним видом пса.

Роман в рассказах Захара Прилепина «Грех» содержит большое количество реалий советской эпохи, подавляющая часть которых раскрывает национально-культурную идентичность советского общества и передает атмосферу российской действительности того исторического периода. Реалия всегда принадлежит народу, в языке которого она родилась. В широком смысле речь идет о семиотических единицах, характеризующих национально-специфические особенности жизни и быта советских людей. Перевод реалий с позиций лингвокультурологии представляется наиболее полным и информативным. При переводе романа «Грех» на английский язык “Sin”, в части передачи реалий переводчики, С. Петерсон и Н. Хордас, в основном использовали способы транскрипции и транслитерации, калькирования, уподобления и описательного перевода. Интересно отметить, что некоторые реалии постепенно ассимилируются в английском языке, показателем чего является их включение в английские толковые словари (например, реалия «борщ»). Лингвокультурологическая направленность перевода С. Петерсон и Н. Хордас романа З. Прилепина «Грех» – “Sin” в целом позволяет увидеть и понять реципиентам другой культуры, как

язык советской эпохи хранит и передает ее культуру, ментальность и самобытность.

Список литературы

Ганиева А.А. Изобретение малой формы // Октябрь. – 2008. – № 7. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html>

Местергази Е.Г. Жанровое своеобразие романа Захара Прилепина «Грех» // Проблемы поэтики и стиховедения : матер. V Междунар. научно-практ. конф., посвящ. памяти и 70-летию В.В. Бадикова. – Алматы, 2009. – С. 191–195.

Прилепин Захар. Грех : рассказы. – Москва : АСТ, 2019. – 413 с.

Россельс В.Л. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода [Текст] : сборник статей / сост.: Вл. Россельс. – Москва : Советский писатель, 1955. – С. 165–213.

Тихонова В.П. Роман в рассказах Гонсалеса Гальерго «Черным по белому» (К вопросу о специфике жанра) // Гуманитарные исследования. – 2006. – № 3(19). – С. 68–76.

Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // ИЯШ. – 1997. – № 3. – С. 13–18.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – Москва : Наука, 1988. – 212 с.

Jaromira Rakusan. Semiotic aspects of translational equivalency between languages of different types: Russian and English. Russian Language Journal // Русский язык. – 1983. – Vol. 37, № 128. – P. 9–25

Spurr Frederick S. Realia in Foreign Language Courses // The Modern Language Journal. Wiley. – 1942. – March, Vol. 26, № 3. – P. 174–176.

Zakhar Prilepin. Sin / Translated by Simon Patterson with Nina Chordas. – United Kingdom, London : Glagoslav Publications Ltd., 2012. – 239 p. – URL: <https://glagoslav.com/shop/sin-by-zakhar-prilepin/>

References

Ganieva, A.A. Izobretenie maloj formy [Invention of a small form]. In *Oktyabr'*, no. 7, 2008. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2008/7/ga16.html> (In Russ.)

Mestergazi, E.G. Zhanrovoe svoeobrazie romana Zahara Prilepina «Grekh» [Genre originality of Zakhar Prilepin's novel "Sin"]. In *Problemy poetiki i stihovedeniya: Mater. V Mezhdunar. nauchno-prakt. konf., posvyashch. pamyati i 70-letiyu V.V. Badikova* [Problems of Poetics and Poetry: Materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory and 70 th anniversary of V.V. Badikov]. Almaty, 2009, pp. 191–195. (In Russ.)

Prilepin, Zahar. Grekh: rasskazy [Sin: Stories]. Moscow, izdatel'stvo AST, 2019. 413 p. (In Russ.)

Rossel's, V.L. Perevod i nacional'noe svoeobrazie podlinnika [Translation and national identity of the original]. In *Voprosy hudozhestvennogo perevoda [Tekst] : Sbornik statej / sost.: V.L. Rossel's [Questions of literary translation [Text] : Collection of articles / comp.: V.L. Rossels]*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1955, pp. 165–213. (In Russ.)

Tihonova, V.P. Roman v rasskazah Gonsalesa Gal'ergo «Chernym po belomu» (K voprosu o specifike zhanra) [The novel in the stories of Gonzalez Gallergo "In Black and white" (To the question of the specifics of the genre)]. In *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 3 (19), 2006, pp. 68–76. (In Russ.)

Tomahin, G.D. Realii v yazyke i kul'ture [Realities in language and culture]. In *IYaSh*, no. 3, 1997, pp. 13–18. (In Russ.)

Shvejcer, A.D. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka, 1988. 212 p. (In Russ.)

Jaromira, Rakusan. Semiotic aspects of translational equivalency between languages of different types: Russian and English. In *Russian Language Journal*, Vol. 37, no. 128, 1983, pp. 9–25.

Spurr, Frederick S. Realia in Foreign Language Courses. In *The Modern Language Journal*. Wiley, Vol. 26, no. 3, (March, 1942), pp. 174–176.

Zakhar, Prilepin. *Sin* / Translated by Simon Patterson with Nina Chordas. United Kingdom : Glagoslav Publications Ltd., 2012. 239 p. – URL: <https://glagoslav.com/shop/sin-by-zakhar-prilepin/>

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

УДК 7:330:130.2

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.05

Коровникова Н.А.*

КУЛЬТУРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Тематика взаимосвязи культуры и экономики актуализировалась с связи с возросшей энтропией мирохозяйственной системы, функционирование которой уже не укладывается в формат неоклассической парадигмы. В данной работе представлены концептуальные подходы отечественных и зарубежных экономистов к становлению культуры в качестве значимого фактора социально-экономического развития. Углубление знаний в этой области в настоящих условиях имеет большое научное и практическое значение.

Ключевые слова: культура; экономическая культура; экономика культуры; культурная политика; культурно-экономическое поле (область); историческая память.

Получена: 21.07.2022

Принята к печати: 20.08.2022

** Коровникова Наталья Александровна – канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: natalia.kor@list.ru*

Korovnikova Natalia Aleksandrovna – PhD in Politic, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: natalia.kor@list.ru

Korovnikova N.A.

Culture in economic discourse: formation and current state

Abstract. The topic of the relationship between culture and economics has been updated due to the increased entropy of the world economic system, the functioning of which no longer fits into the format of the neoclassical paradigm. This paper presents the conceptual approaches of domestic and foreign economists to the formation of culture as a significant factor in socio-economic development. The deepening of knowledge in this area under the present conditions is of great scientific and practical importance.

Keywords: culture; economic culture; economics of culture; cultural and economic field (area); cultural policy; historical memory.

Received: 21.07.2022

Accepted: 20.08.2022

Для цитирования: Коровникова Н.А. Культура в экономическом дискурсе: становление и современное состояние // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 72–87. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.05

Введение

В настоящее время в результате деструктивного воздействия целого ряда негативных факторов (в том числе последствия пандемии коронавируса, напряженность отношений между западными странами и Российской Федерацией и т.д.) резко возросла энтропия мирохозяйственной системы, а ее функционирование уже не укладывается в формат доминировавших ранее экономических парадигм. По мнению ряда современных специалистов, основополагающие тезисы классической экономической теории о доминанте материально-производственного сектора в качестве основного «источника богатства народов» и об универсальности принципа рационального эгоизма *homo economicus* не отражают в полной мере реалии экономических процессов и особенности современных экономических агентов [Савельев, 2015, с. 50–51], поскольку не учитывают их культурные особенности и ментальную специфику. Современная экономика оказалась под определяющим влиянием геополитических решений, аксиологических и мировоззренческих установок международных акторов. Культура стала своего рода «стратегическим вектором социально-экономического развития»

[Arrebola Castaño, 2016, p. 95], который, с одной стороны, аккумулирует исторические образцы экономических изменений того или иного социума, а с другой стороны, детерминирует экономические трансформации в настоящем.

В связи с этим все больший интерес вызывает изучение культурных факторов экономического развития («нематериальных» ценностных ориентиров экономики) и «материальных» продуктов культурных индустрий, а также последующая разработка на их основе государственной культурной политики. Это имеет существенное значение как с точки зрения практического (финансового, информативного, административно-правового и др.) стимулирования отраслей культуры, так и в контексте поиска новой жизнеспособной парадигмы (или корректировки действующих) социально-экономического развития современных акторов, оказавшихся в сложных конфликтогенных геоэкономических условиях.

Тематика взаимосвязи культуры и экономики далеко не всегда относилась к приоритетным исследованиям в экономической среде, тем не менее на данный момент в зарубежном и отечественном научном дискурсе накоплен существенный объем знаний в этой области. Концептуальные представления о роли культуры в экономическом развитии продолжают разрабатываться в трудах современных российских и зарубежных, в том числе испаноязычных, авторов (причем последние не очень широко известны отечественным специалистам). Использование этих знаний при формировании государственной политики в сферах культуры и экономики международными акторами открывает новые перспективы не только для различных культурных индустрий и отраслей, но и пути для решения непростых вопросов и задач современной геоэкономики в целом.

Экономический взгляд на культуру и ее элементы

Культура является многоаспектным феноменом, определение которого варьируется в зависимости от исследовательского ракурса и теоретико-методологических предпочтений представителей различных научных школ. Например, предлагаются следующие трактовки:

а) совокупность объектов, представляющих определенную художественную и / или историческую ценность;

б) «образ жизни» (исп. *estilo de vida*), аккумулирующий все многообразие проявлений повседневной человеческой деятельности [Economía y cultura ..., 2021, p. 236];

в) набор «нормативных утверждений», которые транслируются через социальные коммуникации и формируют структуры группового сознания на трех уровнях: 1) (мета)физическом (убеждения); 2) этико-идеологическом (аксиологические ориентации); 3) обыденно-актуализированном (предпочтения) [Мокир, 2011, с. 36];

д) квинтэссенция «исторической памяти», секьюритизация которой может рассматриваться как инструмент обеспечения «мнемонической безопасности» субъектов различного уровня от личностного и микрогруппового уровня отдельных домохозяйств до обеспечения международной безопасности в глобальном масштабе [Севастьянова, Ефременко, 2020, с. 67].

В структуре «культуры» выделяют следующие элементы: культурные отрасли [Cuenta Satélite de la Cultura, 2021, p. 407–408]; культурные блага (объекты) [Мальшина, 2016]; субъекты культурной индустрии [Economic and social impact ..., 2021, p. 4; Cuenta Satélite de la Cultura, 2021, p. 408]; совокупность неформальных институтов [Аузан, Никишина, 2021, с. 13–14; Мокир, 2011, с. 35; Культура как новый ..., 2017, с. 189]; ценности [Таликова, 2020]; ментальность, в том числе экономическая [Кондакова, 2017, с. 90; Тарновский, 2017, с. 238–239].

В современной научной среде не вызывает сомнений тезис о том, что культура и экономика находятся в континуумном взаимодействии и что ментально-аксиологические факторы влияют на экономические процессы, отношения и показатели. С одной стороны, культура влияет на экономику посредством ценностно-ментальных факторов (идентификационных процессов, структур элитарного и массового сознания). С другой стороны, экономика оказывает влияние на развитие и качество культурной жизни социума через производство и распространение культурных продуктов и предоставление культурных благ, которые зачастую носят общественный характер.

Пересечение культуры и экономики формирует общие для них предметные области (поля), которые можно рассматривать с разных позиций. Так, отрасли, блага и субъекты культуры составляют в совокупности экономический сегмент культурного пространства, или экономику культуры. В этом поле аккумулируются проблемы экономиче-

ского развития творческой деятельности и культурных индустрий, государственных механизмов по поддержке культуры, а также административно-юридические аспекты функционирования культуры [Тарновский, 2017, с. 238–239].

«Проекция» культуры на экономику формирует другую самостоятельную предметную область – экономическую культуру¹, или культуру экономики, элементами которой выступают неформальные институты, ценности, экономическая ментальность.

Экономическая культура во многом обуславливает деятельность экономических субъектов и функционирование экономических (финансовых, производственных и др.) структур. Этот ценностно-нормативный сегмент экономической сферы жизнедеятельности социума охватывает весь комплекс аксиологических ориентиров, социальных норм, идентификационных структур и мировоззренческих установок, которые детерминируют особенности трудовой этики, экономической ментальности и поведения экономических агентов [там же].

Экономику культуры и экономическую культуру объединяют культурные коды и механизмы взаимовлияния культуры и экономики. Коды позволяют определить, как культурно-аксиологические факторы влияют и сами подвергаются воздействию со стороны таких экономических обстоятельств как успешность, специализация, способность к преобразованиям и инновациям различных экономических сообществ [Аузан, 2021]. Механизмы отражают характер воздействия культурных убеждений в качестве «критической переменной» на процессы сотрудничества и экономического обмена; «индивидуальных добродетелей» (морали, нравственно-этических установок) на экономические процессы и результаты; «полезных культурных знаний» об окружающей действительности на экономическое поведение, достижение эко-

¹ «Зачатки» теоретических представлений об экономической культуре в России можно найти в трудах конца XIX – начала XX в., например у театрального историка В.П. Погожева, редактора «Ежегодника императорских театров» А.Е. Молчанова, театрального деятеля и мемуариста В.А. Теляковского. В современном российском экономическом сообществе распространено мнение, согласно которому в сфере производства и предоставления культурных благ и ценностей формируются «полноценные экономические отношения», которые, в свою очередь, обусловлены особенностями отечественной культуры и ментальности.

номических целей и удовлетворение экономических интересов [Мок-ир, 2011, с. 50–53].

Общие предметные области культуры и экономики, формирующие смежные научные направления – экономику культуры и экономическую культуру, – позволяют задуматься над их объединением в рамках единого культурно-экономического поля, функционирование и развитие которого обусловлено определенным набором экзогенных (эпидемиологических угроз и ограничений, международных конфликтов, мировых экономических шоков и др.) и эндогенных факторов, среди которых особое место занимает «историческая память», секьюритизация которой в реалиях сегодняшней геополитической и геоэкономической конъюнктуры приобретает все большую актуальность и значимость.

Особенности экономики культуры

Традиционно объектом изучения экономистов служат отрасли культуры. В ходе многочисленных исследований были выявлены особенности функционирования экономики культуры, в том числе: «болезнь цен / издержек» (эффект Баумоля); мериторный характер культурных благ; «эффект колеи»; «невещественный» (креативный) характер труда в культурном секторе, «уникальность» спроса и предложения; «разрыв участия и доходов» (отложенный во времени экономический эффект культурной деятельности); «неразрывность» производства и потребления культурных благ; высокая трудоемкость [Музычук, 2013, с. 33–38, 48–49]; зависимость от степени предпочтения досуга vs интеллектуальной и / или производственной деятельности, от сбалансированности образовательной системы и продуктивности научно-исследовательского сектора [Chu, Kou, Wang, 2021]; отсутствие гарантий стабильности занятости и доходов ввиду неформального и временного характера творческой деятельности¹; наконец, дли-

¹ В допандемийный период, по данным за 2019 г. для стран G20, 32% рабочей силы в культурном секторе были самозанятыми, что более чем в два раза больше, чем в экономике в целом (14%) [Economic and social impact ..., 2021, p. 10]. Можно предположить, что изоляционно-карантинные меры, способствовавшие развитию различных форматов удаленной работы, увеличили число фрилансеров в культурной сфере.

тельный характер и высокая стоимость подготовки и переподготовки кадров¹ [Economic and social impact ..., 2021, p. 10–11].

С экономической точки зрения развитие отраслей культуры (или экономики культуры) служит источником новых рабочих мест, доходов и повышения качества жизни населения, а также создает добавленную стоимость, стимулирующую сопряженные производства (например, в образовательной, логистической сферах). В частности, это способствует совершенствованию традиционных форм экскурсионного туризма и расширению виртуального туризма, а также открывает возможности для продвижения «гибридных» форм туриндустрии. Особенно большое значение экономика культуры имеет для устойчивого развития городов, зачастую являющихся культурными центрами [Economic and social impact ..., 2021, p. 4–17].

В силу вышеперечисленных характеристик очевидна особая значимость инструментов государственной политики в отношении культурных отраслей и производств, в их числе: налоговые льготы и субсидии, государственное страхование, правовое регулирование деятельности культурных индустрий и охраны интеллектуальной собственности, изготовление и предоставление общественных «опекаемых культурных благ» и др. [Economía y cultura ..., 2021, p. 247–257].

Экономическая культура: предметная область и перспективы развития

Общеизвестно, что в рамках «смитовской» экономической парадигмы и ее более поздних модификаций длительное время в качестве универсальных культивировались принципы рационального поведения «человека экономического» (*homo economicus*) и естественные законы рынка (в частности, «невидимая рука» и «принцип невмешательства»). Нематериальные (аксиологические нормы и стандарты экономических отношений) и материальные (культурные блага) культурные факторы не укладывались в формат ортодоксальной экономической концепции, первые ввиду неоднозначности трактовок и слож-

¹ Например, в 2019 г. в ЕС доля работающих с высшим образованием в сфере культуры (59%) была значительно выше, чем в среднем по остальным отраслям экономики (34%) [Economic and social impact ..., 2021, p. 11].

ности экономического анализа концептов «культура», «ценность» и их производных; вторые по причине того, что в рамках «экономического мейнстрима» были отнесены к результатам «непроизводительной деятельности», цель которой не накопление капитала и получение прибыли, а удовлетворение «микротребностей» отдельных индивидов и домохозяйств [Quintero, Palma, Pavon, 2017].

Но основным аргументом для вытеснения культурных факторов за пределы классического экономического анализа стали очевидные «провалы рынка» (*исп.* fallos de mercado) в отношении видов деятельности, связанных с культурной сферой жизнедеятельности, а именно [Economía y cultura ..., 2021, p. 239–246]: 1) «отсутствие рынков» (*исп.* inexistencia de mercados), которое связано с высокой производственной стоимостью и неопределенностью экономических результатов большинства культурных индустрий; 2) общественный характер «неисключаемых» культурных благ, потребление которых не может быть ограничено (например, памятники архитектуры); 3) «внешние эффекты», которые проявляются во влиянии культурного пространства на социальные характеристики и благосостояние экономических агентов, их групп или общества в целом (например вклад культуры и исторического наследия в развитие системы образования, укрепление национальной идентичности и т.п.); 4) «информационные сбои», связанные с проблемами «асимметричной информации» в культурном секторе, а также ограниченности знаний и возможностей субъектов культурных индустрий; 5) «неконкурентные рынки», явление, которое объясняется тем, что культурные индустрии часто функционируют как естественные монополии ввиду высоких постоянных издержек, которые в большинстве случаев являются безвозвратными.

Однако в ходе развития индустриальных экономических систем и их перехода к постиндустриальной стадии стало понятно, что «причины бедности и богатства народов» заключаются не только в уровне развития производственного и финансового секторов, а зависят от комплексного сочетания таких факторов, как «культурные особенности, институты и случайность» [Шевчук, 2020]. Оказалось, что культура не просто имеет значение для экономики, а оказывает непосредственное воздействие на функционирование ее институтов и темпы экономического роста [Аузан, 2021], поскольку на всех этапах исторического развития продуктивное развитие социумов напрямую опре-

делялось аксиологическими приоритетами и качеством социального, в том числе культурного капитала [Лебедева, 2007, с. 231]. Поэтому в экономической литературе стали предприниматься эксплицитные и имплицитные попытки обоснования и отражения экономических процессов и явлений в контексте культуры в рамках как зарубежного¹, так и отечественного² экономического дискурса [Тросби, 2013, с. 10; Муzychuk, 2013, с. 7–8].

Закономерно, что особое внимание стала привлекать экономическая культура, предметная область которой охватывает многочисленные культурно-аксиологические факторы, влияющие на темпы экономического развития, характер экономических отношений и особенности экономических структур [Кондакова, 2017, с. 89]. К числу данных факторов специалисты относят: а) уровень развития экономического образования, который определяет качество человеческого капитала и темпы экономического роста; б) исторически сформировавшиеся особенности экономических отношений на всех уровнях конкретной экономической системы (от домохозяйств до макрохозяйственного уровня); в) мотивы и ориентиры производственно-хозяйственной и финансовой деятельности экономических агентов; г) социально одобряемые стандарты, определяющие функционирование экономической системы и поведение ее субъектов [Шинкаренко, 2020, с. 32]. При этом эти факторы, с одной стороны, являются результатом многовекового исторического развития и относительно стабильны во времени, с другой

¹ Культурно-аксиологическая проблематика нашла свое отражение в трудах таких видных экономистов как Дж.М. Кейнс, который рассматривал культурные продукты в качестве «высшего блага цивилизации», и М. Вебер, считавший профессиональные факторы детерминантами экономического поведения. Различные идеи относительно взаимодействия культурного и экономического секторов звучали в работах К. Гарнье, Т. Веблена, К. Викселя, Э. Линдаля, Л. Роббинса, М. Блауга, Дж.К. Гэлбрейта, У. Баумоля, У. Боуэна, Т. Скитовски, К. Боулдинга, В. Гинзбурга, А. Кламера, Т. Коуэна, Д. Тросби, А. Фельда, Р. Патнема, Д. Лэндиса, Г.Э. Табеллини, Ш. Бегельсдейка, Р. Мэйзленда, П. Гуизо, П. Зингалеса, Л. Сапиенца, Д. Хейльбруна и др.

² Данные вопросы затрагиваются, например, в работах Ю.В. и Н.В. Латовых, Н.М. Лебедевой, Р.Ш. Меньшева, Л.И. Полищука, В.М. Полтеровича, В.Л. Тамбовцева, А.Н. Татарко, Е.Г. Ясина, Т.В. Абанкиной, А.И. Дымниковой, Г.П. Иванова, Е.Л. Игнатьевой, Р.И. Капелюшниковой, Т.Л. Клячко, Е.П. Костиной, А.Я. Рубинштейна, Б.Л. Рудника, Б.Ю. Сорочкина, И.А. Столярова, Л.Г. Сундстрема, В.Л. Тамбовцева, С.В. Шишкина, А.А. Аузана и др.

стороны, они подвергаются постоянному пересмотру под воздействием геополитических решений международных акторов [Кондакова, 2017, с. 89].

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что экономическая культура обладает существенным научно-практическим потенциалом. Особенно возрастает значение культурных факторов социально-экономического развития в современных сложных условиях борьбы с последствиями эпидемиологического кризиса COVID-19 и обострения международной обстановки (в том числе вследствие жестких взаимных санкций – своего рода «экономического оружия» международных акторов XXI в.). При этом государство остается важнейшим регулятором взаимодействия культурно-аксиологической (нематериальной, ментальной) и экономической (материальной, производственной) сфер жизнедеятельности социума. В связи с этим представляется целесообразным обозначить предпочтительные направления государственной политики развития не только экономической культуры, но и смежной с ней области экономики культуры.

Исследования в рамках культурно-экономического поля (см. выше), выработка и реализация на их основе практических решений открывают широкие перспективы для совершенствования культурной политики и развития всего спектра культурных и творческих индустрий. В частности, по мнению специалистов, это позволяет: а) увеличить количество видов креативной деятельности, например в сфере культурного образования и волонтерства; б) улучшать успеваемость в формальном и неформальном секторах художественного образования, а также способствовать развитию критического мышления, социальных и эмоциональных навыков обучаемых в различных секторах образовательной системы [Economic and social impact ..., 2021, p. 4–17].

Наконец, развитие экономической культуры стимулирует генерирование новых идей и подходов для экономических систем путем вовлечения потребительской аудитории в совместное производство культурного продукта / контента (например, в видеоиграх, музыке и дизайне), а также является авангардом экспериментов с инновационными моделями цифрового производства и распространения виртуальных культурных продуктов. В социальном контексте это способствует более ответственному экологическому поведению (например,

посредством переработки отходов в материалы для произведений искусства), а также оздоровлению общества, поскольку участие в культурной жизни положительно влияет как на продолжительность, так и на качество жизни (например, программы «активного старения» и «культуры по рецепту»), укрепляет чувство собственного достоинства, стремление к самоактуализации и интеллектуальному развитию, формирует гуманистическое мировоззрение личности. В целом развитие экономической культуры позволяет повысить качество человеческого и культурного капитала на основе этических принципов социальной ответственности и гуманизма. Как показывает исторический опыт, укрепление культурно-экономического поля (экономической культуры и культуры экономики) может стать драйвером устойчивого экономического роста и социального прогресса в долгосрочной перспективе [Economic and social impact ..., 2021, p. 4–17].

Заключение

В настоящий момент можно констатировать, что в современном научном дискурсе все большее значение придается осмыслению и анализу феномена культуры. В частности, в рамках экономической дисциплины растет внимание к культурно-аксиологическим вопросам экономического развития.

Данное направление представляет не только исследовательский интерес, но и особую практическую значимость на фоне нарастающей геополитической и геоэкономической напряженности во взаимодействии ключевых международных акторов, прежде всего, России и западных стран. Успешное функционирование культурно-экономического поля и его элементов может послужить мощным инструментом достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР) ООН, в частности: качественного образования (ЦУР 4); эффективно функционирующего рынка труда (ЦУР 8); сокращения социального неравенства (ЦУР 10); решения многочисленных экологических проблем (ЦУР 13) [Sustainable Development Goals]. Сочетание принципов уважения человеческого достоинства и развития социальной гражданской ответственности в современных экономических подходах к интерпретации культуры [La contribución de la cultura ..., 2021, p. 6] также формирует культурно-аксиологический фундамент для деэскалации политических и эконо-

мических конфликтов и последующего восстановления мирохозяйственной системы и международного сотрудничества.

Наконец, как отмечалось выше, культурная политика современных международных акторов может стать эффективным инструментом «мягкой силы», который на основе комплексного использования позитивных культурных образцов «исторической памяти» и современных концептуальных экономических подходов к культурным аспектам позволит в кратчайшие сроки преодолеть деструктивные тенденции мирового развития, связанные с глобальными последствиями пандемии и геоэкономической конфликтогенностью, и выйти на путь эффективного роста в соответствии с вневременными гуманистическими принципами взаимоуважения, сотрудничества и международной безопасности.

Список литературы

Культура как новый фронт в экономической науке / Автономов В.С., Воробьев А.С., Кононенко П.Б., Расков Д.Е., Тульчинский Г.Л. // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12, № 5. – С. 178–193. – URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2017_5/011_raskov.pdf?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru

Аузан А.А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и ВВП // Forbes Life. – 2021. – 23.09. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/440745-kul-turnye-kody-ekonomiki-kak-cennosti-vliaut-na-konkurenciu-demokratiu-i-vvp>

Аузан А.А., Никушина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру : курс лекций. – Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. – 200 с. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=77671&p=attachment>

Гиниятуллин Р.Д. Сущность экономической культуры и ее основные характеристики // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 4(68). – С. 69–73. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ekonomicheskoy-kultury-i-ee-osnovnye-harakteristiki>

Кондакова Н.С. Аксиологический аспект экономической культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12(86). – С. 87–90. – URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/20.html>

Лебедева Н.М. Культура и экономическое развитие: существует ли связь? // VIII Международная научная конференция. Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 кн. – Москва : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – Кн. 2. – С. 220–231.

Мальшина Н.А. Услуги культуры – основные классификации // Научное обозрение. Экономические науки. – 2016. – № 3. – С. 42–55. – URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=820>

Мокир Д. Культура, институты и экономический рост // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2011. – Т. 3, № 2. – С. 34–83. – URL: https://archive.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x0c/xe4/3300/file/2_Mokyr_rus.pdf

Музычук В.Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. – 280 с.

Савельев М.Ю. Методологическое исследование парадигм экономической и управленческой науки // Вестник удмуртского университета. – 2015. – Т. 25, вып. 6, ч. 2. – С. 50–57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskoe-issledovanie-paradigm-ekonomicheskoy-i-upravlencheskoy-nauki>

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86.

Таликова В.А. Влияние культурных ценностей на поведение в экономике // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 298–300. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83481/1/978-5-7996-2997-7_2020_100.pdf,

Тарновский В.В. Экономика культуры и культура экономики: институциональный аспект // Вестник ВГУИТ. – 2017. – Т. 79, № 4. – С. 237–243.

Тросби Д. Экономика и культура. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с.

Шевчук Р. Культурная экономика: как богатство и бедность стран связаны с их традициями // NOJ. The Economist. – 2020. – 24.10. – URL: <https://knife.media/cultural-economy/>

Шинкаренко Д.В. Особенности и перспективы развития экономической культуры // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6(72), № 2. – С. 25–35.

Arrebola Castaño Y. Cultura y economía: relación estratégica // eXtoikos. – 2016. – N 18. – P. 93–102. – URL: <http://www.extoikos.es/n18/pdf/extoikos18.pdf> (accessed 01.03.2022)

Chu A.C., Kou Z., Wang X. Culture and Stages of Economic Development // MPRA Paper. – 2021. – N 106900, March 31. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/106900/1/MPRA_paper_106900.pdf (accessed 01.03.2022)

Cuenta Satélite de la Cultura // Anuario de Estadísticas Culturales. Ministerio de Cultura y Deporte. España. – 2021. – P. 407–408. – URL: <https://ru.calameo.com/read/00007533584b732c85bb9> (accessed 02.03.2022)

Economía y cultura. Una mirada hacia el future / Amestoy V.A., Ganuza J.J., Sacristán J.P. (eds.). – Madrid : Funcas, 2021. – 354 p.

Economic and social impact of cultural and creative sectors. Note for Italy G20 Presidency Culture Working Group // OECD. – 2021. – P. 4–17. – URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/OECD-G20-Culture-July-2021.pdf> (accessed 02.03.2022)

González L.L., García del Sol J.A., Chavarri González O. La cultura económica, una mirada actual // Universidad y Sociedad. – 2018. – Vol. 10, N 3. – URL:

http://scielo.sld.cu/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2218-36202018000300360 (accessed 01.03.2022)

Kostis P.C. Culture, innovation, and economic development // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2021. – 09.07. – URL: <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00163-7> (accessed 01.03.2022)

La contribución de la cultura al desarrollo económico en Iberoamérica // Organización de Estados Iberoamericanos para la Educación, la Ciencia y la Cultura. Naciones Unidas. – 2021. – P. 6–8. – URL: <https://oei.int/oficinas/secretaria-general/publicaciones/la-contribucion-de-la-cultura-al-desarrollo-economico-en-iberoamerica> (accessed 01.03.2022)

Quintero L.F.A., Palma L., Pavon N.P. 50 años de Economía de la Cultura. Explorando sus raíces en la historia del pensamiento económico // Cuadernos de Economía. – 2017. – N 36(70). – P. 197–225. – URL: <http://dx.doi.org/10.15446/cuad.econ.v36n70.53813> (accessed 01.03.2022)

Sustainable Development Goals // UNDP. – URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (accessed 02.03.2022).

References

Avtonomov, V.S., Vorob'ev, A.S., Kononenko, P.B., Raskov, D.E., Tul'chinskij, G.L. Kul'tura kak novyj frontir v ekonomicheskoy nauke [Culture as a new frontier in economics]. In *Ekonomicheskaya politika*, Vol. 12, no. 5, 2017, pp. 178–193. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2017_5/011_raskov.pdf?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (In Russ.)

Auzan, A.A. Kul'turnye kody ekonomiki: kak cennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i VVP [The Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy, and GDP]. In *Forbes Life*, 2021.23.09. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/440745-kul-turnye-kody-ekonomiki-kak-cennosti-vliaut-na-konkurenciu-demokratiyu-i-vvp> (In Russ.)

Auzan, A.A., Nikishina, E.N. *Sociokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu: kurs lekciy* [Socio-cultural economics: how culture affects the economy, and how the economy influences culture: a course of lectures]. Moscow, Jekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021. 200 p. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=77671&p=attachment> (In Russ.)

Giniyatullo, R.D. Sushchnost' ekonomicheskoy kul'tury i ee osnovnye harakteristiki [The essence of economic culture and its main characteristics]. In *Problemy sovremennoj ekonomiki*, no. 4 (68), 2018, pp. 69–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ekonomicheskoy-kul'tury-i-ee-osnovnye-harakteristiki> (In Russ.)

Kondakova, N.S. Aksiologicheskij aspekt ekonomicheskoy kul'tury [Axiological aspect of economic culture]. In *Istoricheskije, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Problems of theory and practice], no. 12 (86), 2017, pp. 87–90. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/20.html> (In Russ.)

Lebedeva, N.M. Kul'tura i ekonomicheskoe razvitiye: sushchestvuet li svyaz'? [Culture and economic development: is there a connection?]. In *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Modernizatsiya ekonomiki i obshchestvennoye razvitiye: v 3 kn.* [VIII International Scientific Conference. Modernization of the economy and social development: in 3 books]. Book 2. Moscow, Izdatel'skiy dom GU-VShE, 2007, pp. 220–231. (In Russ.)

Mal'shina, N.A. Uslugi kul'tury – osnovnye klassifikatsii [Cultural services – main classifications]. In *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskie nauki*, no. 3, 2016, pp. 42–55. URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=820> (In Russ.)

Mokir, D. Kul'tura, instituty i ekonomicheskij rost [Culture, institutions and economic growth]. In *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*. [Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal of the Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov], Vol. 3, no. 2, 2011, pp. 34–83. URL: https://archive.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x0c/xe4/3300/file/2_Mokyr_rus.pdf (In Russ.)

Muzychuk, V. Yu. Gosudarstvennaya podderzhka kul'tury: resursy, mekhanizmy, instituty [State support of culture: resources, mechanisms, institutions]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2013. 280 p. (In Russ.)

Savel'ev, M. Yu. Metodologicheskoe issledovanie paradigmy ekonomicheskoy i upravlencheskoy nauki [Methodological study of the paradigms of economic and management science]. In *Vestnik udmurtskogo universiteta*, Vol. 25, Issue 6, Part 2, 2015, pp. 50–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskoe-issledovanie-paradigmy-ekonomicheskoy-i-upravlencheskoy-nauki> (In Russ.)

Sevast'yanova, Ya.V., Efremenko, D.V. Sek'yuritizatsiya pamyati i dilemma mnemonicheskoy bezopasnosti [Memory Securitization and the Dilemma of Mnemonic Security]. In *Politicheskaya nauka*, no. 2, 2020, pp. 66–86. (In Russ.)

Talikova, V.A. Vliyaniye kul'turnykh cennostey na povedeniye v ekonomike [Influence of cultural values on behavior in the economy]. In *Praktiki vosproizvodstva cennostey: gumanitarnyy, social'nyy i ekonomicheskij aspekty* [Practices of reproduction of values: humanitarian, social and economic aspects]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2020, pp. 298–300. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/83481/1/978-5-7996-2997-7_2020_100.pdf (In Russ.)

Tarnovskiy, V.V. Ekonomika kul'tury i kul'tura ekonomiki: institucional'nyy aspekt [Economics of Culture and Culture of Economics: Institutional Aspect]. In *Vestnik VGUIT*, Vol. 79, no. 4, 2017, pp. 237–243. (In Russ.)

Trosbi, D. *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)

Shevchuk, R. Kul'turnaya ekonomika: kak bogatstvo i bednost' stran svyazany s ih traditsiyami [Cultural economy: how the wealth and poverty of countries are related to their traditions]. In *NOZh. The Economist*. 2020. URL: <https://knife.media/cultural-economy/> (In Russ.)

Shinkarenko, D.V. Osobennosti i perspektivy razvitiya ekonomicheskoy kul'tury [Features and prospects for the development of economic culture]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya*. [[Scientific notes of the Crimean Federal University named after VI Vernadsky Sociology. Pedagogy. Psychology], Vol. 6 (72), no. 2, 2020, pp. 25–35. (In Russ.)

Amestoy, V.A., Ganuza, J.J., Sacristán, J.P. (eds.). *Economía y cultura. Una mirada hacia el futuro*. Madrid, Funcas Publ.. 2021. 354 p. URL: <https://www.funcas.es/libro/economia-y-cultura-una-mirada-hacia-el-futuro/> (In Spanish).

Arrebola Castaño, Y. Cultura y economía: relación estratégica. In *eXtoikos*, no. 18, 2016, pp. 93–102. URL: <http://www.extoikos.es/n18/pdf/extoikos18.pdf> (In Spanish).

Chu, A.C., Kou, Z., Wang, X. Culture and Stages of Economic Development. In *MPRA Paper* no. 106900, March 31, 2021. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/106900/1/MPRA_paper_106900.pdf (accessed 01.03.2022) (In Engl.)

Cuenta Satélite de la Cultura. In *Anuario de Estadísticas Culturales*. Ministerio de Cultura y Deporte. España. 2021, pp. 407–408. URL: <https://ru.calameo.com/read/00007533584b732c85bb9> (accessed 02.03.2022) (In Spanish)

Economic and social impact of cultural and creative sectors. Note for Italy G20 Presidency Culture Working Group. In *OECD*. 2021, pp. 4–17. URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/OECD-G20-Culture-July-2021.pdf> (accessed 02.03.2022) (In Engl.)

González, L.L., García, del Sol J.A., Chavarri González, O. La cultura económica, una mirada actual. In *Universidad y Sociedad*, Vol. 10. N 3, 2018. URL: http://scielo.sld.cu/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2218-36202018000300360 (accessed 01.03.2022) (In Spanish)

Kostis, P.C. Culture, innovation, and economic development. In *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2021. URL: <https://doi.org/10.1186/s13731-021-00163-7> (accessed 01.03.2022) (In Engl.)

La contribución de la cultura al desarrollo económico en Iberoamérica. In *Organización de Estados Iberoamericanos para la Educación, la Ciencia y la Cultura*. Naciones Unidas, 2021, pp. 6–8. URL: <https://oei.int/oficinas/secretaria-general/publicaciones/la-contribucion-de-la-cultura-al-desarrollo-economico-en-iberoamerica> (accessed 01.03.2022) (In Spanish)

Quintero, L.F.A., Palma, L., Pavon, N.P. 50 años de Economía de la Cultura. Explorando sus raíces en la historia del pensamiento económico. In *Cuadernos de Economía*, no. 36 (70), 2017, pp. 197–225. URL: <http://dx.doi.org/10.15446/cuad.econ.v36n70.53813> (accessed 01.03.2022) (In Spanish)

Sustainable Development Goals. In *UNDP*. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (accessed 02.03.2022) (In Engl.)

*Андреева Г.Н.**

ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ КАК СПОСОБ МЕМОРИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ

Аннотация. В статье комплексно рассматриваются основные этапы эволюции памятных медалей и способы меморизации конституции посредством их выпуска: раскрывается понятие памятных медалей; показаны их происхождение и взаимосвязь с монетами; дана общая характеристика правового регулирования статуса памятных медалей; определены виды медалей, посвященных различным памятным датам, связанным с конституцией, а также ее принятию и изменению. В статье описаны цели выпуска медалей и применяемые при этом приемы меморизации. Рассмотрены образы конституции на медалях, с помощью которых осуществляется сохранение памяти о конституции, а также проведено их сравнение с подобными образами, встречающимися в других произведениях изобразительного искусства. Сделан вы-

* *Андреева Галина Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: galinaandr@rambler.ru

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, Docent, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: galinaandr@rambler.ru

вод о важном значении и своеобразии вклада памятных медалей в сохранение памяти о конституции.

Ключевые слова: памятные медали; конституция; меморизация конституции; образ конституции; памятные даты; приемы меморизации.

Поступила: 27.06.2022

Принята к печати: 20.08.2022

Andreeva G.N.

Commemorative Medals as a way to memorize the constitution

Abstract. The article comprehensively examines the main stages of the evolution of commemorative medals and how to memorize the constitution by issuing such medals: the concept of commemorative medals is revealed; the origin of the commemorative medals and their relationship with coins are shown; a general description of the legal regulation of commemorative medals is given; the types of commemorative medals dedicated to various memorable dates related to the constitution and medals dedicated to the adoption and amendment of the constitution are determined. The article describes the goals of issuing these commemorative medals and the methods of memorization used in medals. The article examines the images of the constitution on medals, by which the memory of the constitution is preserved, and compares them with similar images found in other works of fine art. The conclusion was made about the importance and originality of the contribution of commemorative coins to the preservation of the memory of the constitution.

Keywords: commemorative medals; constitution; constitution memorization; image of the constitution; memorials; receptions of a memorization.

Received: 27.06.2022

Accepted: 20.08.2022

Для цитирования: Андреева Г.Н. Памятные медали как способ меморизации конституции // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 88–113. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.06

Меморизация национальной конституции с помощью выпуска памятных медалей – явление, широко распространенное в настоящее

время. В одних государствах только формируется традиция выпуска таких медалей (как, например, в странах СНГ), в других государствах она имеет длительную историю. Так, в Перу памятные медали чеканились в честь почти каждой конституции с момента обретения страной независимости (девяти из двенадцати конституций: 1826, 1828, 1834, 1839, 1856, 1860, 1920, 1979, 1993 гг.) [Álvarez Carrasco, 2021, p. 235–246]. В некоторых странах принятию определенного конституционного акта придавалось настолько большое значение, что памятные медали, посвященные этому событию, выпускались не только центральными, но и региональными властями, как, например, в Испании по поводу принятия Конституции 1812 г. Таким образом, происходила практически одномоментно многократная меморизация конституции, в том числе с привязкой к местным достопримечательностям, например, в Сеговии на медали, посвященной Конституции 1812 г., был изображен знаменитый римский акведук (рис. 1), чем обеспечивалось сопряжение общенационального события принятия конституции с узнаваемыми местными памятниками архитектуры, что для жителей Сеговии должно было усиливать причастность к конституционному процессу в стране.

Рис. 1. Аверс и реверс памятной медали, посвященной принятию Конституции Испании 1812 г., выпущенной в Сеговии в 1812 г., и фотография римского акведука в Сеговии

Кроме того, памятные медали были выпущены в испанских колониях, в частности в литературе приведены примеры медалей, отчеканенных в Гватемале и Мексике [Jiménez, 2014] (рис. 2), изображения на них также отличались от изображений на медали, выпущенной по указанию испанских Кортесов (рис. 10).

Рис. 2. Аверс и реверс памятной медали, посвященной Конституции Испании 1812 г., выпущенной в Гватемале

Памятные медали, посвященные конституции или связанным с ней событиям, представляют собой один из видов памятных медалей. Как исторические и художественные памятники памятные медали вообще и посвященные конституции в частности являются объектом изучения прежде всего специалистов в области нумизматики (и особенно специальной дисциплины – фалеристики), истории и археологии, а также искусствоведения.

С нумизматической точки зрения особый интерес представляют история их подготовки и выпуска, иконография медалей и семиотика изображений на них, технологические особенности изготовления конкретных образцов, состав использовавшегося для изготовления металла, вес и размер медали, а также тираж. Эти сведения содержатся в актах об учреждении соответствующих медалей, приводятся в нумизматических справочниках, монографических изданиях и статьях, воспроизводятся на нумизматических сайтах и блогах. Так, в нумизматическом блоге о медали, посвященной промугации испанской Конституции 1837 г., сообщается информация о социально-политической ситуации, в которой принималась Конституция Испании 1837 г., описывается изображение на медали, указывается ее диаметр (24 мм), вес (7,38 гр.), металл (серебро), год выпуска (1837), информация о монетном дворе, который осуществил выпуск медали (монетный двор Барселона) и другие сведения¹. Определенная часть этой информации необходима для оценки значимости выпуска памятной медали в целях

¹ Medalla proclamación Constitución 1837 // Blog numismatico – Isabel II Reina De España. – 2013. – URL: <https://isabeliireinadelasespanas.blogspot.com/2013/09/medalla-proclamacion-constitucion-1837.html>

меморизации конституции. Нумизматические исследования, посвященные отдельным медалям или группе медалей, раскрывают эволюцию конституционной символики, с помощью которой осуществляется меморизация конституции (см. например: [Álvarez Carrasco, 2021, p. 234–246]).

Для историков и археологов памятные медали являются важным источником информации о тех событиях, которым они посвящены. Исследования ученых в данной области позволяют, в частности, установить вариативность медалей, посвященных конституции, и авторство скульпторов-медальеров и граверов, что создает более полную картину намерений представителей верховной власти в отношении целей меморизации данной конституции [Danieri, 1947, p. 206–215]. Кроме того, в сочетании с архивными материалами они позволяют выявить официальные трактовки изображаемых событий и различные малоизвестные или неизвестные детали, связанные с принятием конституции или деятельностью конституанты, как, например, в статье доктора археологии и истории из Университета Комплутенсе (Мадрид) П.Д.К. Боррего по результатам исследования документов Национального архива Испании о медали, посвященной испанской Конституции 1812 г. [Borrego, 2021, p. 268–275].

С искусствоведческой точки зрения, особенно в том случае, когда памятные медали создаются известными скульпторами-медальерами и граверами, они являются одним из объектов исследования творчества мастеров, например творческого наследия главного гравера Королевского монетного двора Феликса Сагау-и-Далмау де Гальсеран [Сапо Сuesta, 2005, p. 235–237]. Выгравированные им медали, посвященные Конституции 1812 г., хранятся в коллекциях ряда музеев Испании, в том числе в музее Прадо¹. Созданные им и другими выдающимися скульпторами-медальерами памятные медали изучаются искусствоведами и культурологами как самостоятельные произведения искусства, а сделанные исследователями наблюдения и выводы необходимы для раскрытия процессов и форм сохранения памяти об определенной национальной конституции.

¹ Museo del Prado. Sagau y Dalmau de Galcerán, Félix. – URL: <https://www.museodelprado.es/coleccion/artista/sagau-y-dalmau-de-galceran-felix/6817a19b-e054-4d7d-8455-5591c54dde3a> (accessed 20.04.2022)

Необходимо отметить также работы общего характера, посвященные проблемам меморизации конституции в произведениях изобразительного искусства, в которых отмечается вклад медалей в меморизацию отдельных национальных конституций (см., например: [Конституции Польши 1791 г.], [Ломоносов, 2015, с. 76–79]), и исследования по визуализации конституции в произведениях изобразительного искусства [Крупеня, Лучин, Пряхина, 2019, с. 76–81; Павленко, 2018; Пряхина, 2020, с. 36–42]. Хотя анализ памятных медалей в этих работах не является центральным объектом исследования либо вообще не производится, в них намечены общие подходы к данной тематике.

Работы, посвященные комплексному анализу особенностей меморизации конституции именно в памятных медалях, отсутствуют. В данной статье предпринята попытка выявить характерные черты данных исторических и культурных артефактов, цели их создания и роль в меморизации конституции.

Понятие «памятная медаль» и виды памятных медалей, посвященных конституции

Слово «медаль» имеет французское происхождение (от *medaille*) и означает «щит, круг с лепной работой, выпуклый кружок» [Прозоровский, 1884, с. 106]. В нумизматике XIX в. выделяли три вида медалей: медали в память о каком-либо историческом событии или значимом лице; в качестве выражения почестей высокопоставленного современника или для награждения; бляхи, чеканенные с религиозной или нравоучительной целью, а также для выражения какого-либо чувства, шутки, насмешки и т.д. [там же, с. 106]. В данной классификации, как мы видим, не проводилось различия между медалями, которые выпускались государством, и другими видами медалей. Памятные медали, посвященные конституции, относятся по приведенной выше классификации к первой группе, но для целей данной работы имеет смысл разбить их на две группы в зависимости от субъектов, которые принимают решение об их чеканке (государство или иные организации).

В научной литературе памятные медали рассматриваются как «особый вид памятника, отражающий в миниатюрном рельефе важные исторические события» [Одноралов, 1983, с. 5]. Как писал в XIX в. российский историк и археолог Д.И. Прозоровский (1820–

1894), «назначение медали быть памятником того обстоятельства, по поводу которого она произведена и которое должно быть видно в ней с первого взгляда» [Прозоровский, 1884, с. 108]. Однако, как он отмечал, достичь этого удастся не всегда и поэтому изображения сопровождаются надписями, которые «не имея художественного значения входят в состав рисунка медали, а потому и в состав художественно обрабатываемого сюжета как литературное дополнение» [там же, с. 108].

Эти характеристики применимы к памятным медалям, посредством которых осуществляется меморизация конституции. Среди них наиболее распространены медали, содержащие надписи, раскрывающие дату принятия (или серьезного реформирования) конституции, но нередко и выдержки из текста конституции, как правило наиболее узнаваемые, например, для Конституции США 1787 г. таковыми являются слова преамбулы Конституции «Мы, народ Соединенных Штатов». По содержанию и нацеленности эти памятные медали можно разделить на две группы: медали, непосредственно посвященные принятию, изменению или (реже) отмене конституции и посвященные событиям, связанным с принятием конституции. Большая часть приводимых в данной статье в качестве примера образцов относится к первой группе. На этих медалях образ конституции является своего рода центром композиции.

На медалях, посвященных событиям, связанным с конституцией, центральным объектом является само событие, а конституция играет роль итога определенной деятельности в сфере конституционализма. Так, например, медаль о созыве во Франции Конституанты 1945–1946 гг. (рис. 3) на аверсе содержит изображение женщины в античном одеянии, торжественно на фоне восходящего солнца демонстрирующей зрителю Конституцию Франции 1947 г., изображенную в виде скрижалей. Такая традиция изображения конституционных актов во Франции восходит к изображениям Декларации прав человека и гражданина 1787 г., содержавшим аллюзию Скрижалей Завета (подробнее см.: [Андреева, 2020 а, с. 9–29]). Вместе с тем надпись на реверсе показывает, что медаль посвящена собственно конституанте, людям, создавшим эту Конституцию.

Рис 3. Медаль, посвященная Конституанте Франции 1945–1946 г. Аверс и реверс медали, посвященной Конституанте 1945–1946 гг. и футляр для ее хранения

И те и другие медали обеспечивают сохранение памяти о конституции, но в разных аспектах: первые закрепляют в памяти населения факт принятия конституции или напоминают о нем, вторые, запечатлевая события, связанные с принятием конституции, осуществляют двойную меморизацию, стимулируя зрителя проявлять интерес как к самой конституции, так и к сопутствующим этому событиям, тем самым создавая более объемный образ национальной конституции в памяти населения.

С точки зрения субъекта, принимающего решение о выпуске медали, их можно разделить на государственные медали и медали, выпускаемые юридическими и физическими лицами. Первые в свою очередь бывают наградными и ненаградными. Наградные медали распределяются в установленном законодательством порядке среди определенных им лиц. Ненаградные медали предназначены запечатлеть событие и распределяются произвольным образом.

Происхождение памятных медалей и их отличие от монет, посвященных конституции

Памятные медали генетически связаны с монетами. Это определяет их внешний вид, поскольку в медалях используется много технологических заимствований и художественных приемов, отработанных на монетах еще в глубокой древности. У медалей, как и у монет, имеется две стороны и кант на ребре. Современные названия составных частей медалей (как и монет) появились позднее, но принцип оформления и корни названий древние. Лицевая сторона медали называется аверс. Термин происходит от французского слова *avers*, который, в свою

очередь, образовался от латинского *adversum* – находящийся впереди, обращенный к кому-либо лицом или передней стороной [Дворецкий, 1986, с. 31]. Обратная сторона медали носит название реверс, которое происходит от латинского слова *re-verso* – поворачивать [там же, с. 671]. Ободок, ребро медали называется в нумизматике гурт, этот термин происходит от немецкого слова *der Gurt* – букв. пояс, кушак, ремень, подпруга (у седла). Этот термин в немецком языке используется и в технической терминологии, например, так называется конвейерная лента [Большой немецко-русский словарь, 1980, с. 580].

Современные памятные медали по своему происхождению имеют также тесные родовые связи и значительные черты сходства с «медальонами» – монетами, которые по весовой норме превышали обычные, выпускались римскими императорами в ограниченном количестве. Медальоны предназначались не для обращения на рынке, а для награждения приближенных лиц, военачальников, а также правителей зависимых государств и вождей приграничных племен. По размеру они были больше других античных монет [Прозоровский, 1884, с. 107], и в отличие от современных медалей медальоны всегда сохраняли связь с деньгами, поскольку вес медальонов соответствовал весу определенного количества обычных монет. Так, золотые медальоны были равны определенному количеству ауреусов (золотых монет, которые начал чеканить Юлий Цезарь) [Зварич, 1978, с. 19, 109, 158]. Известный исследователь истории нумизматики В.В. Зварич обращает внимание на то, что изображения на медальонах (игры, празднества, триумфы и т.д.) свидетельствуют об их памятном характере [там же, с. 109]. Таким образом, медальоны в определенном смысле являются «прародителями» современных памятных медалей. Позднее правители перешли к учреждению памятных медалей, которые уже не выполняли никаких функций в денежном обороте, а имели только наградное назначение. Эта традиция получила свое продолжение и развитие в Средние века. Европейские монархи не только придавали большое значение выпуску юбилейных медалей, но и стимулировали подготовку высококачественных гравиров в академиях художеств и отправляли их на стажировку в другие, технически более продвинутые монетные дворы. Высокое качество гравировки медалей сохранялось и за счет ориентации художников на античные образцы, что было возможно

благодаря коллекционированию античных экземпляров, дающих представление об оптимальной для медали композиции.

Появление первых конституций, которые сразу стали рассматриваться как выдающиеся нормативные акты, а их принятие как важное общественное событие, привело к распространению традиции создания памятных медалей, которые стали использоваться для пропаганды и меморизации конституций.

В настоящее время эта традиция распространена по всему миру. Кроме того, связь между конституцией и посвященными ей памятными медалями упрочилась за счет конституционного регулирования статуса государственных наградных медалей как таковых. Учреждение государственных наград – орденов и медалей – и их присвоение осуществляется органами государства. Полномочие по учреждению государственных наград обычно резервируется за парламентом, а полномочие по присвоению – за главой государства, и положения об этом также включаются в конституции (например, в ст. 84 и 98 Конституции Болгарии 1991 г., ст. 67 и 84 Конституции Литовской Республики 1992 г., ст. 94 и 109 Конституции Азербайджана 1995 г. и др.). Конституционный уровень регулирования правового статуса государственных наградных медалей означает создание изображений и текстов на них под повышенным контролем государства с соблюдением определенных процедур и привлечением к ним установленных в законодательстве органов государства и подчиненность решений в этой области задачам пропаганды и меморизации конституции. Организационные аспекты выпуска медалей детализируются в текущем законодательстве страны. Конституционные положения и текущее законодательство о медалях имеет много общего с соответствующим регулированием эмиссии монет и бумажных денег (подробнее об эмиссии монет см.: [Андреева, 2015, с. 5–8; Андреева, 2022 б, с. 76–90, 106–107], о мемориальных монетах: [Андреева, 2022 а, с. 134–149]), но вместе с тем можно выделить и существенные отличия.

Во-первых, монеты, в том числе и посвященные конституции, имеют сугубо утилитарное назначение участия в торговом обороте, соответственно они переходят из рук в руки, что предъявляет к изображениям на них соответствующие требования. С одной стороны, они не могут быть слишком рельефными, с другой – требуется повышенная выразительность изображения и простота его восприятия, по-

сколько они должны задерживать внимание при переходе из рук в руки. Медали не предназначены для повседневного использования, поэтому при создании изображений для них скульптор-медальер более свободен в выборе художественных средств и приемов и может разработать более сложный и детализированный, чем на монетах, сюжет. В силу элитарности предназначения медалей у скульпторов больший простор для фантазии, выше шансы создать оригинальную модель.

Во-вторых, изображения на монете, в том числе посвященной конституции, должны соответствовать определенным стандартным требованиям оформления аверса и реверса и содержать информацию не только о конституции, но и о собственно платежном средстве, его номинале, осуществившем чеканку монетном дворе, осуществившем эмиссию государстве и т.д. К медалям такие требования по понятным причинам не предъявляются.

В-третьих, решение органов государства об учреждении и выпуске памятной монеты и памятной медали, как правило, носит информативный характер различного содержания. Для монет важно установить характеристики монеты и ее тираж. В отличие от этого акт об учреждении памятной медали подробно определяет круг лиц, которые могут быть ею награждены, содержит перечисление поощряемых ее присвоением заслуг, устанавливает перечень органов, обладающих правом ходатайствовать о присвоении медали физическому или юридическому лицу, и т.д. Из этих актов можно извлечь и определенную информацию о целях выпуска медали. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 24 февраля 2015 г. № 1015 «О юбилейной медали в ознаменование 20-летия Конституции Республики Казахстан» (рис. 4) данной юбилейной медалью «награждаются граждане Республики Казахстан и иностранные граждане, внесшие весомый вклад в обеспечение верховенства Конституции Республики Казахстан, укрепление независимости страны, согласия и стабильности в казахстанском обществе, защиту конституционных прав граждан, становление и развитие идей и принципов конституционализма» (п. 1). Таким образом, юбилей конституции используется в данном случае не только для того, чтобы напомнить о ней и дате ее принятия, а также установленных ею конституционных ценностях, но

чтобы поощрить активное содействие реализации ее положений, побуждая остальных граждан следовать примеру награжденных.

Рис. 4. Юбилейная медаль «20 лет Конституции Казахстана».

Меморизация конституций в негосударственных памятных медалях

Наряду с государственными наградными медалями некоторые учреждения культуры (например, музеи) выпускают свои собственные медали, посвященные конституции, они не носят, как правило, наградной характер, а являются сувенирной продукцией и доступны для всех посетителей музеев, а в настоящее время, благодаря Интернету, и остальным коллекционерам через интернет-торговлю. Так, в 1989 г. французской дочерней компанией Le Médailleur Franklin (1976–2004) американской компании Franklin Mint в трех версиях (золотой, серебряной и бронзовой) была выпущена медаль, посвященная 200-летию принятия Декларации прав человека и гражданина 1789 г.¹ (рис. 5). Этот акт и в настоящее время является составной частью французской конституции.

¹ La Médaille des Droits de l'Homme. Website Numista. – URL: <https://fr.numista.com/catalogue/exonumia278310.html> (accessed 3.08.2022)

Рис. 5. Памятная сувенирная медаль принятия Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

На аверсе этой медали изображена аллегория, распространенная в революционный период истории Франции: две женские фигуры, опирающиеся на постамент с надписью «Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 года». Фигура слева олицетворяет Францию, разорвавшую цепи, фигура справа символизирует Закон, указывающий на Декларацию прав человека и гражданина. Фригийский колпак, масонский символ «всевидающее око, или лучезарная дельта» и девиз «свобода, равенство, братство», помещенные на аверс, погружают зрителя в образы той эпохи. Эта информация подкрепляется надписью на реверсе: ДВУХСТОЛЕТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789–1989 и цитата из этого акта: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

Памятные сувенирные медали различных культурных учреждений дополняют популяризацию конституций, на которую нацелены государственные памятные медали, но уже в «очищенном» от наградного характера виде и без оттенка торжественности и значимости, придаваемой наградным медалям государством.

Особенности художественного строя и изготовления памятных медалей, посвященных конституции и событиям, связанным с конституцией

Происхождение памятных медалей от монет предопределило распределение изображений на составных частях медалей и ряд других

их художественных особенностей. По форме памятные медали, как правило, круглые, но встречаются и крестообразные, овальные и иные формы.

Форма и размер медали, а также оформление реверса в значительной степени зависит от ее назначения: предполагаемого хранения или ношения. Медали, предполагаемые к хранению, вручаются в специальном футляре. Медали, предназначенные для ношения, имеют специальную ленту (рис. 7) или планку для крепления к одежде (рис. 13). Потенциал меморизации у этих видов медалей различен: экземпляры в футляре, не предназначенные для ношения, являются признанием вклада награжденного, предметом его гордости и напоминанием о конституции, которая визуальна доступна ему, членам его семьи, близким друзьям и знакомым. В случае ношения медали меморизация охватывает более широкий круг лиц.

На аверс памятных медалей, посвященных конституции, помещают различные изображения: портреты выдающихся государственных деятелей, внесших значительный вклад в подготовку конституции (такого рода портреты являются продолжением римской традиции изображения политических деятелей на монетах и медальонах); образы, символизирующие конституцию, и другие аллегорические изображения; художественные композиции, посвященные памятным событиям, и т.д. Примером такого рода медали может служить медаль, посвященная принятию Конституции 1802 г. Цизальпинской республики (государства, созданного на севере Италии в результате объединения Транспаданской и Циспаданской республик) (рис. 6). Она любопытна как сама по себе (текст о конституции написан на медали на латыни), так и в силу особенностей Конституции, которой она посвящена. Текст Цизальпинской конституции 1802 г. воспроизвел за исключением некоторых деталей текст французской Конституции 1795 г. По сути она была дарована республике Бонапартом. Этот факт отражает и изображение на данной медали: на аверс помещен портрет Бонапарта, а реверс содержит текст на латыни. Появление латинского текста на медали связано с введением в моду стиля ампира и коннотирует с идеями империи и другими политическими и культурными новациями Наполеона Бонапарта, призванными подчеркнуть связь создаваемой им государственности с Древним Римом, а также значимость принятия данного конституционного акта.

Рис. 6. Аверс и реверс медали, посвященной принятию Цизальпинской конституции 1802 г.

Встречаются медали, в том числе посвященные конституции, с нетронутым, «пустым» реверсом, в отличие от монет, реверс которых всегда чем-то заполнен, например медаль, посвященная Конституции Испании 1837 г., принятой в правление королевы Изабеллы II (рис. 7). На аверсе изображен геральдический лев – символ государственной власти, окруженный надписью *Finalidad y consnancia* («Цель и постоянство»), как это можно видеть на рис. 5, а изображение на реверсе отсутствует.

Рис. 7. Реверс и аверс медали, посвященной испанской Конституции 1837 г. Изображение на реверсе отсутствует.

В связи с этим можно с композиционной точки зрения разделить медали на те, в которых аверс и реверс представляют собой единое целое для раскрытия сюжета медали, и медали с изображением только на аверсе.

Гурт медалей в отличие от монет, на которых по традиции ставят насечки или какие-либо обозначения, как правило, сглажен. Насечки на гурте монет являются продолжением традиции, которая возникла в борьбе с порчей монет населением путем неофициального уменьшения реального веса монет при сохранении номинальной стоимости (например, путем спиливания драгоценного металла с гурта [Зварич, 1978, с. 46]). В отношении медалей такого рода опасений по понятным причинам не возникало, поскольку они не предназначены для участия в денежном обороте, поэтому сглаженный гурт медалей вполне естественен и широко распространен.

Технологии чеканки медалей и их влияние на меморизацию конституции

С культурологической и исторической точки зрения ценность памятных медалей, в том числе экземпляров, посвященных конституции, как артефактов определяется также и технологией их изготовления. Распространенная на ранних этапах ручная чеканка как монет, так и памятных медалей в силу ее большой трудоемкости и меньшей производительности предопределяет высокую стоимость и нумизматическую ценность изготовленных с помощью этой технологии образцов. Высокие трудозатраты при ручной чеканке (рис. 8) предполагали и высокий уровень мастерства ремесленника (в противном случае он не

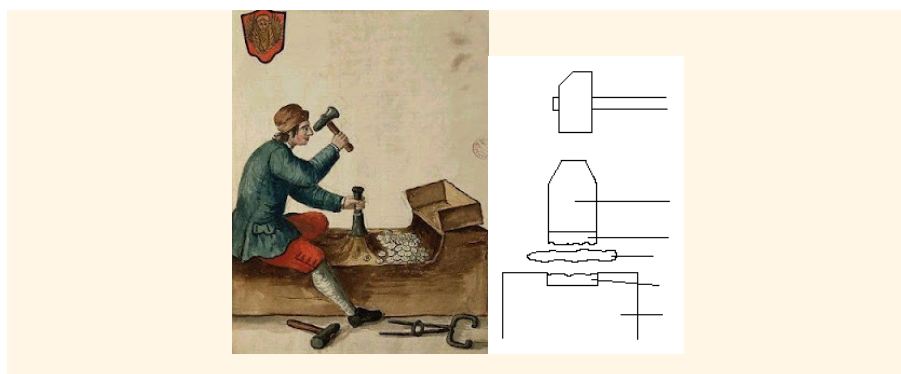

Рис. 8. Ручная чеканка монет и медалей

получил бы такой заказ), позволяющий создавать не только высокохудожественные, но и уникальные памятные медали, выпущенные небольшими тиражами, что также повышает ценность этих изделий.

Вытеснение в XIX в. ручной чеканки в результате внедрения различных механизмов, в определенной мере автоматизировавших процесс изготовления (рис. 9), позволило снизить стоимость каждого отдельного экземпляра памятной медали. В то же время стало возможным увеличение их тиража, что отвечало возросшим потребностям государства в популяризации своей политики и конституционного строя через изготовление памятных медалей, посвященных конституции и связанным с ней событиям. Распространение в течение XIX в. прессов для чеканки медалей привело к вытеснению ручной чеканки частными лицами и концентрации этого процесса в монетных дворах. Кроме того, устройство прессов совершенствовалось, и во второй половине XIX в. появились сначала прессы на паровой тяге, а к концу — с электродвигателями¹, что существенно увеличило возможности производства.

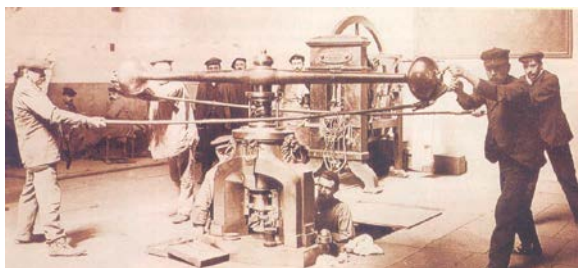

Рис. 9. Пресс для чеканки медалей системы Droz. Фотография выложена в нумизматическом блоге²

Указание на способ изготовления является одной из важных характеристик памятной медали и присутствует в полных нумизматических описаниях. Так, о медали, посвященной промультягии Консти-

¹ Prensas Volante con Sistema de Droz // Blog numismatico – Isabel II Reina De España.– URL: https://isabeliireinadelasespanas.blogspot.com/2012/10/prensas-de-volante-o-balancin_526.html

² Ibid.

туции Испании 1837 г., в нумизматическом блоге сообщается, что чеканка данной модели производилась с помощью махового пресса системы Droz¹. Речь идет о механизированной в определенной мере чеканке, в отличие от медалей, выполненных полностью с помощью ручной чеканки, каждый экземпляр которой был уникален, а тираж ограничен.

Цели и задачи меморизации конституции и способы их решения в памятных медалях

Цели и задачи меморизации конституции различаются в зависимости от того, о каком акте идет речь: о действующей конституции или о конституции, принятой ранее, внесшей серьезный вклад в развитие национального конституционализма, но утратившей силу в связи с принятием более поздних актов или по иным причинам.

Меморизация действующих конституций, как правило, происходит в связи с их принятием или очередной «круглой» датой с момента принятия. В памятных медалях, посвященных принятию новой, только что появившейся конституции, государство стремится подчеркнуть и запечатлеть значимость момента как некоего важного государственного события. В этом случае целью меморизации будет формирование исторической памяти народа о его вкладе в мировой конституционный опыт и об определенном важном этапе становления конституционного строя в самой стране. Характерный пример такого рода использования памятных медалей дает опыт Испании. В связи с принятием Конституции 1812 г. в Испании выпустили золотые, серебряные и бронзовые медали, посвященные этому событию (рис. 10). Основная часть этих медалей была распределена среди членов Кортесов и глав других высших органов государства, священнослужителей и военных, а также представителей различных корпораций, причем награждение ранжировали в зависимости от значимости должности и вклада в конституционный процесс награждаемых, и им присуждались золотые, серебряные или бронзовые медали соответственно [Borrego, 2021,

¹ Medalla proclamación Constitución 1837 // Blog numismatico – Isabel II Reina De España. – URL: <https://isabeliireinadelasespanas.blogspot.com/2013/09/medalla-proclamacion-constitucion-1837.html>

р. 272–273]. Следует отметить, что награждение чиновников предполагает меморизацию конституции с несколько иными целями, чем в отношении остальных награждаемых (представителей общественности, экспертов и т.п.). Оно визуализирует их обязанность соблюдать и реализовывать конституцию. Приняв награду, должностные лица как бы приносят дополнительную присягу на верность конституции. Здесь имеет место меморизация с элементами обязывания награждаемых следовать конституции, поскольку ее нарушение обесценивает историческую традицию и усилия предков по утверждению конституционного строя.

Кроме того, в данном случае выполнение задач меморизации конституции вышло за национальные рамки. Часть золотых медалей была направлена монархам – союзникам Испании в борьбе против Наполеона, а также главам дипломатического корпуса, в том числе двух иностранных государств. Это, конечно, прежде всего можно расценивать как жест дипломатического характера, но одновременно преследующий и иные цели: он свидетельствовал о международном значении принятия конституции в стране и ее включенности в начальный период становления мировых конституционных процессов, что также являлось меморизацией конституции уже на международном уровне.

Рис. 10. Медаль, посвященная Конституции 1812 г., в серебряном и золотом вариантах исполнения

Большое значение для меморизации истории конституции имеет выпуск памятных медалей, посвященных серьезному реформированию или пересмотру конституции, а в некоторых случаях и ее отмене. В этом случае государственные органы, принимающие решение о выпуске такой медали, стремятся зафиксировать определенный момент в конституционном развитии страны, отметить рубеж, начиная с которого наступает качественно новый этап конституционного регулиро-

вания. В качестве примера можно привести медаль, выпущенную в Перу в связи с пересмотром Конституции 1856 г. в 1860 г. (рис. 12).

Рис. 12. Медаль, посвященная изменению Конституции Перу 1856 г. в результате конституционной реформы 1860 г.

Оригинальный способ меморизации конституции был найден в Испании, где в ознаменование столетия Конституции 1812 г. были учреждены специальные памятные медали трех видов: для потомков участников Конвента, для потомков героев и участников конституционного конвента, для потомков героев защиты Кадиса (рис. 13).

Рис. 13. Аверс (вверху) и реверс (внизу) медалей потомков участников Конституционного конвента, потомков героев защиты Кадиса и участников Конституционного конвента и потомков героев защиты Кадиса

Наличие трех групп награждаемых было связано с тем, что принятие данного акта происходило на незанятой французами территории в

ситуации блокады страны армией Наполеона и защиты Кадиса армией и добровольцами, благодаря чему оно и стало возможным.

В этой форме меморизации конституции Испании 1812 г. очевидно и желание укрепить чувство гордости потомков участников конституционного процесса и героев-защитников и вместе с тем чувствуются отголоски прежних подходов к регулированию правовых отношений и появляется ассоциация с феодальными привилегиями по рождению в сочетании с культивированием ответственности за поддержание конституционного режима, возникшего благодаря героическим усилиям предков.

Образы конституции, которые используются в памятных медалях, можно охарактеризовать как типичные и широко распространенные в других произведениях изобразительного искусства [Андреева, 2020 в, р. 119–129], благодаря чему являются узнаваемыми и создают у зрителей соответствующие ассоциации. Приведенные в статье примеры изображения конституции на памятных медалях в виде книги (рис. 2, 4, 12), свитка (рис. 11), скрижалей (3) многократно повторены в различных вариантах в медалях множества стран. Все эти предметы имеют глубокое сакральное значение: отсылают к древнему знанию, с одной стороны, и апеллируют к духовным пластам человеческой памяти – с другой. Иногда применяются и дополнительные приемы для этого. Так, книга Конституции 1812 г. на медали, выпущенной в Гватемале (рис. 2), и книга Конституции Перу на рис. 12 изображены как «сияющие», т.е. во всем блеске своего величия, и в этом проявляется важная часть меморизации – сакрализация конституции, она вызывает при этом и ассоциации с религиозными изображениями. Возвышенный, торжественный художественный образ конституции в виде книги, усиленный изображением ее сияния или скрижалей, вызывающих ассоциацию со скрижалями Моисея, либо свитков, как древних способов фиксации знаний, призван свидетельствовать о выдающемся по своему духовному значению событии. Соответственно, данными художественными средствами обеспечивается фиксация в исторической памяти народа принятия или изменения конституции как сакрального события.

Заключение

Истоки современной практики меморизации конституции в медалях зародились на заре конституционализма, эта традиция продолжается во вновь появляющихся конституциях. Эти медали имеют общий идейный источник с монетами, посвященными конституции, но они приобрели собственную логику развития и собственное правовое регулирование, выражающее наградную политику государства, что придает меморизации конституции в медалях торжественный и индивидуализированный характер. Как показывает проведенный анализ, меморизация конституции может служить различным целям: фиксации в общественном сознании ее значения в жизни общества, укреплению памяти о достижениях предков; направлению своего рода послания потомкам; отражению важных этапов развития конституционализма. Эти цели достигаются различными средствами: с помощью фиксации на медалях памятных дат и иной информации, относящейся к конституции; путем сакрализации образа конституции как феномена, связанного с явлениями высшего духовного порядка; внесением в качестве основания для награждения медалями требования о вкладе в укрепление конституционного строя и другими средствами. Таким образом, наряду с другими произведениями изобразительного искусства (живописи, графики, скульптуры), памятные медали, посвященные конституции, вносят существенный и отличающийся своеобразием вклад в сохранение памяти о важных этапах становления конституционного строя.

Список литературы

- Андреева Г.Н.* Конституционное регулирование денег и денежной системы // Российская юстиция. – 2015. – № 12. – С. 5–8.
- Андреева Г.Н.* Монета как способ меморизации и популяризации конституции // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022 а. – № 4(118), часть 3. – С. 134–149.
- Андреева Г.Н.* Образ конституции в виде книги в произведениях изобразительного искусства // Вестник культурологии. – Москва : ИНИОН РАН, 2020 а. – № 3(94). – С. 8–29. – DOI: 10.31249/hoc/2020.03.01
- Андреева Г.Н.* Образ конституции в виде свитка в произведениях изобразительного искусства // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы

современной науки : сб. статей по материалам LI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2021. – С. 10–25.

Андреева Г.Н. «Скрижали» конституции в произведениях изобразительного искусства» // Вестник культурологии. – Москва : ИНИОН РАН, 2020 б. – № 4. – С. 9–29. – DOI: 10.31249/hoc/2020.04.01

Андреева Г.Н. Типичные и редкие образы конституции в произведениях изобразительного искусства и их правовое содержание = Typical and rare images of the constitution in works of fine art and their legal content // International Conference on Global Trends in Academic Research: Conference Proceedings, June 30 th, 2020, Los Gatos, USA. – Los Gatos (USA), 2020 в. – Р. 119–129. – ISBN 978–1-00524–931–2

Андреева Г.Н. Трансформация национальных финансовых конституций: компаративистское исследование : монография. – Москва : ИНИОН РАН, 2022 б. – 360 с.

Большой немецко-русский словарь : в 2 т. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : Рус. яз., 1980. – Т. 1 : А-К. – 760 с.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов. – 3 изд. – Москва : Рус. яз., 1986. – 840 с.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. – Изд. 3-е. – Львов : Изд-во при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1978. – 224 с., илл.

Крупеня Е.М., Лучин В.О., Пряхина Т.М. Конституция и культура : эстетический подход в правовых исследованиях // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 76–81. – DOI: 10.24411/2073–0454–2019–10075

Ломоносов А.Р. Конституция 3 мая: опыт меморизации в искусстве // Вестник Липецкого гос. пед. ун-та. – 2015. – № 3(18). – С. 76–79.

Одноралов Н.В. Техника медальерного искусства. – Москва : Изобразительное искусство : учебное пособие, 1983. – 160 с.

Павленко Е.М. Конституция в произведениях искусства. – Москва : Дело, 2018. – 36 с.

Прозоровский Д.И. Свод сведений, относящихся до техники и истории медальерного искусства. – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии наук, 1884. – 201 с.

Пряхина Т.М. Визуализация Конституции // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания : сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции / под ред. Е.Б. Дудниковой, Н.В. Шалаевой. – Саратов, 2020. – С. 36–42.

Álvarez Carrasco R.A. Las medallas conmemorativas de las Constituciones Políticas del Perú // Revista Numismática HECATE. – Murcia, 2021. – № 8 – P. 234–247.

Borrego P.D.C. El expediente relativo a la distribución de las medallas de oro y plata acuñadas en conmemoración de la promulgación de la constitución de Cádiz del Archivo Histórico Nacional // Revista numismática OMNI. – 2021. – № 15 – P. 268–275.

Cano Cuesta M. Catálogo de Medallas Españolas. – Madrid : Museo Nacional del Prado, 2005. – 451 p.

Danieri L. Medallas de la Jura de la Constitución // Revista de la Sociedad de Amigos de la Arqueología. Tomo X. – Montevideo, 1947. – Т. 10. – P. 206–215.

Jiménez D.R. Las Medallas de la Constitución de 1812 // Website Numismatico digital, Miércoles 22 de octubre de 2014. – URL: <https://www.numismaticodigital.com/noticia/5529/articulos-medallistica/las-medallas-de-la-constitucion-de-1812.html> (accessed 3/08/2022).

References

Andreeva, G.N. Konstitucionnoe regulirovanie deneg i denezhnoj sistemy x Constitutional regulation of money and the monetary system]. In *Rossijskaya yusticiya*, no. 12, 2015, pp. 5–8. (In Russ.)

Andreeva, G.N. Moneta kak sposob memorizacii i populyarizacii konstitucii [Coin as a way to memorize and popularize the Constitution]. In *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 4 (118), part 3, 2022 a, pp. 134–149. (In Russ.)

Andreeva, G.N. Obraz konstitucii v vide knigi v proizvedeniyah izobrazitel'nogo iskusstva [The image of the Constitution in the form of a book in works of fine art]. In *Vestnik kul'turologii*. Moscow, INION RAN Publ., no. 3 (94), 2020 a, pp. 8–29. DOI:10.31249/hoc/2020.03.01 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Obraz konstitucii v vide svitka v proizvedeniyah izobrazitel'nogo iskusstva [The image of the constitution in the form of a scroll in works of fine art]. In *Kul'turologiya, filologiya, iskusstvovedenie: Aktual'nye problemy sovremennoj nauki. Sb. statej po materialam LI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Culturology, philology, art criticism: Actual problems of modern science. Collection of articles based on the materials of the LI International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, 2021, pp. 10–25. (In Russ.)

Andreeva, G.N. “Skrizhali” konstitucii v proizvedeniyah izobrazitel'nogo iskusstva» [The “Tablets” of the Constitution in works of fine art”]. In *Vestnik kul'turologii*, Moscow, INION RAN, no. 4 (95), 2020 b, pp. 9–29. DOI:10.31249/hoc/2020.04.01 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Tipichnye i redkie obrazy konstitucii v proizvedeniyah izobrazitel'nogo iskusstva i ih pravovoe sodержanie [Typical and rare images of the constitution in works of fine art and their legal content]. In *International Conference on Global Trends in Academic Research: Conference Proceedings, June 30 th, 2020, Los Gatos, USA*. Los Gatos (USA), 2020 v, pp. 119–129. ISBN 978–1-00524=931–2 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Transformaciya nacional'nyh finansovyh konstitucij: komparativistskoe issledovanie : Monografiya [Transformation of National Financial Constitutions: Comparative Research : Monograph]. Moscow, INION RAN Publ., 2022 b. 360 p. (In Russ.)

Bol'shoj nemecko-russkij slovar': v 2 t. Izd. 2-e, stereotip [A large German-Russian dictionary: in 2 vols. 2 nd edition, stereotype]. Moscow, Russ. yaz. Publ., Vol. 1. A-K, 1980. 760 p. (In Russ.)

Dvoreckij, I.H. *Latinsko-russkij slovar' : ok. 50 000 slov. – 3 izd.* [Latin-Russian dictionary : approx. 50,000 words. – 3 rd ed.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1986. 840 p. (In Russ.)

Zvarich, V.V. *Numizmaticheskij slovar'*. Izd. 3-e [Numismatic dictionary. 3 rd Ed.]. L'vov, Izd-vo pri L'vovskom gosudarstvennom universitete izdatel'skogo ob"edineniya «Vishcha shkola» Publ., 1978. 224 p., ill. (In Russ.)

Krupenya, E.M., Luchin V.O., Pryahina T.M. Konstituciya i kul'tura: esteticheskij podhod v pravovyh issledovaniyah [Constitution and Culture: an aesthetic approach in legal studies]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2, 2019, pp. 76–81. DOI 10.24411/2073–0454–2019–10075 (In Russ.)

Lomonosov, A.R. Konstituciya 3 maya: opyt memorizacii v iskusstve [Constitution of May 3: the experience of memorization in art]. In *Vestnik Lipeckogo gos. ped. un-ta*, no. 3 (18), 2015, pp. 76–79. (In Russ.)

Odnoralov N.V. *Tekhnika medal'ernogo iskusstva* [The technique of medal art]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, Uchebnoe posobie Publ., 1983. 160 p. (In Russ.)

Pavlenko, E.M. *Konstituciya v proizvedeniyah iskusstva* [The Constitution in works of art]. Moscow, Delo Publ., 2018. 36 p. (In Russ.)

Prozorovskij, D.I. *Svod svedenij, otnosyashchihsy do tekhniki i istorii medal'ernogo iskusstva* [A set of information related to the technique and history of medal art]. Saint Petersburg, Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1884. 201 p. (In Russ.)

Pryahina T.M. Vizualizaciya Konstitucii [Visualization of the Constitution]. In *V sbornike: Aktual'nye problemy sovremennogo sociogumanitarnogo znaniya. Cbornik statej Nacional'noj (Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. E.B. Dudnikovoj, N.V. Shalaevoj* [In the collection: Actual problems of modern socio-humanitarian knowledge. Collection of articles of the National (All-Russian) Scientific and practical Conference / edited by E.B. Dudnikova, N.V. Shalaeva]. Saratov, 2020, pp. 36–42. (In Russ.)

Álvarez Carrasco, R.A. Las medallas conmemorativas de las Constituciones Políticas del Perú. In *Revista Numismática HÉCATE*. Murcia, no. 8, 2021, pp. 234–247. (In Spanish)

Borrego, P.D.C. El expediente relativo a la distribución de las medallas de oro y plata acuñadas en conmemoración de la promulgación de la constitución de Cádiz del Archivo Histórico Nacional. In *Revista numismática OMNI*, no. 15, 2021, pp. 268–275. (In Spanish)

Cano Cuesta, M. *Catálogo de Medallas Españolas*. Madrid, Museo Nacional del Prado Publ., 2005. 451 p. (In Spanish)

Danieri, L. Medallas de la Jura de la Constitución. In *Revista de la Sociedad de Amigos de la Arqueología. Tomo X*. Montevideo, 1947, T. X, pp. 206–215. (In Spanish)

Jiménez, D.R. Las Medallas de la Constitución de 1812. In *Website Numismatico digital, Miércoles 22 de octubre de 2014*. URL: <https://www.numismaticodigital.com/noticia/5529/articulos-medallistica/las-medallas-de-la-constitucion-de-1812.html> (accessed 3.08.2022). (In Spanish)

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.07

Богомолов И.К.*

Рецензия на книгу:

Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. – London : Bloomsbury Academic, 2019. – 348 p.

Получена: 01.08.2022

Принята к печати: 15.08.2022

Bogomolov I.K.

Book review:

Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. – London : Bloomsbury Academic, 2019. – 348 p.

Received: 01.08.2022

Accepted: 15.08.2022

Для цитирования: Богомолов И.К. [рец.] // Вестник культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 114–122. – Рецензия на книгу: *Demm E. Censorship and Propaganda in World War I : A Comprehensive History. – London : Bloomsbury Academic, 2019. – 348 p.*
DOI: 10.31249/hoc/2022.04.07

* **Богомолов Игорь Константинович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: bogomolov@inion.ru

Bogomolov Igor K. – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: bogomolov@inion.ru

Исследования пропаганды в годы Первой мировой войны на данный момент насчитывают сотни книг и статей, включая основополагающие труды Г. Лассуэлла, У. Липпмана, А. Понсонби, Э. Бернейса и др. [Лассуэлл, 2021; Липпман, 2004; Ponsonby, 1928; Бернейс, 2010]. Опираясь на эту значительную теоретико-методологическую базу, современные историки, социологи, культурологи продолжают обращаться к Великой войне как времени уникального опыта воздействия на массовое сознание [World War I and Propaganda, 2014]. Сегодня основное внимание уделяется в основном сохраняющимся «узким» местам в истории пропаганды начала XX в. [Welch, 2014]. Идущая в тесной связи с пропагандой цензура времен Первой мировой войны также имеет обширную историографию, однако в последние годы упоминается редко, как правило – в контексте исследований отдельных стран в 1914–1918 гг. [Beckett, 2006; Monger, 2012; Smith, 2019].

На этом фоне явно выделяется рецензируемая монография немецкого историка Э. Демма. Привлекает внимание уже название, в котором упоминаются одновременно пропаганда и цензура. При первом прочтении это вызвало осторожность и даже недоумение, ведь до сих пор еще никто не решался соединять в одной книге весьма близкие, но и весьма обширные и многоплановые темы. Автор подчеркивает, что его исследование – сравнительное, освещающее опыт крупнейших государств мира в контроле и манипулировании общественным мнением в годы Великой войны. Столь смелый шаг мог позволить себе опытный исследователь, уже проводивший изыскания в обоих направлениях и хорошо знакомый с той эпохой. Все это можно сказать о Демме: с конца 1980-х годов в нескольких крупных трудах он подробно изучал военную пропаганду в кайзеровской Германии, а также особенности развития карикатуры в разных странах в 1914–1918 гг. [Demm, 1988; Demm, 2002]. В то же время к цензуре автор обращается впервые, для него это фактически новое проблемное поле. Из оглавления книги заметно, что пропаганда для автора – более близкая и знакомая тема: лишь одна глава из двенадцати посвящена ей полностью, хотя в последних трех главах Демм возвращается к сравнительному описанию цензуры и пропаганды, их организации, успешности и наследию. Тем не менее интерес к книге это не снизило: слишком редко в последние годы выходят подобные исследования, а сравнительным фактически можно назвать лишь книгу Демма.

В первой главе сравнивается организация цензуры и ее ограничения в воюющих государствах, анализируются ее методы и приводятся основные темы, которые обычно замалчивались в прессе, кино, театре и частной переписке. Значительное внимание Демм обратил на такую сложную и важную тему, как самоцензура. Освещены также приспособление обществ к цензуре, ее критика и способы ее использования в политической борьбе. Как верно отмечает автор, цензура «не была независимым институтом, а полностью находилась под влиянием первых лиц в военном министерстве, в армии, в военной комиссии Сената, в полиции и, что не менее важно, в канцелярии премьер-министра, и все они использовали цензуру в своих собственных интересах» (р. 26). Нужно сказать, что автор поставил перед собой довольно сложную задачу сравнения организаций цензуры, каждая из которых заслуживает отдельного объемного исследования. В связи с этим неизбежны были определенные перекосы, связанные с научными интересами исследователя. Так, большая часть первой главы посвящена германской, французской, английской и американской цензуре. Неоднократно упомянуты и другие страны, но на примере России видно, что Демм упоминал их, основываясь на недостаточной информации, либо, в силу ограниченного объема книги, не имел возможности провести более качественный анализ. К примеру, в конце главы он отмечает, что в 1916 г. цензоры «не скрыли серьезных обвинений ведущего кадетского политика Павла Милюкова, который спросил в Думе, был ли провал режима вызван “глупостью или изменой”» (р. 26). Однако речь Милюкова была запрещена к публикации, и решающую роль в ее известности сыграл сам факт запрета, усиленный информационным «голодом» российского общества и слухами об «измене в верхах» [Аксенов, 2020, с. 311–312].

В главе 2 сравнивается организация пропаганды в воюющих государствах, ее основные цели. Демм выделяет четыре основные цели пропаганды: «внутренний» и военный фронты, нейтральные и вражеские страны. Дома пропаганда должна мобилизовать нацию, поддерживать ее моральный дух и побуждать армию сражаться до победного конца. Она должна вызывать ненависть к врагу, идеализировать собственные военные цели, предупреждать о последствиях поражения, подтверждать веру в превосходство своего отечества и заверять в неизбежности победы. Пропаганда против врага должна была «демо-

рализовать его солдат, побудить их дезертировать и взбудоражить гражданское население. Ее излюбленными объектами являются недовольные элементы, такие как обездоленные классы, революционные движения и национальные меньшинства» (р. 27). Автор отмечает, что правительства столкнулись со схожими проблемами в организации пропаганды: дублирование функций разных ведомств, их противоречия и нередко открытое противостояние. Общей тенденцией была централизация пропаганды на фронте, в тылу, нейтральных и вражеских государствах.

В главах 3 и 4 Демм подробнее освещает способы конструирования образов врага – как внутреннего, так и внешнего, способы и достижения пропагандой заявленных целей и трудности, возникшие на этом пути. Во всех странах война «была представлена как борьба между силами добра и зла – дуалистический подход, на который сильно повлияли манихейские тенденции, присущие христианской вере со времен св. Августина» (р. 35). В своих выводах автор опирался на Д. Монгера, который на примере Великобритании различал два взаимосвязанных типа пропаганды: «состязательный» (против врагов внутри страны и за рубежом, внушение чувства ответственности и долга перед страной и народом) и «амбициозный» (обещание будущих наград и выгод от победы в войне) [Monger, 2012]. Этим целям служили известные сюжеты, как, например, «немецкие зверства» (в частности – убийство германскими войсками сестры милосердия Э. Кэвелл). Проводились последовательная демонизация и высмеивание образов вражеских правителей, карикатуризация вражеских армий, порицание пацифистов, уклонистов и «сомневающихся».

Краеугольным камнем пропаганды было объяснение причин вмешательства в войну. В разных странах этому давались разные идеологические, политические, экономические, национальные и расовые объяснения. Восприятие их обществами далеко не всегда зависело от пропаганды и не всегда может считаться мерилем ее эффективности. Немалую роль играл затяжной характер войны, заставлявший изобретать все новые способы вовлечения в нее общества, поднятия его настроения и укрепления решимости продолжать борьбу. В этом смысле возможности изначально не были равными, сказывался разный уровень грамотности населения и развитости печати, а также разные возможности в контроле потоков информации. Так, в пропаганде

в США Германия изначально проигрывала Англии, контролировавшей телеграфные кабели, соединявшие Европу и Северную Америку (р. 70).

В главе 5 анализируется идеологическая обработка с помощью развлечений. Поскольку карикатуры, плакаты и фильмы также обсуждаются в других главах, здесь Демм сделал акцент на других, «специфических» методах убеждения. В 1914–1918 гг. «фильмы, театральные постановки, оперетты, песни, концерты, театрализованные представления, живые картины, романы, игрушки, детские книги, фотографии, плакаты, мультфильмы, грамофонные пластинки, выставки – все было связано с войной. В газетах публиковались военные стихи, в цилиндрах фонографов воспроизводилось взятие крепости, были распространены миллионы патриотических открыток, статуэток... пепельниц и тарелок, спичечных коробков, лент “Виват”, медалей и отрывных календарей – например, календарь преступлений Германии с указанием злодеяний для каждого месяца и календарь британских побед» (р. 73). Особую роль играли киноленты об успехах на фронте, «зверствах» вражеских армий и жестокости их правителей. Однако со временем такая «вездесущность» начинала приносить больше вреда, чем пользы. Люди искали способы отвлечься, шли в места, где не упоминалось об ужасах войны, где жизнь напоминала мирную. Одним из последствий стало падение тиражей «военных» книг, брошюр и газет, постепенный (уже с конца 1914 г.) рост доли в прокате кинолент с «мирными» сюжетами и возвращение на театральные сцены довоенных спектаклей (р. 84–88).

В главе 6 анализируются «цели» пропаганды: дети, солдаты по обе стороны фронта, национальные и религиозные меньшинства, а также покупатели сберегательных сертификатов и военных облигаций. Большое внимание Демм уделил пропагандистским кампаниям на фронтах, в частности выпуску листовок и фронтовых газет, передвижным театрам, организации «братаний». Для распространения пропаганды на фронте было разработано огромное количество мер: информационные щиты, мегафоны, грамофонные записи, лодки, бутылки, буи. Листовки разбрасывались вручную или в жестяных банках, прикреплялись к колючей проволоке, перебрасывались с помощью лука и стрел, «пропагандистских гранат» и ракет, выпущенных из минометов или специальных орудий (р. 113). Как и в других главах,

основное внимание уделено Западному фронту, Англии, Франции и Германии, хотя Восточный фронт упомянут довольно подробно. К сожалению, и здесь автор не избежал неточностей при освещении пропаганды в России, ошибочно утверждая, что в русских армиях не выпускались фронтовые газеты и листки. Спорно и утверждение, что в России «практически не существовало внутренней пропаганды» (р. 109).

В главе 7 представлены восемь избранных биографий пропагандистов, с помощью которых автор демонстрирует, что пропаганду «нельзя анализировать в прокрустовом ложе стереотипных действий, но что она, как и все человеческое поведение, также формируется индивидуальными установками» (р. 2). Упомянуты Альфред Хамсворт (лорд Нортклифф), контролировавший до 40% британской прессы, в том числе лондонскую «Таймс»; Джордж Крил, благодаря которому быстро и широко была развернута военная пропаганда в США в 1917–1918 гг.; писатель Анри Барбюс, воевавший на Западном фронте и призывавший к освобождению от «немецкого милитаризма»; Габриеле Д'Аннунцио, активно выступавший за выступление Италии на стороне Антанты; Юзас Габрис, организатор кампании в поддержку независимости Литвы; Альфред Вебер (младший брат Макса Вебера), пропагандировавший свою версию Mitteleuropa как федерацию зависимых от Германии государств-сателлитов, простирающуюся от западной России до Балкан; Гуго фон Гофмансталь, писавший восторженные пропагандистские статьи об австрийской армии; Луи Ремейкерс, автор широко известных антигерманских карикатур.

Глава 8 посвящена антивоенной пропаганде, которая до сих пор упоминалась только в общих исследованиях пацифистских и революционных движений. Хотя затягивающаяся война усиливала стремление людей к миру, Демм подчеркивает, что эти настроения, как правило, имели мало шансов на организацию и публичные выступления. Антивоенные активисты «были в безнадежном меньшинстве, а их деятельность в пользу мира либо постоянно пресекалась, либо решительно подавлялась властями» (р. 159). Тем не менее они обращали на себя большое внимание как обществ, так и армий, их образы (например, К. Либкнехта) использовались в военной пропаганде в качестве «внутренней угрозы».

Глава 9 посвящена реакции обществ на цензуру и пропаганду. В первой части описаны всевозможные и часто успешные методы обхода цензуры как в печати, так и в частной переписке. Вторая часть главы посвящена реакции на пропаганду, анализируются публичные оценки ее эффективности, уместности, морально-этических аспектов. В этом отношении Демм соглашается с Э. Юнгером, отмечавшим, что каждый «пережил собственную войну» (р. 190). В этом смысле оценка эффективности пропаганды и цензуры – дело весьма сложное и во многом зависит от взглядов самого исследователя.

Глава 10 содержит несколько избранных примеров влияния на современность цензурных и пропагандистских практик времен Первой мировой войны. Их значимость действительно трудно переоценить как в теоретико-методологическом отношении, так и в практическом применении. Влияя на устроения миллионов людей, цензура и пропаганда стали неотъемлемой частью вооруженных конфликтов в XX в., а в современности – и общественной жизни в мирное время.

В главах 11 и 12 представлены диаграммы, разъясняющие организационную структуру цензуры и пропаганды в воюющих странах 1914–1918 гг., а также иллюстративный материал (плакаты, карикатуры, живопись, фотографии). Вновь обращает на себя внимание характеристика цензуры в России. Из диаграммы Демма выходит, что военная цензура находилась под управлением Ставки, хотя на самом деле – Главного управления Генерального штаба. Неясно, на каком основании автор отмечает, что военная цензура «практически отменена» с конца 1916 г. Вероятно, на основе тех же (ошибочных) сведений о пропуске цензорами речи Милюкова 1 ноября 1916 г. Неверно и утверждение, что цензура политических материалов введена в 1916 г., на деле – фактически с первых дней войны [Богомолов, 2019, с. 186–188]. Отметим также отсутствие российских пропагандистских материалов, представлен только германский плакат, предназначенный для русских войск (р. 234).

В целом рецензируемая монография оставляет впечатление интересного и информативного труда, аккумулировавшего многочисленные факты из истории цензуры и пропаганды в годы Первой мировой войны. Однако уместить их в одной, причем не самой большой книге – задача изначально весьма сложная. Энциклопедичность книги – безусловное преимущество, но в таких случаях практически неизбежны

перекосы, неточности и излишняя калейдоскопичность. Изучение как пропаганды, так и цензуры в воюющих странах 1914–1918 гг. достойно отдельных больших работ. Тем не менее именно энциклопедичность книги и смелая попытка сравнительного исследования делают автору честь. Обращающаяся к фундаментальным культурно-историческим сюжетам Первой мировой войны, рецензируемая монография, безусловно, еще не раз обратит на себя внимание историков, культурологов и социологов.

Список литературы

- Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
- Богомолов И.К.* Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // Цензура в России : история и современность. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2019. – С. 178–196.
- Бернейс Э.* Пропаганда. – Москва : Hippo Publishing LTD, 2010. – 176 с.
- Лассуэлл Г.Д.* Техника пропаганды в мировой войне. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – 237 с.
- Липпман У.* Общественное мнение. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
- Beckett I.F.W.* The Home Front, 1914–1918: How Britain Survived the Great War. – London : The National Archives, 2006. – 224 p.
- Demm E.* Der Erste Weltkrieg in der internationalen Karikatur. – Hannover : Fackelträger, 1988. – 200 S.
- Demm E.* Ostpolitik und Propaganda im Ersten Weltkrieg. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2002. – 422 S.
- Monger D.* Patriotism and Propaganda in First World War Britain: The National War Aims Committee and Civilian Morale. – Liverpool : Liverpool University press, 2012. – 310 p.
- Ponsonby A.* Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War. – London : Garland Publishing Company, 1928. – 192 p.
- Smith Z.* Age of Fear: Othering and American Identity during World War I. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2019. – 248 p.
- Welch D.* Germany and Propaganda in World War I : Pacifism, Mobilization and Total War. – London : IB Tauris, 2014. – 372 p.
- World War I and Propaganda / Ed. by T.R.E. Paddock. – Leiden : Brill Academic Publishing, 2014. – 360 p.

References

Aksenov, V.B. *Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 992 p. (In Russ.).

Bogomolov, I.K. *Cenzura pečati v Moskve v gody Pervoj mirovoj vojny* [Press censorship in Moscow during World War I]. In *Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Saint Petersburg, Rossijskaya nacional'naya biblioteka Publ., 2019, pp. 178–196. (In Russ.).

Bernejs, E. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing LTD., 2010. 176 p. (In Russ.).

Lassuell, G.D. *Tekhnika propagandy v mirovoj vojne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow, INION RAN, 2021. 237 p. (In Russ.).

Lippman, U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» Publ., 2004. 384 p. (In Russ.).

Beckett, I.F.W. *The Home Front, 1914–1918: How Britain Survived the Great War*. London, The National Archives Publ., 2006. 224 p.

Demm, E. *Der Erste Weltkrieg in der internationalen Karikatur*. Hannover, Fackelträger Publ., 1988. 200 S. (In Germ.).

Demm, E. *Ostpolitik und Propaganda im Ersten Weltkrieg*. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2002. 422 S. (In Germ.).

Monger, D. *Patriotism and Propaganda in First World War Britain: The National War Aims Committee and Civilian Morale*. Liverpool, Liverpool University Press Publ., 2012. – 310 p.

Ponsonby, A. *Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War*. London, Garland Publishing Company, 1928. 192 p.

Smith, Z. *Age of Fear: Othering and American Identity during World War I*. Baltimore, Johns Hopkins University Press Publ., 2019. 248 p.

Welch, D. *Germany and Propaganda in World War I: Pacifism, Mobilization and Total War*. London, IB Tauris Publ., 2014. 372 p.

Ed. by T.R.E. Paddock. *World War I and Propaganda*. Leiden, Brill Academic Publishing, 2014. 360 p.

УДК 001.18; 167.3

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.08

Сурнина Н.М.*©

Культура – пространство одухотворения науки

Рецензия на книгу:

Шапошникова Л.В. (академик). Философия космической реальности. – Москва : Международный Центр Рерихов, 2021. – 268 с.

Поступила: 28.06.2022

Принята к печати: 25.07.2022

Surnina N.M.

Culture is the space of spiritualization of science

Book review:

Shaposhnikova L.V. (Academician) “Philosophy of cosmic reality”. – Moscow : Mezhdunarodny Tsentr Roerichov, 2021. – 268 p.

Received: 28.06.2022

Accepted: 25.07.2022

©*. Сурнина Надежда Матвеевна – доктор экономических наук, профессор Научно-образовательного центра Института компьютерных технологий управления и информационной безопасности, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: decane@usue.ru

Surnina Nadezhda Matveevna – DSc in Economic Sciences, Professor, Scientific and Educational Center of the Institute of Computer Technologies of Management and Information Security, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, e-mail: decane@usue.ru

Для цитирования: Сурнина Н.М. Культура – пространство одухотворения науки // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 123–133. – Рецензия на книгу: Шапошникова Л.В. (академик). Философия космической реальности. – Москва : Международный Центр Рерихов, 2021. – 268 с. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.08

*Культура – то поле, где человек становится человеком.
Л.В. Шапошникова*

Уникальный научный труд «Философия космической реальности» Л.В. Шапошниковой, выдающегося российского ученого, историка культуры, востоковеда, академика РАЕН и РАКЦ, путешественника, общественного и культурного деятеля, крупнейшего рериховеда, вышел в свет в 2022 г. отдельным изданием на двух языках, русском и английском. Потребность в обновлении научной методологии обусловлена, на наш взгляд, усложнением и расслоением социального пространства, увеличением его масштабности до глобального, и даже космического; ускорением социально-экономических процессов, носящих разрушительный характер на рубеже веков; поиском инструментария долгосрочного целеполагания, решения междисциплинарных проблем, вызванных кризисом «цивилизации праздности», дегуманизацией культуросферы.

В противовес отмеченным явлениям современности, почти столетие назад в российском пространстве культуры на рубеже XIX–XX вв. ярко высветились идеи космического мироощущения, рождающие новые культурные смыслы. Л.В. Шапошникова осмысливает этот процесс заново, в том числе с точки зрения философских положений Живой Этики – философского учения, созданного в первой половине XX в. Еленой Ивановной Рерих, философом, писателем, переводчиком, супругой знаменитого русского художника и мыслителя Н.К. Рериха. Спектр новых подходов к выявлению познавательного и когнитивного потенциала Живой Этики, развития на основе ее парадигм методологии науки активно обсуждался исследователями, в частности, в рамках Восьмого Российского философского конгресса [Дьяченко, 2020; Лавренова, 2020 а; Лавренова, 2020 б]. Ряд положений

вышедшей книги Л.В. Шапошниковой обладает особой новизной постановки. Это:

1. Распознавание и идентификация в истории России в конце XIX – нач. XX в. двух одновременно протекающих, но еще не вполне осознанных исторических процессов – Духовной революции, включающей и научную, и революции социальной, имевших различные основы, причины, источники, культурные основания, цели, проявления и потенциал. «Мировоззренческой платформой социальной русской революции являлось социологическое мироощущение XIX века, в основе которого лежала социально-экономическая доктрина крупнейшего ученого Германии Карла Маркса. Эта доктрина и стала фундаментом идеологии русской социальной революции, идеологии, получившей название марксизма-ленинизма. Если диапазон действия социальной революции ограничивался земными рамками, то Духовная революция простирала свои крылья в Космос, взаимодействуя с ним и связывая воедино земное и небесное. Она заложила основы космической переориентации важнейших форм познания, таких как философия, наука, искусство» (с. 8¹). «...Научная революция XX века была неотъемлемой частью Духовной революции, в которой были тесно переплетены ее составляющие – философия космического мироощущения, научные достижения, нахождение религиозной и гностической мысли и озарения поэзии и искусства» (с. 20).

2. Одухотворение Космоса, признание *существования инобытийности*, придают смысл бытию, обосновывают необходимость связи макро- и микрокосмов, Творца и человека, возвращают в научное пространство духовный опыт и мироощущение мыслителей-космистов, и особенно представителей русского космизма, изгнанного и запрещенного, скрытого и на долгое время забытого.

3. Сравнительный *исторический анализ способов познания* в гносеологии XX в., развившихся из одного источника универсальной системы познания, характерной для мифологического сознания (с. 8), в том числе научного, основанного на эксперименте (с. 9), и сверхнаучного, включающего информацию, приходящую из пространства мате-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, цитаты приводятся по: Шапошникова Л.В. *Философия космической реальности*. – Москва : Международный Центр Рерихов, 2021. – 268 с.

рии иных состояний и измерений (с. 10). Возможность одухотворения науки путем *включения информационного потока метанауки*, исторически первично проявляющегося в сфере культуры и искусства, *формирования расширенной системы методов познания* на основе синтеза новых явлений в привычную картину мира, развитие адекватных современности методологических основ естественных, гуманитарных, общественных наук, сферы культуры и образования.

Подвижнический научный труд, глубокая мыслительная и широчайшая фактологическая работа, опора на положения философского учения Живой Этики и современные перспективные подходы научного синтеза (генетический, циклический, каузальный, системный, синергетический, историографический и др.) позволили автору «Философии космической реальности» оперировать большими отрезками времени, метамасштабами, рассмотреть циклы истории в их непрерывности, включить мифологические знания разных континентов, искусства и науки, ввести в научный оборот малоизвестные биографические факты ученых, мыслителей, деятелей искусства и религиозных подвижников, чье творчество было связано с информационным метаровнем.

В исторически обозримом научно-культурном пространстве, как показала в своей книге Л.В. Шапошникова, развивались идеи мыслителей, чье творчество выводило сознание человечества за пределы Земли, с древних времен до начала XXI в. – Андрей Рублев, Якоб Бёме, Н.И. Лобачевский, Тейяр де Шарден, Г. Минковский, А. Эйнштейн так или иначе приводили в парадигму научного метода познания мира более высоких измерений, реальность духа. Различая основания двух революционных процессов, социального и духовного, широко опираясь на исследование профетичности культурного поля, автор «Философии космической реальности» показывает острую эволюционную необходимость изменения научной парадигмы в начале XX в. Исторически обусловленным является то, что плеяда мыслителей, названных впоследствии космистами, обладающих способностью к синтетическому мышлению, появилась именно в России – Вл. С. Соловьёв, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин. Можно сказать, что их духовные искания были направлены в Высшие миры и приносили человечеству искру нового знания и миропонима-

ния. Особое и самое непосредственное отношение к созданию новой системы познания, подчеркивает Л.В. Шапошникова, имела мыслительская, энергоинформационная, художественная, культурная, миротворческая и общественная деятельность семьи Рерихов, принесшей миру синтез высших этических воззрений Запада и Востока для Новой России – философское учение Живой Этики как «гносеологический каркас» новой философии космической реальности (с. 10–28).

С позиций целей научного поиска, ярко и глубоко представив картину идей каждого из носителей космического мышления, Л.В. Шапошникова сама проявилась как философ-космист в ХХI в. С точки зрения космического мировоззрения мироздание «представляет собой грандиозную энергетическую систему, в которой происходит интенсивный энергоинформационный обмен между составляющими ее структурами материи различных состояний и измерений. Человек является сам подобной структурой» (с. 28).

Следуя за мыслью Л.В. Шапошниковой по пути поиска новой научной парадигмы, можно прийти к осознанию необходимости перехода от стереотипных понятий «человека разумного», творящего, «играющего», человека ницшеанского, фрейдистского, марксистского, «рабочей силы», «трудового ресурса», «персонала», «человеческого капитала» к человеку, самоосознающему свою эволюцию, человеку космическому, духовному. Отмечается, что «*Осознание роли человека в Космосе как носителя духа* (курсив мой. – Н. С.) свидетельствует о совершенно новой парадигме и новых подходах к исследованию человека как такового. Отрицание двойственности внутреннего мира человека, превращение духа в «невещественное начало» и вытекающая отсюда утрата реальности космического человека – все это привело ко многим крупным бедам в социальной и культурной жизни переломного ХХ века» (с. 51), и, как мы видим, ХХI в. тоже.

Обобщив взгляды космистов и назвав формирующуюся картину мира «философией космической реальности», Л.В. Шапошникова органично на основе учения Живой Этики указывает на предпосылки для слияния исторически проявленных, но разошедшихся во времени, способов познания – художественного, религиозного и научного (с. 83–89). Новая система познания базируется на синтезе трех культурно-исторических видов мышления, потоков творчества:

1. Одухотворенной «двукрылой» науки, которая развивается на основе эмпирических наблюдений (творчества интеллекта), и сигналов-озарений, вдохновений, поступающих из сфер, находящихся за пределами интеллекта («творчества души») (с. 33–36).

2. Профетичного искусства: «Через подлинное искусство, живущее по законам Красоты, энергетика Высших миров в процессе энергообмена вливается в плотные формы земного мира. Произведения истинного искусства одаривают созерцающего их энергией огня, которая делает его дух высоким, а сознание – расширенным» (с. 50).

3. Религии как связи с Высшим Началом: «“Религаре” дано человечеству в виде религии – на объединение, на развитие общины, на признание существующего Начала, содержащего все принципы Бытия и созидającego все сущности нашего Блага» [Беспредельность, 2009, с. 33–34].

Обозначим важнейшие положения философии космической реальности в аспекте обновления методологии науки.

Во-первых, важно, что концепт плотной материи заменяется на целостную парадигму духо-материи, в которой определяющим является именно духовный импульс: «Энергия духа одухотворяет материю, являясь особым видом тонкой материи, обладающим высоковибрационной энергетикой. И как любая материя, дух обладает способностью к эволюции и создает на основе двойственности то явление отнесенности, которое заполняет Космос бесчисленным количеством различных состояний материи» (с. 35).

Во-вторых, понятие Космоса как вместилища ресурсов заменяется на одухотворенный живой Космос, организменную, холистичную, самоорганизующуюся и самотворящую на принципах гармонии и красоты систему. «Мироздание есть целостная энергетическая система, состоящая из различных энергетических структур, включая человека, которые взаимодействуют между собой в грандиозном энергоинформационном обмене. Последний является одной из движущих сил космической эволюции» (с. 39).

В-третьих, человек представлен как беспредельно существующая, неисчезающая в своей высшей энергетической структуре сущность, как подобная и неотделимая от Космоса пространственная сложная система, несущая в себе все признаки и потенциальность высшей Системы – одухотворенного космоса. В том числе и энергия

творчества человека является аналогом Реальности более высокого порядка и связана с Ней множеством осознанных и неосознанных связей. Также по-новому определяется роль человека в эволюционном процессе как участвующего в одухотворении жизни, раскрытии своей одухотворенной творческой природы в бесконечно большом времени, в сопричастности к величественному и прекрасному Со-Творчеству: «...человек, осознавший себя, в состоянии понять свою двойственность, в которой заключены не только дух и материя, но и небесное и земное, мир плотный и мир тонкий, мир эволюции и мир инволюции, мир Высший и мир низший. В данном случае именно он, человек, – *главный инструмент эволюции* (курсив мой. – Н. С.), без которого и невозможен эволюционный процесс одухотворения материи, переход ее из одного состояния в другое, более высокое, достижение миров более высокого измерения (с. 34).

В-четвертых, раскрывается взаимодействие, связность Систем: существуют ритмы согласования потоков творческих процессов – Космоса и человека через импульсы энергоинформационного обмена, в том числе реализующихся на Земле в пространстве культуры. Законы, обусловившие исчезновение и передачу информации, накопленной в ходе земного творчества человеком в его духе, объясняют каузальность формирования его жизни в материальном мире. Л.В. Шапошникова, развивая в своем труде положения философского учения Живой Этики, тем самым возвращает нас в лоно Космической родины, указывая на цель и избавляя от бессмысленности существования. «Космический Магнит энергетически обеспечивает духовное существование человечества или, иными словами, является важнейшей энергетической структурой, которую можно назвать источником энергии человеческого духа, действующей в системе Великого закона двойственности» (с. 44). «Великие законы, как закон цикличности развития Космоса, закон гармонии, закон космического восхождения, закон причинно-следственных связей и ряд других, обуславливают энергетические особенности развития Космоса и закономерности его эволюции» (с. 46).

В-пятых, в книге Л.В. Шапошниковой обосновывается положение о том, что сфера культуры является проявлением, причиной и необходимым условием эволюции всей системы человека как индивидуальности и его сообществ. Применяя подходы синергетики,

Л.В. Шапошникова показывает необходимость синтеза и гармонизации целей культуры и цивилизации с приоритетом первой: *«Культура, в отличие от цивилизации, является самоорганизующейся системой духа, действующей согласно уровню и качеству энергетики этого духа. Иными словами, самоорганизация духа есть форма существования Культуры. <...> энергообмен складывает или превращает дух в систему Культуры»* (с. 73). Именно поэтому, вслед за Н.К. Рерихом Л.В. Шапошникова пишет это слово с заглавной буквы. Объекты культурного наследия (материальные и нематериальные) являются результатом взаимодействия человечества и Высшего мира, поэтому несут в себе энергетику высших миров, необходимую для эволюционного развития человечества, и образцы высшего творчества. «Творчество роднит земного человека с Богом-Творцом и указывает ему тем самым эволюционный путь в звездных пространствах Космоса. Именно творчество как явление Культуры в самом его широком смысле дает возможность сотрудничества с высокой космической Иерархией. Энергетически усиленное «языком сердца», оно рождает для человека-творца возможность прорыва в неизведанное, в Беспредельность» (с. 75).

В-шестых, в книге поясняется механизм прорывов в расширении сознания и процесс познания. Энерго-информационный обмен происходит через живое взаимодействие конкретных людей созвучной энергетикой по принципу: Высшее ведет низшее. Поэтому очень важное место во всех культурах, прежде всего в восточных, занимает связь «Учитель – ученик», как принцип и система познания. Л.В. Шапошникова указывает этот единственный путь к Знаниям высшего порядка (с. 42).

В-седьмых, Л.В. Шапошникова анализирует тексты Живой Этики и на их основе формулирует основные принципы Бытия духовного Космоса – Космические законы. Она поясняет, что бурно развивающаяся цифровая форма представления знаний нечеловекомерна, не может полностью заменить энергетику взаимодействия «аналоговых» систем – одухотворенного Космоса и человека, наделенных вселенским, космическим языком – свето-цвето-звукообразов Красоты, результатов вдохновенного Творчества – произведений науки, искусства и культуры. Цифровая форма представления знаний имеет обслуживающую функцию в создании и сохранении информации, несет

в себе риски коммерциализации и возникновения заменителей – суррогатов красоты, масскультуры и в конечном итоге может привести к расчеловечиванию: «Дух, как сказано в Живой Этике, есть энергия... Состояние материи, в конечном счете, обуславливается уровнем вибраций энергии, связанной с данным видом материи. И дух, и материя составляют единое целое, которое Живая Этика называет духоматерией» (с. 34). «...Мост человеческой связи с мирами иного состояния материи и с параллельными вселенными выстроен из духа, энергией которого держатся все космические тела» (с. 37).

В-восьмых, в книге раскрывается эволюция человека, которая связана с его непрерывным бесконечным духовным восхождением, преображением в пространстве культуры. Такое преображение обусловлено личным этическим развитием, связью со сферой культурных образцов высшего порядка – культурных героев, носителей идей, принципов и творчества, созвучных с законами Космоса. Л.В. Шапошникова формулирует смысл и ценность человеческого бытия: «Путь от объекта к субъекту эволюции – это путь совершенствования человека, завершающийся включением его в цепь космической Иерархии, без духовного творчества которой была бы невозможна эволюция ни Космоса, ни человечества» (с. 42).

В-девярых, по мысли автора, именно в пространстве *Культуры* происходит проявление и защита человеческого в человеке от давления и захвата его сознания моделями нечеловекомерной цивилизации. Особенно это важно для приходящих поколений, детей, обладающих новыми расширенными проявлениями сознания. Развивающаяся педагогика *Культуры* – практическая деятельность, направленная на создание возможностей осознания и развития у детей естественной связи с космической реальностью. «...Нравственные, этические основы обеспечивают человеку контакт с Космосом. Этика базируется на культурном пространстве. Рерихи и их Учителя считали, что *Культура* является одним из устоев космической эволюции человечества. *Культура – то поле, где человек становится человеком* (курсив мой. – Н. С.). Когда оно рушится, об эволюции не может быть и речи» [Воин Света ..., 2021, с. 354–355]. Красота – необоримая сила высшего преображения, духовного утончения человека и человечества. «Великий закон духовного преображения через Красоту связывает земное творчество с мирами более высоких состояний материи; его действие – образец слож-

нейшего энергоинформационного обмена на вертикали «земное – надземное» (с. 48). «Все космические веления соответствуют Красоте, все проявленные формы несут в себе ее энергетику. Красота, заключая в себе гармонию энергетики, превращает хаос в Космос на всех уровнях, начиная от миров различных состояний материи и кончая духом человека, которого она одаривает способностью создавать самое главное в его жизни – Культуру, существование которой без Красоты невозможно» (с. 49). «Новая Красота, возникающая в пространстве продолжающейся Духовной революции, есть условие дальнейшего продвижения человечества, его взлета, его подъема из бездны кризисов и преодоления хаоса...» (с. 108).

В заключение еще раз подчеркнем, что книга Л.В. Шапошниковой «Философия космической реальности» предлагает современному миру основанный на российском культурно-историческом фундаменте космизма глубочайший, научно обоснованный источник обновления общей парадигмы миропонимания и парадигмы гуманитарных наук, методологии познания культурологических и культурфилософских исследований, основу обновления образования и практики общественной жизни.

Список литературы

- Беспредельность. Ч. 1. Учение Живой Этики. – Москва : МЦР, 2009. – 472 с.
- Воин Света : к 95-летию со дня рождения Л.В. Шапошниковой. – Москва : МЦР : МСРО им. С.Н. Рериха, 2021. – 632 с.
- Дьяченко И.Ю. Познавательный потенциал Живой Этики // Круглый стол ««Живая Этика» в пространстве философии и науки». Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире» : сб. науч. ст. – Москва : РФО : ИФРАН : МГУ : Изд-во “Логос”, 2020. – С. 1166–1168.
- Лавренова О.А. Философское наследие Рерихов и новые горизонты научного познания // Круглый стол ««Живая Этика» в пространстве философии и науки». Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире» : сб. науч. ст. – Москва : РФО : ИФРАН : МГУ : Логос, 2020 а. – С. 1146–1148.
- Лавренова О.А. Философско-этическое Учение Живая Этика: текст в культуре // Вестник культурологии. – Москва : ИНИОН РАН, 2020 б. – № 3(94). – С. 150–164.
- Шапошникова Л.В. Философия космической реальности. – Москва : Международный Центр Рерихов, 2021. – 268 с.

References

Bespredel'nost'. Ch. 1. Uchenie Zhivoj Etiki [Infinity. Part 1. The Teaching of Living Ethics]. Moscow, MCR Publ., 2009. – 472 p. (In Russ.)

Voin Sveta: k 95-letiyu so dnya rozhdeniya L.V. Shaposhnikovoj [Warrior of Light: to the 95 th anniversary of the birth of L.V. Shaposhnikova]. Moscow, MCR, MSRO im. S.N. Rerih Publ., 2021. – 632 p. (In Russ.)

D'yachenko, I. Yu. Poznavatel'nyj potencial Zhivoj Etiki [Cognitive potential of Living Ethics]. In *Kruglyj stol ««Zhivaya Etika» v prostranstve filosofii i nauki». Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress «Filosofiya v policentrichnom mire». Sb. nauch. st.* [Round table ""Living Ethics" in the space of philosophy and science". The Eighth Russian Philosophical Congress "Philosophy in a polycentric world". Collection of scientific articles]. Moscow, RFO, IFRAN, MGU, Izd-vo "Logos" Publ., 2020, pp. 1166–1168. (In Russ.)

Lavrenova, O.A. Filosofskoe nasledie Rerihov i novye gorizonty nauchnogo poznaniya [The philosophical heritage of the Roerichs and new horizons of scientific knowledge]. In *Kruglyj stol ««Zhivaya Etika» v prostranstve filosofii i nauki». Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress «Filosofiya v policentrichnom mire». Sb. nauch. st.* [Round table ""Living Ethics" in the space of philosophy and science". The Eighth Russian Philosophical Congress "Philosophy in a polycentric world". Collection of scientific articles]. Moscow, RFO, IFRAN, MGU, Izd-vo "Logos" Publ., 2020 a, pp. 1146–1148. (In Russ.)

Lavrenova, O.A. Filosofsko-eticheskoe Uchenie Zhivaya Etika: tekst v kul'ture [Philosophical and Ethical Teaching Living Ethics: text in culture]. In *Vestnik kul'turologii*, no. 3 (94), Moskva, INION RAN Publ. 2020 b, pp. 150–164. (In Russ.)

Shaposhnikova, L.V. *Filosofiya kosmicheskoy real'nosti* [Philosophy of cosmic reality]. Moscow, Mezhdunarodnyj Centr Rerihov Publ., 2021. – 268 p. (In Russ.)

Юрченко Т.Г.*

Между историей и памятью: реставрация как третий дискурс.

Рецензия на книгу:

Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. –

Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 520 с.

Получена: 29.07.2022

Принята к печати: 20.08.2022

Yurchenko Tatyana G.

Between History and Memory: Restoration as a Third Discourse.

Book review:

Sandomirskaya I. Past discontinuous: fragmenty restavracii [Fragments of Restoration]. – Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Publ.,

2022. – 520 p.

Received: 29.07.2022

Accepted: 20.08.2022

Для цитирования: Юрченко Т.Г. Между историей и памятью: реставрация как третий дискурс // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 134–142. – Рецензия на книгу: Сандомирская И. Past

* ***Юрченко Татьяна Генриховна*** – старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: yurchenko2003@mail.ru

Yurchenko Tatyana G. – Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: yurchenko2003@mail.ru.

discontinuous: фрагменты реставрации. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 520 с.
DOI: 10.31249/noc/2022.04.09

Монография Ирины Ильиничны Сандомирской – кандидата филологических наук, лингвиста, профессора университета Сёдертёрна (Швеция), специалиста по советской культуре, лауреата премии Андрея Белого (2013), – исследование отношения к памятникам истории и культуры как материальным носителям времени и коллективного опыта в контексте XX в., особенно советского. Книга задумана как завершение серии работ о советском человеке, куда входит монография «Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик» (2001)¹ – о дискурсах коллективной принадлежности, где, подчеркивая различие между денотативным и сигнификативным значениями слова, когда второе не отражает мир, но конструирует его в акте сигнификации, т.е. создает смыслы², И. Сандомирская размышляла о символическом пространстве советской Родины. Другой аспект проблемы – проявленная в слове советская субъективность – разрабатывается в книге «Блокада в слове. Очерки критической теории и биополитики языка» (2012)³, где описываются писательские и читательские стратегии в эпоху сталинизма и анализируется соотношение советской интеллектуальной традиции с современным ей европейским теоретическим контекстом.

В новом исследовании проблематизируется патримониум – курсы и памятники национального наследия, а также связанные с ним практики, и прежде всего – реставрация как третий, наряду с памятью и историей, дискурс существования прошлого в настоящем, где связь

¹ Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001. – 281 S. – (Wiener Slawistischer Almanach ; Sonderband 50).

² «Это, по-существу, различие между словом в платоновском понимании и словом “риторическим”, – пишет И. Сандомирская. – “Платоновское” слово возникает из отношения истинности между наименованием и вещью (или именем и идеей). “Риторическое” слово существует как запечатленная интенция, как след дискурсивной практики» // Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001. – S. 36. – (Wiener Slawistischer Almanach; Sonderband 50).

³ Сандомирская И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 421 с.

времен воплощена в присутствии вещи, полагаемой аутентичной. Реставрация рассматривается как феномен, «в котором складываются принципы общественного производства прошлого в обществе современности, передачи от поколения к поколению и критерии оценки, в результате которого прошлое попадает в распоряжение постсовременности в форме культурного наследия, т.е. символического капитала, как объект для инвестиций желания в общем экономическом порядке “когнитивного капитализма”» (с. 11).

Современность, отмечает И. Сандомирская, – время ретропии, утопической ориентации на прошлое. В этих условиях логика реставрации в широком смысле как обновления прошлого представляется более чем актуальной. Реставрация проявляет себя повсюду, обслуживая идею коллективной принадлежности к постоянно приспособляемому к сегодняшнему дню прошлому.

Если история, пишет исследовательница, «строит целостную и непротиворечивую картину прошлого, а память неустанно генерирует его, прошлого, миф, реставрация отчасти вбирает в себя и то и другое, но при этом отталкивается как от умозрительности истории, так и от сновидческих ландшафтов памяти. Критический потенциал реставрации связан с ее *modus operandi*, с той формой практического знания и опыта, которая диктуется состоянием каждой конкретной вещи, с исторической конкретностью именно ее, этой вещи, материальности и с конкретностью ее существования в мире ценностей, в том числе ее рыночной стоимости и идеологической значимости как символа идентичности» (с. 10–11). Поскольку подлинность практически недостижима, но и фальсификация этически недопустима, реставрация, считает И. Сандомирская, – искусство нецелостности и фрагментарности, а реставратор – художник анахронизма.

История состоит из утрат, которые никакой компенсации не подлежат. Игра слов в названии книги – *Past discontinuous*, и выражает эту идею прошлого, окончательно и бесповоротно утратившего всякую связь с настоящим, прошлого как невозполнимой утраты. Цель реставрации – компенсация утрат, компенсация даже пустотой (когда отсутствие утраченных фрагментов лишь обозначено); в этом смысле реставрация – антагонист истории. Реставрация являет собой структуру изменений, основанную «на итерации, т.е. на фрактальном воспроизведении повторов, каждый из которых за свой исходный пункт бе-

рет повтор, ставший продуктом предыдущего. Из итеративного наращивания повторений то-же-самое выходит как нечто-иное... По мере утраты изображения его дополняют по аналогии отсебятиной до более или менее целого; по мере утраты прочности форсируют конструкцию; по мере утраты функции находят новое применение и пр.» (с. 18). Продукт реставрации таким образом становится «умноженной во времени несамοидентичностью» (там же).

Интересен лингвистический экскурс по поводу слов «наследие» и «наследство». Относясь к пережиткам прошлого, слово «наследие», указывает И. Сандомирская, получило в большевистской России отрицательные коннотации. Прошлое как «наследие» запретили, однако оно пригοдилось в качестве «наследства». Здесь – и необходимость для пролетарских писателей «учебы у классиков», и тома «Литературного наследства», начавшие выходить в 1931 г. по инициативе И.С. Зильберштейна. Слово «наследие» стало широко входить в обиход лишь с появлением советского Фонда культуры, основавшего в 1988 г. журнал «Наше наследие». Наследие – «слово высокого штиля и высокого нравственного звучания: если наследство принадлежит мне, то наследию принадлежу я сам, со всей своей идентичностью и нравственностью» (с. 142).

Судьба слов «наследие» и «наследство» связана с переводом термина К. Маркса Wert для построения политэкономии социализма. В желании дописать Маркса после ожесточенных споров между словами «ценность» и «стоимость» выбрали второе. «По существу, – пишет И. Сандомирская, – проблема заключалась не в предпочтении слова, а в невозможности создать теорию ценообразования в анализе социалистического общества, в котором был практически отменен закон стоимости и запрещены – или игнорировались в реальности – рыночные отношения, конкуренция и образование цен в зависимости от спроса» (с. 202). С точки зрения значения слов стоимость – это затрата одного для получения другого, ценность – это важность и значимость. Поэтому для марксистов-ленинцев ценность как не связанная с производством, не имела объективного обоснования и относилась к надстройке, к идеологии со своими фетишами. Наследство имеет стоимость, наследие обладает ценностью.

Рассматривая существующие стратегии реставрационной практики в современном мире, И. Сандомирская замечает, что, если повсе-

местно утверждается консервация, в России эта практика по-прежнему называется реставрацией или (чтобы отличать себя от коммерческой, ненаучной реставрации) реставрацией-консервацией. Консервация и реставрация антиномичны по отношению друг к другу. В то время как консервация «всегда основывалась на критериях исторической истинности вещей и интерпретировала вещь как исторический документ», реставрация (включая «советскую школу реставрации») «традиционно апеллировала к эстетической, художественной ценности» (с. 27). Установка на художественность в отечественной традиции объясняется, во-первых, тем, что реставрационная практика зародилась в среде художников Серебряного века, сохранив и после революции модернистскую эстетику, а во-вторых, опасным положением истории и историков при большевиках и сталинском режиме, когда «апелляция к красоте произведения искусства стала аргументом, который мог защитить от уничтожения вещь с опасным историческим прошлым» (там же).

Противоречия между историческим и эстетическим подходами обозначились, напоминает исследовательница, еще во времена Великой французской революции и вскоре после нее, когда идее восстановления из руин в «первоначальном состоянии» ради цельности впечатления был противопоставлен подход, согласно которому «первоначальным состоянием» считалась сама руина в том виде, как была обнаружена, а носителем исторической ценности – материальность сохранившихся фрагментов. Отголоском этих споров в наше время, считает И. Сандомирская, стала обсуждаемая в музейных кругах при организации выставочного пространства оппозиция «дискурсивности» (толкование) и «иммерсивности» (непосредственный контакт с вещами, создающий смысл).

Вещь в руках реставратора – это вещь в своей материальности, но в то же время – носитель смысла и контента, «тело “дискурса и жеста”» (с. 82). Как материальный объект она принадлежит своему времени, как объект интерпретации – времени обнаружения и придания вещи статуса памятника. Промежуток между – протяженность бесконечных изменений под действием времени и от рук человека. Это напластование слоев прошлого – та реальность, с которой имеет дело реставратор. И именно поэтому реставрация отрицает идею гомогенной идентичности. Современная научная практика реставрации подра-

зумекает, что исторически подлинным является не мифический «первоначальный облик», «но собственно исторический опыт, воплощенный в самой вещи как *work in progress*, в которой равные права на истинность имеют следы любых пережитых вещей на своем веку вмешательства» (с. 441).

Хотя компромисс между реставрацией и консервацией недостижим, очевидно, что ни то ни другое в чистом виде нереализуемо. Общее же, что объединяет реставратора и консерватора, – это отрицание копирования, факсимиле, «создания подобий прошлого, которые сопровождаются риторикой возрождения и возвращения» (с. 33). Но именно эта масскультурная интенция «апроприации прошлого в его символах и “макетах”, потребление объектов, заведомо фальшивых и с точки зрения консервации, и с точки зрения реставрации, но никак ни фальшивых с точки зрения массовой мемориальной культуры» (с. 35), выдвигается в последнее время на первый план и связано с возможностью извлечения прибыли из присвоенного прошлого. Характерный пример такого факсимиле – воссоздание храма Христа Спасителя в Москве.

Стирание границ между подлинником и копией, когда на смену концепции памятника как материального предмета приходит идея абстрактно-собирательного «наследия» как «обозначения комплекса коллективных патримониальных ритуалов и эмоций в обществе потребления» (с. 36) – характерный тренд сегодняшнего дня во всем мире. «Кульť наследия», по мнению И. Сандомирской, более демократичен, чем «кульť памятника», подразумеваются такие формы организации и самоорганизации, как туризм, экскурсии, движение любительских раскопок. Требования аутентичности и критерии художественности размываются: «они заменяются моральными нормами патриотической любви и служения Родине» (с. 37).

Превращение прошлого в кульť памятника начинается в Российской империи, как и во Франции, в 1830-е годы, напоминает исследовательница, когда возникает академическая наука, в задачи которой входит изучение и охрана памятников. Годом рождения современной музейной системы, как в мире, так и в России, считается 1918-й, когда решением Лиги Наций было организовано Международное бюро по делам музеев. Начавшееся общее движение исторической ревизии, переоценки прошлого и духовных ценностей в России проходило под

знаком реставрации. «Вторжение реставратора в старую материю с целью освободить скрытый в ней первоначальный смысл или исправить его, этого смысла, позднейшие “искажения”, превращается в аллегорию революционного вторжения в прошлое, как экспроприация и апроприация прошлого со стороны нового режима» (с. 245).

Реставрация в России связана в первую очередь с именем И. Грабаря, который работал с древнерусской иконописью методом «раскрытия» – удаления, расчистки всех поздних наслоений и приведения произведения в «первоначальное состояние» (каким оно представляется реставратору). Такой подход, по мнению И. Сандомирской, – это отказ от истории, воплощенной в длительности существования вещи, в последовательности преобразований ее смысла и облика. Расчистка сродни революции: предоставляя реставраторам свободу для эксперимента, она столь же необратимо отказывается от исторического прошлого. Такому эстетическому подходу противостоит основанный на исторических и критических принципах подход научной реставрации, отвергающей саму возможность идентичности новой конструкции оригиналу и осуждающей намерение восстановить «как было раньше» как популистское и ненаучное.

Однако реальность всегда богаче и сложнее теории, и полная чудовищных разрушений история XX в. расширяет критерии аутентичности. Воссозданный Екатерининский дворец, чьи парадные интерьеры полностью выгорели, «предстает перед нами аллегорией двусмысленности, которая заключена в самой идее коллективного компромисса с прошлым. Здесь полнота событий прошлого заменяется цельностью впечатления в настоящем. Отреставрированный до совершенства и продолжающий подвергаться дальнейшей реставрации, дворец заменяет собой нечто отсутствующее, но и знаменует это; знаменует, но и содержит в себе, в своем материальном составе» (с. 345). Екатерининский дворец обладает исторической ценностью и аутентичностью не как памятник определенной эпохи, «но как свидетельство послевоенной, постблокадной жажды цельности, энтузиазма голодного и бездомного, изуродованного и обездоленного войной коллективного субъекта, который обустривает коллективную память» (с. 350).

Реставрация, нацеленная на восстановление в полном объеме и первоначальном виде, ценой избирательного забвения способствует некоторому примирению с прошлым, считает исследовательница. Со-

ветская реставрационная практика «расчистки от всего чуждого» – в духе пафоса пролетарской революции разрушить до основания прежний «мир насилия» – «освобождала» от «искажений», т.е. «от накопленного в практике и заведомо нежелательного исторического опыта» (с. 380). Так познавший реальность Соловков Д.С. Лихачёв поддержал «цензурный запрет на соловецкую историю, соглашаясь участвовать в их, Соловков, частичной реабилитации в качестве “историко-культурного комплекса”» (с. 391).

Подводя итоги, исследовательница выделяет в советской практике реставрации четыре подхода. Во-первых, *реставрация-революция* методом «расчистки», уничтожающая целые исторические слои ради нового начала истории; противоположная ей по духу *реставрация-реституция*, на практике означающая факсимильное воссоздание, новодел, причем «восстанавливается не столько физический объект, сколько поправная высшая справедливость на высшем суде, перед лицом которого варварски разрушенный памятник выступает в качестве свидетеля-мученика» (с. 439). Третий тип – *реставрация-реабилитация*, компромисс между историей и репрессивным опытом, слой иносказаний, имеющих второе дно, например, образ старинного монастыря, где «лишь просвечивает, но не формулируется память о его недавнем прошлом в качестве места массовых казней» (там же). Наконец, *реставрация-рекреация* – «форма записи прошлого, в которой история полностью подавлена удовольствиями организованного духовного потребления... функциями просвещения, досуга и воспитания в гражданах любви к родине благодаря наслаждению ее, родины, культурными и природными ландшафтами» (с. 439). Реставрация в целом, декларируя защиту прошлого, на деле активно преобразует это прошлое, она «рассматривает прошлое как объект для своих манипуляций, при этом отличаясь остроактуальным интересом к современности с прямой нацеленностью на утопическое, телеологически заданное будущее» (с. 68).

Книга о реставрации написана не искусствоведом, но филологом. Это, как ни странно, имеет свою ценность. Свобода от специальных знаний позволяет взглянуть на реставрацию с новой, неожиданной стороны. Феномен реставрации осмыслен с общегуманитарной точки зрения, и важными моментами этого осмысления становятся отношения вещи и времени, подлинности и мнимости, старого и нового, ис-

тории и мифа. Ценность исследованию придает широкая опора на новейшие – отечественные и зарубежные – работы по изучению культурного наследия как коллективной памяти; к осмыслению проблемы привлекаются труды философов (М. Хайдеггер, Ж. Деррида, В. Бен-Ямин), историков искусства (А. Ригль, М. Кемп, Ч. Бранди), антропологов (А. Вайнер), художественные тексты (К. Вагинов, А. Франс, М. Пруст), кинематографические произведения (фильм «О любви», 1970, реж. М. Богин). Жаль, что все используемые источники не выделены в отдельный библиографический список, который лишь украсил бы монографию.

Это – не скучное научное исследование, но скорее собрание эссе или очерков, можно сказать – «фрагментов», каждый из которых имеет свой сюжет, хотя формально в книге наличествует Предисловие, две части (правда нумерация глав в издании – сплошная) и Эпилог. Именно самостоятельность этих предназначенных для медленного, вдумчивого чтения «фрагментов» приводит иногда к повторам мысли. Не всегда удачными выглядят и слишком образные выражения и замысловатые словосочетания в названиях глав (например, «жидкая память текучей модерности», «О химерических светильниках постисторической эпохи», «Об империализме в конституции культа памятника»), по которым не всегда можно догадаться, о чем будет идти речь. Эти мелочи, конечно, нисколько не умаляют значения книги, появившейся столь вовремя, когда реставрация, похоже, становится в России одной из главных «скреп», а будущее все более приобретает черты прошлого. Вскрывая механизмы реставрации, исследование высвечивает те смыслы, ориентация на которые помогает лучше понять современность.

Книга написана филологом, и только филолог мог усмотреть связь между реставрацией, которая «берет вещь в ее сделанности и многократной переделанности, в исторической реальности многочисленных актов записи и перезаписи ценности и смысла» (с. 446), и тем, чем занимался Виктор Шкловский, – проблемой сделанности вещи и ее способности быть бесконечно переделываемой (например, в акте пародии). Именно поэтому книгу завершает Приложение, посвященное Шкловскому.

ДИАЛОГ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУР

УДК 78.03

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.10

*Букреев В.А.**

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АМЕРИКИ В АСПЕКТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФЬЮЖН-СТИЛИСТИКИ®

Аннотация. Данная статья ставит перед собой цель показать пути интеграции современных музыкальных стилей, жанров, направлений в разных частях Американского континента. Автора статьи интересовали факторы, которые привели к сплаву, смешению, объединению культурных традиций народов, населявших Америку. На этой почве стали возникать и развиваться жанры, построенные также на принципах, присущих стилю фьюжн (*англ.* fusion – «сплав», «плавка», «смесь»), что определило динамику развития гибридных жанров в сфере академической и неакадемической музыки Северной и Южной Америки.

Ключевые слова: протестантский хорал; креольские песнопения; шотландский фольклор; ирландский фольклор; кантри-мьюзик; кей-куок; шоу менестрелей; регтайм; мара кату; гуарача; румба; конгадос; самба; тexas-томми; гризли-бэр; индейская музыка; афроамериканская музыка.

** Букреев Валерий Александрович – солист Государственного джазового оркестра имени О. Лундстрема, композитор, аранжировщик, лауреат премии ЮНЕСКО. Москва, Россия, e-mail: wbukreev@yandex.ru*

Bukreev Valery Aleksandrivich – Soloist of the O. Lundstrom State Jazz Orchestra, composer, arranger, UNESCO Prize Laureate. Moscow, Russia, e-mail: wbukreev@yandex.ru

© Букреев В.А., 2022

Поступила: 28.06.2022

Принята к печати: 20.08/2022

Bukreev V.A.

Musical culture of America in the aspect of fusion-style features

Abstract. This article aims to show the ways of integration of modern musical styles, genres, trends in different parts of the American Continent. The author of the article was mainly interested in what led to the fusion, mixing, unification, cultural traditions of the peoples who inhabited America. On this basis, genres began to arise and develop, built also on the principles inherent in the Fusion style (English fusion – “fusion”, “melting”, “mixture”), which determined the dynamics of the development of hybrid genres in the field of academic and non-academic music of North and South America.

Keywords: Protestant Chorale; Creole chants; Scottish folklore; Irish folklore; Country Music; Keikkook; Minstrel Show; Ragtime; Mara Katu ; Guaracha ; Rumba; Congados.; Samba; Texas Tommy; Grizzly Bear; Indian music; African American music.

Received: 28.06.2022

Accepted: 20.08/2022

Для цитирования: Букреев В.А. Музыкальная культура Америки в аспекте особенностей фьюжн-стилистики // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 143–154. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.10

История развития американской музыки неразрывно связана с историей самой страны. Невозможны полноценные исследования зарождения и развития многих жанров в недрах этой культуры без осознания истоков возникновения самой культуры. Самым главным фактором стала интеграция европейских и африканских музыкальных традиций, что было неизбежным на этом континенте.

Обращает на себя внимание именно тот факт, что в тесном соседстве оказались достаточно далеко отстоящие по своим истокам разнообразные фольклорные традиции. Ситуация была воистину уникальной, ибо объединялись культурные элементы, присущие географически отдаленным странам: европейские, африканские с традициями коренных жителей Америки. Исследователи подчеркивают, что по количе-

ству и масштабам существования сохранных «чистых» (оставленных неприкосновенными) и новых синтетических видов музыкального искусства этой стране нет равных [Concise Histories ..., 1982, p. 142].

Чрезвычайно важным для нас и интригующим остается вопрос о том, почему не все, а лишь некоторые традиции, виды, жанры сосуществующих культур оказались способными к синтезу, сплаву с чужеродными элементами. На какой основе происходит отбор тех явлений, взаимодействие которых становится почвой для рождения новых синтетичных в своей основе, оригинальных музыкальных проявлений? Проблема очерчена, и исследования в этом направлении продолжают-ся, однако ответа пока не получено.

Обращаясь к проблеме синтеза различных музыкальных стилей и направлений в общеметодологическом плане и анализируя вопросы столкновения в культуре разнородных систем, можно заметить, что эти процессы имеют значительно более случайный характер и что их прогнозирование практически невозможно, а случайное и закономерное здесь выступают в равнoprавии [Лотман, 1992, с. 105].

Таким образом, за рамками нашего исследования остается проблема происхождения, внедрения и объединения элементов культур, принадлежащих разным народам, поселившимся на территории Северной и Южной Америки. Однако гипотезы и положения о происхождении наиболее значимых явлений, объединенных понятием *фьюжн*, все же существуют.

Главным фактором, определяющим уникальную самобытность музыкальной культуры Нового Света, а именно северной его части, стало столкновение, взаимовлияние и последующее сплавление традиций фольклора островов Британии и западной части Африканского континента. Этот новый пласт музыкальной культуры оформился в музыкознании через понятие афроамериканской музыки. Музыкальное мышление американского общества, в первую очередь, ассоциируется с такими жанрами как блюз, спиричуэлс, регтайм, диксиленд, впоследствии ставшими фундаментом развития американского джаза, и именно они немыслимы без понимания значения афроамериканской музыкальной культуры.

Большую часть населения Америки в XVIII–XIX вв. составляли выходцы из Европы, представители так называемого третьего сословия и невольники с Африканского континента. Испанцы, португаль-

цы, англичане, ирландцы, французы и другие завезли элементы музыкальной культуры своих стран, что уже само по себе способно было составить пеструю мозаику музыкальной жизни Америки. Протестантский хорал, музыка духовых оркестров, креольские песнопения, шотландский и ирландский фольклор, песни и танцы Англии – лишь малый перечень всего, что звучало в те времена на территории осваиваемого континента. Невольники, вывезенные из Африки, и их потомки воспринимали эту музыку, переосмысливая и внося элементы своей культуры, что привело к возникновению новых гибридных форм и жанров.

Исследователи еще в прошлые века заметили, что те виды, которые приобрела музыка переселенцев в рамках афроамериканской культуры, не могут считаться и не являются ответвлениями многовековых культурных традиций Европы или традиций народов Африки [Neil, 1987, р. 38]. Примером может служить одно из направлений американской музыкальной культуры – кантри-мьюзик, уже в XX в. широко распространившееся и имеющее своих поклонников во всех странах Европы.

Несмотря на то что англо-кельтский фольклор занимал господствующее относительно других привезенных традиций положение, остальные фольклорные виды не были им поглощены. Ярким примером тому может служить самобытный язык Южной Америки. Здесь традиции Испании и Португалии приобрели неповторимые черты в таких направлениях музыкальной культуры, как креольское, афрокубинское и др. Элементы французского фольклора проникли в общую музыкальную картину северо-западной части Северной Америки, а немецкого – на территорию Среднего Запада [Floyd Samuel, 1995, р. 187].

Нельзя обойти стороной существование и взаимодействие с элементами привезенных музыкальных культур самого древнего коренного вида фольклора – индейского, существующего изолированно в «чистом» виде и по сей день. Подобная резервация, существующая в некоторых общинах современной Америки, позволяет сохранить в своем первозданном виде, какими они были завезены на Американский континент, многие жанры, претерпевшие многочисленные изменения за прошедшие века на своей родине.

Одним из наиболее ранних свидетельств синтеза европейской и внеевропейской культур является шоу менестрелей. Именно здесь переплелись многие черты, присущие культуре, психологии, строю художественной мысли белого и черного населения Америки. Возможно, существовали еще более ранние опыты преломления, взаимодействия элементов афроамериканской и европейской музыкальной культур, но за неимением документальных подтверждений об этом трудно судить.

Английская балладная опера, с самого начала обращенная к буржуазному сословию и ориентированная на популярные жанры, с легкостью привилась и утвердилась на Американском континенте. Модифицируясь, она дала начало новому жанру. Отвечая художественным потребностям публики, за счет упрощения сюжета и музыки, снижения роли коллективного творчества, опера превратилась в бессюжетный набор песен, танцев, акробатических трюков, фокусов и т.п., приобретая, таким образом, эстрадное начало, в чем просматривается ее близость такому явлению как карнавал. Внедрение негритянского фольклора привело к появлению специфического жанра – шоу менестрелей.

Буффонно-комедийный образ африканца, закрепившийся в английской опере, становится основой шоу менестрелей. Объект пародии, карикатуры – речь и движения афроамериканцев. Здесь впервые звучит комедийно-утрированный английский диалект неграмотных африканцев, утверждаются характерные персонажи. Несмотря на то что мимика, движения, жесты, особенности произношения тщательно изучались белыми артистами, образ оставался всегда маской, подчеркивающей отсутствие связи с реальностью, отвечающей жизненной правде, в чем также нетрудно заметить общие с карнавалом черты. В эстетике шоу менестрелей не стояло цели воссоздать подлинный образ афроамериканца и тем более его музыкальный мир. Это своеобразное гротесковое преломление того, что видят белые при поверхностном взгляде на афроамериканскую культуру [Monson, 1995, p. 338].

Шоу менестрелей – это в своей основе специфический театр белых артистов, в котором избираемый язык преимущественно основан на элементах, доступных, понятных и привычных белым музыкантам и слушателям. Таким образом, эстетика данного жанра оказалась по-

строенной в значительной степени на принципах карнавала, где за маской скрывается лицо, пытающееся высмеять какую-либо ситуацию. В данном случае за маской черного человека в смешном виде выставлялось все то, с чем сталкивался белый человек в Америке. Однако это не простое надевание маски и попытка имитации чуждого диалекта, привычек, ужимок и т.п. В жанре шоу менестрелей происходит по существу опыт принятия законов речи, интонации, музыки иного народа, попытка осознать себя через проникновение в способы мироощущения другой культуры, понимание необходимости синтеза, сплавления разных способов овладения культурой человеком Нового Света.

Большее влияние негритянской культуры проявилось в сфере танцев. На ранней стадии менестрельная эстрада в качестве объекта пародирования использовала и многие европейские танцы, будь то народные хороводы, танцы матросов, бродяг. Однако именно афроамериканские танцы в скором времени заполонили сцену. Но и здесь акцент ставился на гротескно-фарсовой стороне. Акробатика, сложные движения, точность и быстрота, физическая выносливость, а главное – показное мастерство и виртуозность с акцентом на клоунаду – вот те требования, которые предъявлялись танцорам менестрельного шоу [Berendt / Burhardt, 1978].

С точки зрения интеграции элементов как минимум двух культур интересна история возникновения в шоу танца кейкуок. Рожденный на плантации как танец африканца (танцевальная «проходка» к столу белых хозяев и возвращение с «трофеем» – куском пирога), которому разрешалось подражать, пародируя, манерам своего хозяина, на сцену он пришел как танец белого артиста, подражающего манерам афроамериканцев. И здесь видится все тот же мотив, связанный с попытками белого человека попасть в «шкуру» раба и испытать особенности танца с его специфическими ритмами, манерами, танцевальными движениями и пр.

Если гармония, интонации, форма и жанр народной песни в духе баллады в шоу менестрелей представляют европейскую традицию, то танец, инструменты и ритмика – в большинстве своем афроамериканскую. Из народных ансамблей были заимствованы банджо, кости, тамбурин, составившие основу оркестра, к которым прибавлялись скрипка либо аккордеон и другие, преимущественно ударные инстру-

менты. Немаловажная черта музицирования менестрельного оркестра – игра всех музыкантов без нот, импровизация непосредственно в процессе исполнения, что также связано с особенностями негритянской культуры. Интересно отметить, что дальнейшее развитие этого вида сценического действия привело к обособлению его элементов и их самостоятельному существованию на эстраде. Так, знаменитый кей-куок распространился в виде салонного танца в Европе, несомненно повлияв на ритмику фортепианных пьес, маршей духовых оркестров и даже на балльные танцы. Свойственные ему синкопированность, двухдольность стали основой для ряда новых популярных танцев, таких как гризли-бэр, тexas-томми. Их развитие и модификация завершились возникновением знаменитых фокстротов и тустепов, которые вскоре оттеснили польку, контрданс и кадрили – типично европейские танцы [Sargent, 1976].

Сплав афроамериканского ритмического и европейского мелодико-гармонического мышления, выработанный в музыке менестрелей, как нельзя более ярко проявляется в жанре регтайма. Синкопированность, полиритмичность музыки банджо, виртуозность танцевально-инструментальных номеров, простые формы стали характерными чертами и регтайма. Его истоки можно найти в танце джиг-тайм, в формах домашнего музицирования на фортепиано, в песнях и импровизациях на банджо. Однако в основе этого жанра преобладали элементы европейской культуры. Его формы нашли более раннее воплощение в польке, марше, кадрили (форма АВАСD...), где каждый раздел регтайма изложен в форме периода. Именно форма классического периода, преимущественно квадратного, четко оформленного, нашла в этом жанре свое совершенное воплощение. Гармоническая последовательность также предельно проста. Инструмент, для которого изначально предназначался этот жанр, фортепиано, имеет фиксированный темпированный строй. Мелодика, в отличие от кейкуока, растворилась в общих формах движения. Основной элементарный набор характерных выразительных средств – классический европейский. Непосредственно новым было ритмическое воплощение: перекрестные ритмы, перемещение акцентов на слабые доли, выдержанное синкопирование – все это указывает на афроамериканскую культуру. Конфликты ритмов, синхронность двух контрастных ритмических пластов – основа жанра регтайм. Отсюда и необычный подход к игре на фортепиано.

Инструмент трактовался преимущественно как ударный. Громкое, динамичное звучание характерно для исполнения регтайма. Параллель с европейским салонным пианизмом можно усмотреть в исполнительских приемах. Это показная виртуозность, блестящее преодоление технических трудностей: большие скачки в левой руке в чередовании баса и аккордов, параллелизмы октав и аккордов, арпеджированные пассажи, мелкая техника правой руки [Giddings, 1985].

Регтайму не свойственна свободная импровизационность. Чаще всего импровизация ограничивалась небольшими отклонениями от фиксированного нотного текста и сосредотачивалась в основном в партии левой руки, как более статичной. Огромная популярность нового жанра среди широкой публики была мгновенно использована издательствами.

С годами регтайм приобрел такую популярность, что вышел за рамки фортепианного исполнения. Для различных оркестровых составов перекладывали уже существующие образцы и сочиняли новые. Марш, кейкуок и регтайм, содержащие много общего в своей основе, во второй половине XIX и в начале XX в. были наиболее популярными жанрами в репертуаре марширующих духовых оркестров.

Исследуя американскую музыку XIX в. с позиции интеграции и сплава, нельзя не упомянуть спиричуэлс. Высшее духовное достижение негритянского народа в эпоху его рабства, спиричуэлс по сей день сохранил свою художественную актуальность. В их тонко разработанной системе музыкально-выразительных средств западное и африканское начало находятся в полном равновесии [Конен, 1984, с. 194]. Что представляет собой этот жанр, как не фьюжн, сплав англо-кельтской протестантской и американской традиций. Здесь тексты, связанные с библейскими образами, сочетаются с мотивами повседневной жизни афроамериканцев; в диатоническую основу протестантского хора влетают блюзовые тоны, применяются приемы глиссандирования; на традиционные европейские ритмические формулы накладываются синкопы, сложные ритмические рисунки, характерные для афроамериканской музыки. Возникновение спиричуэлс может стать ярким примером процесса аккультурации, освоения достижений одной традиции другой.

Синтез другого порядка наблюдается при вынесении спиричуэлс на концертно-эстрадную сцену. Изменяется функция жанра, среда его

обитания. Здесь культовое становится сценическим, концертным [Mantell, 1974].

Обращаясь к особенностям латиноамериканского фольклора, невозможно обойти вниманием вопрос, связанный с возникновением нового самобытного языка, полученного в результате процессов интеграции, происходивших в южной части континента.

Если в Северной Америке преобладающее значение для рождения новых художественных явлений играла музыкальная культура Центральной Европы, в особенности Англии, то одним из основных источников музыкальной культуры Латинской Америки стали ритмы и мелодии переселенцев из Испании и Португалии. На новом материке традиции этих народов, родственные в своей основе, скрестились с американскими (индейскими) и африканскими истоками. Преобладание одной из этих линий в музыке последних 200 лет позволяет в общем плане разделить музыкальную культуру Южной Америки на три обширных пласта: индейскую, креольскую и афроамериканскую музыку. Существование этих трех пластов в чистом виде невозможно. Все они в той или иной степени соприкасаются, взаимодействуют и переплетаются, что позволяет характеризовать музыку этого материка как культуру, обладающую чертами генетического триединства [Конен, 1977, с. 42].

Остановимся подробнее на особенностях креольской и афроамериканской музыки Латиноамериканского континента, которая оказала наибольшее воздействие на музыку джаза.

Под термином «креольская музыка» подразумевается музыкальная культура Мексики, стран Центральной и Южной Америки, в которой бесспорно преобладание европейских традиций, главным образом Испании и Португалии, завезенных на Американский континент более 300 лет назад первыми переселенцами. К основным характерным признакам, свойственным креольской ветви музыки Латинской Америки, следует отнести трехдольный метр, наличие метрической переменности и полиритмии, пение (преимущественно параллельными терциями) только под инструментальный аккомпанемент, исполнение танцев в сопровождении вокалиста, гитару как основной музыкальный инструмент.

Афроамериканская музыка Южной Америки распространилась преимущественно на Антильских островах и в Бразилии из-за сосре-

доточения в этих районах невольников, вывозимых из Африки с конца XV в. В данных областях происходила интеграция африканской, западной и юго-западной европейских музыкальных культур, развивавшихся параллельно. Метроритмическое богатство музыки африканских переселенцев сильно видоизменило испано-португальские традиции. Ведущими становятся ударные инструменты, стихотворные строфы солирующего музыканта стали распределяться между импровизирующим солистом и хором в виде кратких повторяющихся попевок, трехдольность сменила двухдольность, а квадратность потеряла свою четкую структуру. Среди новых жанров, возникших на стыке двух культур, – мара-кату, гуарача, румба, сальса / сон (на Кубе), самба и босанова (в Бразилии). Но, пожалуй, одним из самых главных признаков, отличающих афроамериканскую музыкальную культуру стран Латинской Америки, стало удивительное многообразие инструментов ударной группы: от знаменитых маракас, трещоток, реко-реко, колокольчиков и т.д. до бесконечного разнообразия барабанов. Во второй половине XX в. некоторые из этих инструментов станут неотъемлемой частью состава современного джаз-оркестра.

Автор данной статьи ставил цель показать пути интеграции стилей, жанров, направлений в разных частях Американского континента. Нас интересовало в основном все то, что привело к сплаву, смешению, объединению культурных тенденций народов, населявших Америку. На этой почве стали возникать и развиваться жанры, построенные также на принципах, присущих современному музыкальному стилю фьюжн, что определило динамику развития гибридных жанров в сфере академической и неакадемической музыки континента.

Список литературы

Конен В. Дж. Пути американской музыки. Очерки по истории музыкальной культуры США. – 3-е издание. – Москва : Советский композитор, 1977. – 445 с.

Конен В. Дж. Рождение Джаза Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. – Москва : Советский композитор, 1984. – 311 с.

Лотман Ю. Культура и взрыв. – Москва : Издательство Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1992. – 272 с.

Berendt J.E., Burkhardt W. The story of Jazz: From New Orleans to rock jazz / Ed. by Joahim Ernst Berendt, with contributions from Werner Burkhardt teal. – Englewood Cliffs ; New York : Princeton University Press, 1978. – 192 p.

Concise Histories of American Popular Culture. – Westport, Connecticut : Grand Central Publishing, 1982. – 315 p.

Floyd Samuel A. Jr. The power of Black Music: Interpreting Its history from Africa to the United States. –New York : Oxford University Press, 1995. – 285 p.

Giddings Gary. Rhythm-a-ning; Jazz tradition and innovation in the '80 s. – New York : Morgan Kaufmann Publishers, 1985. – XVIII, 291 p.

Mantell D. True Americanism. – New York : Experimenter Publishing Company, 1974. – 210 p.

Monson I. The problem with white hipness. Race, gender and cultural conceptions in jazz historical discourse // Journal of the American Musicological Society. – 1995. – Vol. 48, N 3. – P. 396–422. – Snow Lion Publications

Neil Leonard. Jazz: Myth a religion. – New York, 1987. – X., 221 p.

Sargent Jazz : hot hybrid. – 3 d ed., enl. 2 d print. – New York : Krause Publications, 1976. – 302 p.

Steven Lora. Barrio Rhythm: Mexican American Music in Los Angeles. – Illinois : University of Illinois Press, 1993. – 186 p.

References

Konen, V. Dzh. *Puti amerikanskoj muzyki. Ocherki po istorii muzykal'noj kul'tury SSHA. 3-e izdanie* [The Ways of American music. Essays on the history of musical culture of the USA]. 3 rd edition. Moscow, Sovetskij Kompozitor, 1977. 445 p. (In Russ.)

Konen, V. Dzh. *Rozhdenie Dzhaza Tretij plast. Novye massovye zhanry v muzyke XX veka*. [The Birth of Jazz The third layer. New mass genres in music of the twentieth century]. Moscow, Sovetskij Kompozitor, 1984. 311 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Izdatel'stvo Universiteta druzhby narodov im. Patrisa Lumumby, 1992. 272 p. (In Russ.)

Berendt, J.E., Burkhardt, W. *The History of Jazz: from New Orleans to Rock Jazz* / Ed. Joachim Ernst Berendt, with the participation of Werner Burkhardt Thiel. Englewood Cliffs, New York, Princeton University Press. 1978. 192 p.

Brief histories of American popular culture. Westport, Connecticut, Grand Central Publishing. 1982. 315 p.

Floyd, Samuel A. Jr. *The Power of Black Music: An Interpretation of Its History from Africa to the United States*. New York, Oxford University Press. 1995. 285 p.

Giddings, Gary. *Rhythm and ning; Jazz traditions and innovations in the 80 s*. New York, Morgan Kaufman Publishing House, 1985. XVIII, 291 p.

Mantell, D. *True Americanism*. New York, Publishing house «Experimenter», 1974. 210 p.

Monson, I. The problem with white fashion. Racial, gender and cultural concepts in the historical discourse of jazz. In *Journal of the American Musicological Society*, Vol. 48, no. 3, 1995, pp. 396–422 p. (Publications of the Snow Lion).

Neil, Leonard. *Jazz: Myth – religion*. New York, Publications of Krause, 1987. 221 p.

Sargent, U. *Jazz: a hot hybrid. 3 d edition, including 2 d printing.* New York, Princeton University Press, 1976. 302 p.

Stephen, Laura. *Barrio Rhythm: Mexican-American music in Los Angeles.* Illinois, University of Illinois Press, 1993. 186 p.

Козлов Е.В.*

МАССКУЛЬТ: ДИАЛЕКТИКА РЕАЛЬНОСТИ[©]

Аннотация. В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с рецепцией, интерпретацией и конструкцией текстов массовой культуры. Особое внимание уделяется вопросам диалектических отношений между художественной фикцией и реальностью. Исследовательский интерес направлен на специфическое позиционирование реципиента текстов массовой культуры.

Ключевые слова: прагматика текстов массовой культуры; эмансипированный реципиент; культурные стереотипы; целевые полагающие установки; граница между фикцией и реальностью; понимание реальности через текст.

Поступила: 07.04.2022

Принята к печати: 17.06.2022

** Козлов Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор РАНХиГС и Московской академии Следственного комитета, Москва, Россия, e-mail: jesuisbon@yandex.ru*

Kozlov Evgeny Vasilyevich – DSc in Philosophy, Professor of the RANEPa and the Academy of the Investigative Committee Moscow, Russia, e-mail: jesuisbon@yandex.ru

© Козлов Е.В., 2022

Kozlov E. V.

Mass culture: dialectics of reality

Abstract. The article deals with a set of problems related to the reception, interpretation and construction of texts of mass culture. Special attention is paid to the issues of dialectical relations between fiction and reality. The research interest is aimed at the specific positioning of the recipient of mass culture texts.

Keywords: pragmatics of mass culture texts; emancipated recipient; cultural stereotypes; target-based attitudes; the boundary between fiction and reality; understanding reality through text.

Received : 07.04.2022

Accepted: 17.06.2022

Для цитирования: Козлов Е.В. Масскульт : диалектика реальности // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 155–167.
DOI: 10.31249/hoc/2022.04.11

Культурная ситуация сегодняшнего дня позволяет думать, что проблема диалога между элитарной и массовой культурами остается актуальной скорее уже для изучения прошлых веков, ввиду неразличимости социокультурного статуса современных носителей культуры¹, эгалитаризм и оппортунизм которых во многом обязан Интернету, выступившему в роли *великого уравниателя* культурной и информационной среды. Возможно, сегодня мы наблюдаем реализацию тезиса Эдгара Морена о получении масскультом беспрецедентного статуса подлинной и первой в истории универсальной культуры всего человечества. Впрочем, если сегодня и возникло некое *поле общей культуры*, которое представляет собой продукт соединения различных культур, то небезынтересно обратить внимание на вклад масскульта в это синтетическое образование. Под этим вкладом можно понимать не только культурные стереотипы, структурные особенности художественной продукции, но и целевые установки, определяющие прагма-

¹ Возможность четко различать носителей элитарной и массовой культур представлялась, например, на рубеже XIX–XX вв., когда театральная публика и посетители кинотеатров являли собой непересекающиеся слои общества.

тику текстов массовой культуры. В известной зависимости от этого вклада оказывается и облик самой реальности, пребывающей за пределами ареала массовой художественной культуры. Можно наблюдать изменения, вызванные триумфом масскульта в научной проблематике гуманитарных дисциплин, что, в частности, нашло выражение в признании актуальности исследований, посвященных интриге¹ в текстах массовой рецепции (что, например, не имеет прецедента в классической филологии и текстологии). Реабилитация «интереса» и «интриги» в исследованиях текстов масскульта является прямым следствием важности данных феноменов для конструкции и рецепции художественной продукции, предназначенной для массовой аудитории.

Одним из интересных моментов, привнесенных массовой культурой в современное поле общей синтетической культуры, является, на наш взгляд, изменение дистанции между символическим пространством художественного вымысла (фикции) и внехудожественной реальностью. Как известно, массовая художественная культура возникает в эпоху раннего промышленного капитализма преимущественно для структурирования свободного времени (ставшего – по производственной необходимости – городским) рабочего населения². Сам феномен свободного времени повлек за собой образование индустрии развлекательных практик, призванных заполнить досуг. Из этого следует, что развлечение выходного дня являет собой очевидную антитезу для реальности трудовых будней. В сознании и подсознании серьезная правда жизни противопоставляется аттракциону, представляющему собой приятную, но нереалистичную в своей эфемерности иллюзию. Думается, что это действительно справедливо, но диалектика отношений между вымышленным и внехудожественным видится не такой однозначной.

Известны (полу)анекдотические истории про первых потребителей массовой культурной продукции – зрителей (главным образом), нередко обнаруживающих свою культурную наивность именно в том, что они не различали символическую границу между их собственной

¹Швейцарский исследователь Рафаэль Барони называет данный процесс реабилитацией интриги. Baroni R. *La Tension narrative. Suspense, curiosité, surprise.* – Paris : Seuil coll. “Poétique”, 2007.

²Подобную концепцию развивает К.Т. Теплиц (1996), и нам она представляется вполне обоснованной.

реальностью и условным, конвенциональным, вымышленным – тем, что предлагал им художественный продукт. Ковбои, стреляющие со своего зрительского места в экранного злодея во времена первых киносеансов, как раз иллюстрируют принципиальную проницаемость указанной границы. М.М. Бахтин размышлял о наивной установке зрителя-простолюдина, который «...предупреждал героя о сделанной против него засаде и готов был броситься ему на помощь во время сделанного на него нападения. Такой установкой наивный зритель занимал устойчивую позицию *вне* героя, учитывал трансгредийные сознанию самого героя моменты и готов был использовать привилегию своего положения *вне*, приходя на помощь герою там, где он сам со своего места бессилен» [Бахтин, 2000, с. 103]. Соглашаясь с наблюдением автора о трансгредийном положении реципиента *вне*, все же отметим, что этот наивный зритель-простолудин считает для себя возможным *вмешиваться в происходящее*, а, следовательно, *пересекает* ограничительные линии и вторгается в запретный придел¹ художественной фикции. Говоря о материальных или символических границах, в которые помещается художественное сообщение, Камилла Палья подчеркивала их изначальную иератическую природу, что предполагает дистанцию от мирского и профанного. Можно заключить, что в массовой культуре священнодействие художественного сообщения теряет ореол святости и недостижимости для простых смертных, и происходит это совсем не только из-за анекдотического слабоумия и дикости первых реципиентов. Доступность является фактором, тесно связанным с интересом и, следовательно, определяет успешность культурного продукта у массовой публики.

Обращаясь к тезису Морена о том, что массовая культура вызывает интерес именно из-за своего реалистического характера, отметим,

¹Рама картины, рампа в театре, поля книжной страницы или газетной полосы, рамка телевизионного экрана или компьютерного монитора и т.п. – выступают материальными или символическими границами для пространства, в которое помещается сообщение (та синтагма, воспринимаемая конструкция из знаков), легитимирующее авторское присутствие в тексте. К. Палья напоминает об иератическом характере и самой границы, и очерчиваемого с ее помощью пространства: «Любое живописное обрамление – ритуальное ограничение, запретный придел. Прямоугольный экран явно скопирован со вставленных в рамы картин времен эпохи Возрождения. Но концептуализация и есть обрамление» [Палья, 2006, с. 50].

что диалектика *реалистичного* и *воображаемого* в продукции маскульта обнаруживается в большинстве фикциональных повествований, предназначенных для развлекательной рецепции. Правдоподобие, способное стимулировать интерес массового реципиента, позиционируется в качестве важной и привлекательной для потребителей характеристики вымышленного нарратива. «Герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами, близкими массовому читателю. Именно это является одной из наиболее привлекательных для читателя черт массовой литературы» [Черняк, 2009, с. 286]. Реалистичность и правдоподобность здесь смыкаются с доступностью и прозрачностью, ибо в рамках массовой культуры артикулируется противопоставление «образу культуры как глубокой многослойной памяти – принцип непосредственной доступности, прозрачности» [Дубин, 2001, с. 285]. Размышляя о соотношении воображаемого и реалистического в различных культурах, можно, как это делает Е.Г. Соколов, прийти к выводу о доминировании реалистического в маскульте: «Произошла кардинальная коррекция взгляда: куда бы он ни был устремлен, он все равно возвращается к реальности» [Соколов, 2001, с. 16].

Обращаясь к феномену чтения паралитературы (развлекательных текстов массовой культуры), французский исследователь Даниэль Куэня указывает, что среднестатистический реципиент паралитературы пребывает в конфузливом и наивном состоянии смешения планов реальности и фикции повествования. Иначе говоря, потребитель и интерпретатор текста допускает, что вымышленный мир нарратива вполне возможен в реальности. Следовательно, художественная коммуникация перестает быть только самоописанием, но благодаря расположению интерпретатора переносима на действительность. Указанная предрасположенность читателей паралитературы с легкостью допускать реалистичность и фикции и даже переносить их в действительность, безусловно, свидетельствует о власти паралитературного нарратива. Если прежде читатели ходили посмотреть на место гибели Бедной Лизы и отправлялись в квартиру Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, то в более позднее время в американской культуре мы получили не менее интересные примеры перенесения фикции в действительность. Так, например, национальный праздник вымышленной страны Догпач (из комикса Эл Кэппа о приключениях героя Ли'л Абнера) превратился в американ-

ский студенческий фольклорный праздник, когда каждое 15 сентября молодые неженатые студенты в университетских кампусах преследуются студентками, выбирающими себе в этот день супруга [Renard, 1978, p. 183]. До определенной степени и само паралитературное повествование предназначалось для реалистической рецепции: научно-фантастические тексты изначально выступали как беллетризированные научно-популярные очерки, адаптирующие для своих читателей понятия научно-технической революции XIX–XX вв. Не следует, впрочем, сбрасывать со счетов и изрядное количество сбывшихся прогнозов: многие предвидения и предвосхищения коллективного бессознательно-го были трансформированы паралитературным повествованием (не только научно-фантастической прозой, но и комиксами) в культурные знаки. Тем самым нарратив принимает участие в формировании действительности, подобно тому, как это формулировал И. Бабель: «Жизнь изо всех сил старается походить на хорошо придуманную историю» [цит. по: Кривцун, 1998, с. 245]. Правдоподобие художественного мира (диегезиса) строится, как известно, в результате отражения произведением действительности. Однако парадокс заключается в том, что в ряде случаев действует и обратное отношение. Например, для реципиентов вышедшего в 1958 г. знаменитого бельгийского альбома комиксов о приключениях Тэнтэна *On a marché sur la Lune* («Мы гуляли по Луне») последовавшая затем в реальности (1969) высадка американских астронавтов на Луне была явным подтверждением тезиса о том, что реальность никогда не покидает пределов фикции.

Отметим и достаточно активное вмешательство массового реципиента в то, что до недавнего времени составляло сферу авторской компетенции. Можно вспомнить творческую проблему А. Конан Дойла, желавшего завершить свой продолжительный сериал о приключениях Шерлока Холмса смертью главного героя (с точки зрения нарратологии смерть персонажа – случайный, алеаторный разрыв повествовательной синтагмы), но столь сильное возмущение читателей – смерть героя никак не совпадала с их ожиданиями – вынудило автора отказаться от первоначального замысла. А. Конан Дойл должен был продолжать повествования, хотя и «чувствовал, что в этой области фантазия его истощается, что новые рассказы о Шерлоке Холмсе с каждым годом делаются хуже, и все же не мог уклониться от угождения читательским вкусам» [Чуковский, 1983, с. 13].

Представляется, что серийное повествование выполнило функцию экспериментальной площадки, на которой были опробованы новые для существующей эстетической традиции формы взаимодействия с аудиторией. Публика, вполне осознающая, что развлекательная индустрия должна реагировать на ее запросы, теперь не ограничивается только ролью реципиента, а осознает себя в качестве заказчика. Необходимо отметить, что электронная коммуникация позволяет массовому потребителю художественных форм создавать *метатекст*, который, в принципе, оказывает влияние на производство развлекательной текстовой продукции. Подобная диалогичность в процессе рецепции сериалов приобретает первостепенное значение, чему в полной мере способствует формат повествования (каждый эпизод, каждая серия ориентированы на реакцию потребителя, который, сообщая свое мнение, влияет на продолжение). Здесь можно говорить о тенденции к интерактивности, когда реципиент имеет возможность отчасти превратиться в сценариста, оказывая посредством электронной почты, чатов и форумов влияние на продолжение повествования. Впрочем, лимитирование авторского влияния, освобождение произведения от его тирании, позволяет видеть в повествовании, порождаемом на интерактивной основе, наиболее точное воплощение бахтинских концептов: *многоголосья* и *полифоничности*, так как текст предстает как результат взаимодействия нескольких сознаний.

Отметим, что прерывистая (пунктирная) рецепция, всякий раз оставляющая читателя / зрителя в ожидании последующего продолжения, стимулировала достаточно свободное прогностическое экспериментирование, нередко приводящее к порождению альтернативных версий произведений. Культурная практика сериала, с одной стороны, предвосхищает некоторые черты (гиперавторских) текстов будущего, а с другой стороны, актуализирует свою связь с существующей нарративной традицией. Многочисленные аллографические продолжения (кстати, актуализируемые именно в Сети) популярнейших серийных повествований подтверждают близость их сюжетного пространства к мифу, где каноническая версия всегда сосуществует с апокрифами.

Для весьма активной позиции реципиента существует некоторый прецедент не в литературной традиции, но в устном фольклоре, с его тонкими проницаемыми границами между исполнителем и слушателем, способным вмешаться в ход повествования и взять на себя функ-

цию рассказчика. Хотя, если в фольклорной традиции эта смена ролей зиждется на общем для рассказчика и слушателя знании повествования, то в гиперавторском сериале ход повествования является алеторным. И здесь комфортная предсказуемость гармонии, создаваемой всей линейной системой сериала, встречает свою альтернативу в виде активности эмансипированного реципиента, которая, впрочем, также не является совершенно непредсказуемой. Несовпадение точек зрения отправителя и получателя массового развлекательного текста предполагается, прежде всего, там, где автор покусается на важнейшую способность паралитературы – *развлекая утешать*, имплицитную предсказуемость развязки повествования, представляющей финальную победу Добра над Злом. Иная концовка проблематизировала бы моральный урок, выносимый массовой аудиторией. Кроме того, часто трагические финалы не оправдывают ожиданий массового потребителя сериалов, который все активнее вмешивается в творческий процесс порождения текстов и позволяет себе оспаривать авторские решения (от требования продолжать приключения Шерлока Холмса до «воскрешения» главного героя сериала «Даллас» и создания альтернативных версий приключений Гарри Поттера).

Рассмотрение картины мира через призму текста соприсутствует, вероятно, в большей или меньшей степени любой культуре. Впрочем, от культуры к культуре тексты меняются и их специфические характеристики становятся подлинными отличительными чертами эпохи. Предположим, что в масскульте креолизированный текст комикса оказался этой призмой, некой интерпретативной сферой, пригодной для производства смыслов и тем самым участвующей в создании ткани реальности. В этом тексте сплелись воедино характерные (и не лишённые парадоксальности) черты современности, расположенной производить смыслы из области развлекательного и наделяющей особой популярностью визуальное или визуализированное. Сегодняшние голливудские экранизации – реинкарнации супергероев комиксов на экранах 3 D, свидетельствуют о том, что комикс и теперь не просто присутствует, но и занимает немалое пространство в воображаемом современной культуры. Такое положение позволяет осуществлять проекции из текста во внетекстовую реальность.

С одной стороны, комикс – наследник книжной культуры, цивилизации письменного знака. Посредством этого наследства комикс

был до известной степени легитимизирован даже в пространстве высокой культуры (сегодня в Европе альбомы комиксов участвуют наряду с обычными книгами в рейтингах книжных продаж и премиях книжного рынка, а рецепция комиксов во всех языках обозначается глаголом «читать»); с другой стороны, он плоть от плоти прообраз грядущего триумфа визуальности. Этот семиотический гибрид вербального и иконического XIX в. превратился в объект привилегированного для чтения массового потребителя культуры по обе стороны Атлантики.

Установление, оценка, переоценка ценностей, составляющая жизнь любой культуры, могут открываться именно в сложной практике взаимодействия между воображаемым и реальным, происходящим в запутанных лабиринтах сферы символического. Здесь интересны разновекторные движения, взаимовлияния художественного и внехудожественного пространств: воздействий 1) действительности на текст; 2) одного текста на другие; 3) текстового массива на действительность. Особенностью массовой культуры является то, что комиксы, как медиум, участвуют в формировании смысла и, следовательно, создают действительность. Идеи и образы перемещаются в пространства символического и реального из сферы текстового / воображаемого. И даже если бытование комиксов в текстовой среде уже в большей степени является фактом истории массовой культуры, то это не отменяет того положения, что мы живем в действительности, в значительной мере сделанной комиксами. Или, говоря по-другому, окружающая действительность нередко представляется современным людям в символической, в идеологических и интерпретативных схемах из комиксов¹.

¹ Судя по скандально известным публикациям ресурса WikiLeaks, американские дипломаты в своих донесениях в Вашингтон описывали президента России Дмитрия Медведева как «Робина» по отношению к «Бэтмену»-Путину, имея в виду, разумеется, комикс «Бэтмен и Робин» и про летающего супергероя. Согласно паралитературному повествованию, летучая мышь, ранее действовавшая в одиночку, берет в напарники младшего и менее опытного товарища Робина (см., например: <http://www.svobodanews.ru/content/article/2233283.html>). Как видим, текст, которому, между прочим, уже восьмой десяток, способен служить интерпретативной основой для понимания действительности, может на символическом уровне влиять на реальность. Заметим, что ответная реакция только подтверждает предположение о силе указанного воздействия. В принципе, пребывающие за пределами традиций комикс-культуры президент и председатель правительства России «высказали недовольство

Рамки некоторой художественной структуры и предполагаемый или реальный выход за их пределы обуславливают немаловажную часть эстетической деятельности в практическом и теоретическом аспектах. Как представляется, автор некоторого художественного сообщения имеет дело с границей художественного произведения и синтагматической совокупностью знаков, определяющих известную долю того содержания, которое автор помещает в очерченное этой границей пространство. К этому необходимо добавить реципиента, не только улавливающего авторские интенции, но нередко и самостоятельно вступающего на позиции соавтора, посредством своего творческого воображения домысливающего содержание произведения или даже предлагающего индивидуальные и неповторимые интерпретации, уводящие далеко от первоначального авторского замысла.

Воля автора и его замысел могут проявиться в том, что семиотическая конструкция будет предъявлена реципиенту в частичном виде и фрагментарно. *Эллипсис*, как известно, актуализируется в устранении одного или нескольких знаков из синтагматической совокупности сообщения. Исследователями отмечается принципиальная важность этого приема для художественных конструкций, например, в основывающихся на монтаже визуальных искусствах (комиксы, кино...). Конструктивный способ подачи материала делает возможным элиминирование некоторых частей сообщения. Кристиан Л. Харт Ниббриг, говоря о комиксах, отмечает, что «данное средство развлечения живет за счет иллюзии бесп проблемной передачи образа и слова за пределы возможности их выражения, опережающего мысль, когда разгадывают смысл картинки» [Харт Ниббриг, 2005, с. 55]. Автор подчеркивает сущностное и специфическое свойство комиксов, особенность их рецепции – материальная часть знаков визуальных и вербальных обращается к сферам сознания и подсознания реципиента, где, собственно, и достраивается сообщение. «Слово вклинивается в картинку и может существовать там лишь на условиях, нам ею диктуемых. Под давлением иконической агрессии слово ужимается до экспрессивного фонетического знака, с помощью которого впечатление от картинки возвращается в область слова, находит свое вербальное выражение. То, что

артикулируется таким образом, есть целенаправленная реакция зрителя...» [Харт Ниббриг, 2005, с. 53]. Итак, зафиксируем здесь принципиальную и конструктивную отсылку вовне фикционального пространства произведения. Пазл складывается благодаря и исключительно *целенаправленной реакции* реципиента. Впрочем, искусство монтажа или монтажные искусства, возникают на стыке кадров и в результате соединения знаков разной семиотической природы. Реципиенту надлежит достраивать в своем воображении те части действий или событий, которые подразумеваются, но не обозначаются, оставаясь за пределами, проваливаясь в пустоты на месте склейки кадров.

Событийный эллипсис заключается в том, что некоторые элементы события представлены знаками, а остальные лишь подразумеваются. Диктатура автора, его *авторитаризм* проявляются в том произволе, с которым он может элиминировать некоторые части сообщения. Впрочем, получатель сообщения обретает возможность достраивать в своем сознании неполное сообщение, заполнять в своем воображении лакуны. Вот почему эллипсис действительно, по существу, имплицитует диалог между отправителем и получателем. Объект рецепции хочет быть воспринятым, узнанным и понятым. Эллипсис – это исключительно диалогическое средство художественной коммуникации, участники которой (каждый со своей стороны) непрестанно укрепляют и разрушают ритуальные границы пространства сигнификаций. Говоря по-другому, эллипсис предполагает и провоцирует разговор между двумя субъектами знания. «И пусть один из них знает меньше или по-другому, а другой знает почти все, но ни один из них, ни оба вместе не знают всего» [Пятигорский, 1996, с. 11].

Увлеченность произведением свидетельствует о пересечении реципиентом границы художественных условностей и уходе в пространство свободной игры. Впрочем, она лишь относительно свободна, поскольку ограничена концептом события, обобщенным представлением о событии, имеющимся у реципиента. И знание реципиента также неполно. Как писал А.М. Пятигорский: «Ни один человек не может знать все, пока он – во времени. А если он и выходит из времени, то чтобы войти в другое, с сохраненным или забытым знанием прежнего» [там же, с. 11]. Для философа оказывается принципиальным соединение времени и знания. Получатель художественного произведения, в большей или меньшей степени увлеченный сообщением, вовле-

кается в сферу сюжетного времени. Увлеченность перерастает в во-
влеченность.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Автор и герой : к филос. основам гуманитар. наук. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 332, [1] с. – (Academia).
- Дубин Б.В.* Слово – письмо – литература : очерки по социологии соврем. культуры – Москва : Новое лит. обозрение, 2001. – 412 с.
- Кривцун О.А.* Эстетика. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 434 с.
- Палья Камилла.* Личины сексуальности / пер. с англ. под общ. ред. С. Никитина. – Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 871 с.
- Пятигорский А.М.* Мифологические размышления : лекции по феноменологии мифа. – Москва : Языки рус. культуры : Кошелев, 1996. – 279 с.
- Соколов Е.Г.* Аналитика масскульты. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. филос. об-во, 2001. – 276, [3] с.
- Теплиц К.Т.* Все для всех : Массовая культура и соврем. человек : [перевод]. Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам, [Отд. теории и истории культуры]. – Москва : ИНИОН, 1996. – 123, [1] с.
- Черняк М.А.* Массовая литература XX века : учеб. пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 428 с.
- Чуковский К.И.* Вступительная статья // *Конан Дойл А.* Записки о Шерлоке Холмсе. – Москва : Правда, 1983. – С. 3–14.
- Харт Ниббриг, Кристиан Л.* Эстетика смерти / пер. с нем. А. Белобратова. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха : ГУП тип. Наука, 2005. – 420, [2] с.
- Couégnas D.* Introduction à la paralittérature. – Paris : Seuil, 1992. – 200 p.
- Morin E.* L'Esprit du temps 1, Nevrose (1962). – Paris : Grasset, 1975. – 375 p.
- Renard J. – B.* La Bande dessinée. – Paris : Seghers, 1978. – 254 p.

References

- Bahtin, M.M. *Avtor i geroj: K filos. osnovam gumanitar. nauk* [Author and hero: To philos. fundamentals of humanities. sciences]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 332 p.; (Academia). (In Russ.)
- Dubin, B.V. *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sociologii sovrem. kul'tury* [Word – letter – literature: Essays on the sociology of sovrem. culture]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2001. 412 p. (In Russ.)
- Krivcun, O.A. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998. 434 p. (In Russ.)
- Pal'ya, Kamilla. *Lichiny seksual'nosti / per. s angl. pod obshch. red. S. Nikitin* [Disguises of sexuality / translated from English. under the general editorship of S. Nikitin]. Ekaterinburg, U-Faktoriya, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2006. 871 p. (In Russ.)

Pyatigorskij, A.M. *Mifologicheskie razmyshleniya: Lekcii po fenomenologii mifa* [Mythological Reflections: Lectures on the Phenomenology of Myth]. Moscow, Yazyki rus. kul'tury : Koshelev Publ., 1996. 279 p. (In Russ.)

Sokolov E.G. *Analitika masskul'ta* [Mass culture analytics]. Saint Petersburg, S.-Peterb. filos. ob-vo, 2001. 276 p. (In Russ.)

Teplic, K.T. *Vse dlya vseh: Massovaya kul'tura i sovrem. chelovek: [Perevod] Ros. akad. nauk, In-t nauch. inform. po obshchestvennym naukam, [Otd. teorii i istorii kul'tury]* [Everything for everyone: Mass culture and lies. person: [Translation] Russian Academy of Sciences, In-t scientific. inform. in Social Sciences, [Department of Theory and History of Culture]]. Moscow, INION, 1996. 123 p. (In Russ.)

Chernyak, M.A. *Massovaya literatura XX veka: ucheb. posobie* [Mass literature of the XX century: studies. stipend]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 428 p. (In Russ.)

Chukovskij, K.I. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article]. In Konan Dojl A. *Zapiski o Sherloke Holmse* [Conan Doyle A. Notes on Sherlock Holmes]. Moscow, Pravda Publ., 1983, pp. 3–14. (In Russ.)

Hart, Nibbrig, Kristiaan, L. *Estetika smerti / per. s nem. A. Belobratova* [Aesthetics of death / translated from German by A. Belobratova]. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbaha, (GUP Tip. Nauka) Publ., 2005. 420 p. (In Russ.)

Couégnas, D. *Introduction à la paralittérature*. Paris, Seuil Publ., 1992. 200 p. (In French)

Morin, E. *L'Esprit du temps 1, Nevrose (1962)*. Paris, Grasset Publ., 1975. 375 p. (In French)

Renard, J. – B. *La Bande dessinée*. Paris, Seghers Publ., 1978. 254 p. (In French)

*Крюкова О.С.**

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КЛАССИЧЕСКОЙ И МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения классической и массовой литературы в литературной иерархии. Целью исследования является сравнительный анализ повествовательных стратегий, характерных для этих типов литературы. Сделан вывод о сложности выделения повествовательной стратегии, свойственной исключительно классике или только массовой литературе. Цели использования таких повествовательных стратегий, как авантюренность, диалогичность и демонстративная литературность, в том или ином произведении могут существенно различаться.

Ключевые слова: массовая литература; классическая литература; литература; повествовательные стратегии; интертекстуальность.

Поступила: 01.07.2022

Принята к печати: 20.07.2022

* *Крюкова Ольга Сергеевна* – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия, e-mail: florin2002@yandex.ru

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia, e-mail: florin2002@yandex.ru

© Крюкова О.С., 2022

Kryukova O.S.

Narrative strategies of classical and mass literature

Abstract. The article is devoted to the problem of differentiation of classical and mass literature in the literary hierarchy. The aim of the study is a comparative analysis of narrative strategies that are characteristic of both these types of literature. The conclusion is made about the difficulty of identifying a narrative strategy peculiar exclusively to classics or only to mass literature. The goals of using such narrative strategies as adventurousness, “dialogicity” and demonstrative literariness in a particular work may differ significantly.

Keywords: mass literature; classical literature; network literature; narrative strategies; intertextuality.

Received: 01.07.2022

Accepted: 20.07.2022

Для цитирования: Крюкова О.С. Повествовательные стратегии классической и массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 168–176. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.12

Проблема соотношения классической и массовой литературы неизменно привлекает внимание литературоведов и культурологов, которые обращаются и к специфике массовой литературы как таковой [Кузнецова, Луков Вл. А., Луков М.В., 2018; Литвиненко, 2002], и к аксиологии массовой литературы [Татарникова, 2015], и к особенностям поэтики как отдельных произведений, так и массовой литературы в целом [Мищенко, 2009; Черняк, 2009]. Между тем работ, исследующих именно повествовательные стратегии массовой литературы, весьма немного [Щиrowsкая, 2006].

Противопоставление классической и массовой литературы является отражением оппозиции «высокой» и массовой культуры. Классическая литература – это литературный канон, классика, дословно – это образец, то, что читают в классе. Принадлежность произведения к массовой литературе предполагает трехкомпонентную оппозицию: классика – беллетристика – массовая литература. В западном литературоведении используются термины «паралитература», «тривиальная», «популярная литература» [Черняк, 2009, с. 5; Артамонова, Тули-

на, 2019]. В настоящее время употребляется также термин «сетература» [Гаджиев, 2012], который применяется в отношении к интернет-дискурсу. М.А. Черняк приводит еще одно определение феномена массовой литературы: «Массовая литература выступает как достаточно универсальный термин, возникший в результате размежевания художественной литературы по ее эстетическому качеству и обозначающий нижний ярус литературы, включающий в себя произведения, которые не входят в официальную литературную иерархию своего времени...» [Черняк, 2009, с. 6] Наконец, еще один термин, вынесенный в заглавие данной статьи, «повествовательные стратегии», означает, по мнению И.В. Некрасовой, не только особенности построения сюжета в литературном произведении, но и отношение автора к изображаемому: «повествование, ориентированное не столько на сюжет, сколько на весь текст, способствует созданию целостности произведения» [Некрасова, 2018, с. 54].

На первый взгляд кажется, что произведения, принадлежащие к разным иерархическим типам литературы, должны различаться своими повествовательными стратегиями, манерой повествования. Но справедливо ли это?

Возьмем для примера такой повествовательный прием, как авантюренность. Массовая российская литература охотно и широко пользуется этим приемом начиная с повествования о «милорде Георге» в XVIII в. Современные детективы разных мастей, романы Бориса Акунина о сыщике Фандорине построены именно на авантюренности. Но ведь и в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова использован этот повествовательный прием, и более того, авантюренность сюжета перекликается с такой чертой характера главного героя, как авантюризм. Другой известный пример – поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души», в которой ощущается влияние плутовского романа. Без авантюры Чичикова не было бы и всей поэмы. К авантюренному роману или сходным жанровым разновидностям можно отнести и романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927) и «Золотой теленок» (1931), а также некоторые произведения А.Н. Толстого.

И в произведениях беллетристики, и в произведениях массовой литературы авантюренность сюжета обеспечивает и занимательность, и устойчивый читательский интерес. И этим же приемом авантюренности сюжета нередко пользуется и классика: и в целях оживления повест-

ования, и в целях испытания героя, как это происходит, например, в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова. Неожиданные для читателя повороты судьбы героя мы находим в таких классических произведениях, как «Капитанская дочка», «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина; «Накануне» И.С. Тургенева, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Не случайно многие авантюрные произведения, в том числе и произведения, рассчитанные на детскую и подростковую аудиторию, начинаются со слова «приключения»: «Приключения Оливера Твиста» Чарльза Диккенса, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого, «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина.

Еще одна повествовательная стратегия, которой пользуется как классическая литература, так и беллетристика, а тем более массовая литература, – это смена рассказчика. Разнообразие рассказчиков в «Герое нашего времени» позволяет с разных сторон охарактеризовать личность Печорина, а в романе У. Коллинза «Женщина в белом» – создать завесу тайны над странным происшествием.

Смена времени и места повествования также является повествовательной стратегией. В исторической драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» время и место действия меняются неоднократно, что делает эту пьесу трудной для сценического воплощения. И хотя во времена Пушкина еще не было кинематографа, поэт своим произведением как бы предвосхитил кинематографические приемы.

Хронотопическая изменчивость свойственна и многим произведениям массовой литературы: действие может переноситься в далекое прошлое, в экзотические страны и даже в иные, внегалактические цивилизации. И в произведениях современной литературы, еще не ранжированной по степени их отнесенности к классике или беллетристике, также можно увидеть хронотопические сдвиги. Так, например, новый роман Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» (издан в 2022 г.), с подзаголовком «Жизнеописание в картинках», построен как «гирлянда» ярких эпизодов детства, юности и зрелости героя, его профессионального роста на родине и в эмиграции, сгруппированных условно-хронологически. Место действия – Ленинград, его дачные окрестности, литовские Друскеники, куда мальчика вывозили на лето, а также Израиль, куда в 1990 г. герой эмигрировал с женой и двумя сыновьями и где пытался продолжить свою медицинскую карьеру.

Хронотопическая изменчивость свойственна и роману М.А. Замшева «Концертмейстер» (2020). Автор обращается к судьбе профессионального музыканта Арсения Храповицкого, показывая героя и его семейное окружение в переплетении с судьбами его знакомых и знакомых его родственников. В семи частях романа действие переносится, непоследовательно, в разные временные отрезки, диапазоном от 1948 до 1985 г. Роман начинается с события, которое произошло в 1985 г., – с возвращения «блудного сына» в Москву, в композиторский дом на улице Огарева.

События разворачиваются преимущественно в Москве, где живут Храповицкие и Норштейны, затем действие частично переносится в Ленинград, куда после семейного разрыва уезжают отец с Арсением. Несколько эпизодов происходят во Владимире, где обитает любовник матери Арсения – Волдемар Саблин, врач по профессии и диссидент.

Хронологическая прерывистость является одной из повествовательных стратегий в этом романе: обращение к прошлому семьи помогает понять истоки того или иного характера, выявляет семейные «скелеты в шкафу», нарушает читательские ожидания, закручивая тем самым интригу. Перенос действия из Москвы в Петербург, помимо традиционного противопоставления двух столиц, демонстрирует не столько несколько иной стиль жизни, сколько стадии взросления главного героя. Хронотопическое разнообразие в этом произведении выполняет, в том числе, сюжетообразующую функцию.

Еще одна повествовательная стратегия, характерная как для классической, так и для массовой литературы, – это диалогичность. В классической литературе образцовой формой этой стратегии является роман в письмах, например «Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Подчеркнутая диалогичность организует полифонические романы Достоевского. В произведениях массовой литературы диалогов в принципе много, но они не имеют идеологического или философского подтекста.

Повествовательные стратегии связаны с такой фундаментальной литературоведческой категорией, как категория автора. В классических романах XIX в. автор может быть выражен неявно, как у Тургенева, «тайного психолога», но он есть обязательно, задача же читателя – увидеть признаки его присутствия в тексте, начиная от мнимого издателя и предисловия, как в «Повестях Белкина», и заканчивая разно-

стью между Онегиным и поэтом, создавшим роман, между Гоголем и повествователем в «Мертвых душах». Провозглашая смерть автора, постмодернизм деконструирует реальность и в то же время еще больше запутывает читателя.

В современной российской литературе есть произведение, где метафора «смерть автора» реализуется в тексте и становится основой сюжета. Это роман Юрия Полякова «Козленок в молоке», в котором Витек Акашин, человек рабочей профессии, совершенно не имеющий никакого отношения к литературе, в результате пари двух нетрезвых литераторов становится раскрученным писателем, а рукопись его романа в конце концов оказывается стопкой пустых страниц. Объектом сатиры в этом произведении становится литературная и околολитературная среда, напоминающая среду завсегдатаев «Грибоедова» в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова.

Литературность – еще одно общее свойство классической и массовой литературы, однако природа этого явления в том и другом случае различна. Цитаты, реминисценции, аллюзии – неотъемлемое качество классики. Вспомним символы Дома Турбиных: это не только кремовые шторы, но и пушкинская «Капитанская дочка» и Наташа Ростова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», и герои этих упомянутых у М.А. Булгакова произведений не случайно живут во времена испытаний русской государственности.

Литературность массовой литературы, по справедливому замечанию Л. Гудкова и Б. Дубина, означает «онтологичность изображения реальности» [Гудков, Дубин, 1994, с. 72]. «Маркеры интертекстуальности, – подчеркивает М.А. Черняк, – могут быть подготовлены автором массовой литературы в виде прямого указания на источник в сносках или словах кого-нибудь из персонажей или в эпитафиях, они в какой-то степени помогают “наивному” читателю атрибутировать текст. Типология интертекстуальных элементов и связей в массовой литературе может быть представлена дописыванием текста, различными вариациями на тему предтекста и др.» [Черняк, 2009, с. 219–220]. В качестве примера подобного рода можно привести роман Б. Акунина «Ф.М.», представляющий собой псевдочерновик «Преступления и наказания» Достоевского и сопутствующую детективную историю.

Таким образом, сложно выделить повествовательную стратегию, характерную исключительно для классики, для беллетристики или же для массовой литературы. И авантюренность, и диалогичность, и смена рассказчика, и демонстративная литературность используются как в классических произведениях, так и в произведениях беллетристики и массовой литературы, однако цели использования повествовательных стратегий в том или ином произведении могут существенно различаться. Принадлежность произведения к одной из названных выше групп, его место в литературной иерархии определяется иным – степенью художественности.

Список литературы

Артамонова М.В., Тулина Е.В. Сравнительный анализ восприятия массовой литературы западными и российскими читателями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 458–461. – URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019/3/96> (Дата обращения: 20.06.22)

Гаджиев, Асиф Аббас оглу. Сетература : история, типология и поэтика русской сетевой литературы : Тезисы лекций в Бакинском славянском университете. – Баку : Мутарджим, 2012. – 76 с.

Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт : статьи по социологии литературы. – Москва : Новое литературное обозрение, 1994. – 350 с.

Кузнецова Т.Ф., Луков Вл. А., Луков М.В. «Масса», «массовая культура», «массовая литература» // Научный вестник Гуманитарно-социального института. – 2018. – № 7. – С. 6.

Купина Н.А. Массовая литература сегодня. – Москва : Флинта, 2009. – 423 с.

Литвиненко Н.А. Массовая литература и феномен массового в литературе и культуре : некоторые аспекты // Вестник Университета Российской академии образования. – 2002. – № 1. – С. 4–33.

Макаров А.Н., Тютюнник И.А., Тютюнник С.И. Становление, развитие и тенденции тривиальной (массовой) литературы в Германии // Общество. Наука. Инновации : Сборник статей XIX Всероссийской научно-практической конференции : в 4 т. / Вятский государственный университет. – 2019. – С. 619–624.

Мищенко Т.А. «Чайка» Б. Акунина – феномен массовой литературы // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 1(29). – С. 131–138.

Некрасова И.В. Современная русская проза: закономерности, тенденции, имена : научно-методическое пособие. – Брно : Tribun EU, 2018. – 208 с.

Татарникова Л.Р. Аксиосфера современной массовой литературы // Россия – Запад – Восток: взаимодействие культур и литератур / под ред. Т.В. Воронченко. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2015. – С. 93–96.

Черняк М.А. Массовая литература XX века : учеб. пособие. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 432 с.

Щи́ровская Т.Н. Типология сюжетов в произведениях отечественной массовой литературы 1990–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2006. – 23 с.

References

Artamonova, M.V., Tulina, E.V. Sravnitel'nyj analiz vospriyatiya massovoj literatury zapadnymi i rossijskimi chitatel'yami [Comparative analysis of the perception of mass literature by Western and Russian readers]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., Vol. 12, 2019, issue. 3, pp. 458–461. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019/3/96> (Date of access: 20.06.22) (In Russ.)

Gadzhiev, Asif Abbas oglu. *Seteratura: istoriya, tipologiya i poetika russkoj setevoj literatury. Tezisy lekcij v Bakinskom slavyanskom universitete* [Netliterature: history, typology and poetics of Russian Netliterature. Abstracts of lectures at Baku Slavic University]. Baku, Mutardzhim Publ., 2012. 76 p. (In Russ.)

Gudkov, L., Dubin, B. *Literatura kak social'nyj institut: Stat'i po sociologii literatury* [Literature as a social institution: Articles on the sociology of literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 350 p. (In Russ.).

Kuznecova, T.F., Lukov, V.I.A., Lukov, M.V. «Massa», «massovaya kul'tura», «massovaya literatura» [“Mass”, “mass culture”, “mass literature”]. In *Nauchnyj vestnik Gumanitarno-social'nogo instituta*, no 7, 2018, p. 6. (In Russ.).

Kupina, N.A. *Massovaya literatura segodnya* [Mass literature today]. Moscow, Flinta Publ., 2009. 423 p. (In Russ.).

Litvinenko, N.A. Massovaya literatura i fenomen massovogo v literature i kul'ture: nekotorye aspekty [Mass literature and the phenomenon of mass in literature and culture: some aspects]. In *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya*, no 1, 2002, pp. 4–33. (In Russ.).

Makarov, A.N., Tyutyunnik, I.A., Tyutyunnik, S.I. Stanovlenie, razvitie i tendencii trivial'noj (massovoj) literatury v Germanii [Formation, development and trends of trivial (mass) literature in Germany]. In *Obshchestvo. Nauka. Innovacii. Sbornik statej XIX Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 4 t. Vyatskij gosudarstvennyj universitet*, Kirov, Vyatskij gosudarstvennyj universite Publ., 2019, pp. 619–624. (In Russ.).

Mishchenko T.A. “Chajka” B. Akunina – fenomen massovoj literatury [“The Seagull” by B. Akunin – the phenomenon of mass literature]. In *Gumanitarnye issledovaniya*, no 1 (29), 2009, pp. 131–138. (In Russ.).

Nekrasova, I.V. *Sovremennaya russkaya proza: zakonomernosti, tendencii, imena: nauchno-metodicheskoe posobie* [Modern Russian prose: patterns, trends, names: a scientific and methodological manual]. Brno, Tribun EU Publ., 2018, 208 p. (In Russ.).

Tatarnikova, L.R. Aksiosfera sovremennoj massovoj literatury [Axiosphere of modern mass literature]. In *Rossiya – Zapad – Vostok: vzaimodejstvie kul'tur i literatur* / Pod red. T.V. Voronchenko [Russia – West – East: Interaction of cultures and Literatures / edited by T.V. Voronchenko]. Chita : Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, pp. 93–96. (In Russ.).

Chernyak, M.A. *Massovaya literatura XX veka: ucheb. posobie* [Mass literature of the twentieth century: studies. Manual], 3-e izd. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009, 432 p. (In Russ.).

Shchirovskaya, T.N. *Tipologiya syuzhetov v proizvedeniyah otechestvennoj massovoj literatury 1990–2000-h godov* [Typology of plots in the works of Russian mass literature of the 1990 s-2000 s]. Avtoreferat diss. ... kand. filol. Nauk. Armavir, Armavirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2006, 23 p. (In Russ.).

Кузнецова Е.В.*

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ®**

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена средств массовой информации как фактора, определяющего особенности и перспективы развития массовой культуры на этапе информационной цивилизации. Автор, используя сравнительно-исторический и типологический методы, демонстрирует развитие средств массовой информации на этапе индустриальной цивилизации и информационной цивилизации, анализируя вместе с тем степень влияния массмедиа на массовую культуру в обе эпохи. Согласно выводу статьи, электронные медиа могут представить новые возможности для возрождения элитарной культуры, при этом массовая культура отойдет на второй план.

** Кузнецова Евгения Владимировна – кандидат философских наук, доцент, докторант Белорусского государственного университета культуры и искусств, старший научный сотрудник Института философии Национальной Академии наук Беларуси, Минск, Беларусь, kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru*

Kuznetsova Evgeniya Vladimirovna – PhD in Philosophy, Associated Professor, Doctoral Student of Belarusian University of Culture and Arts, Senior Fellow of the Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

© Кузнецова Е.В., 2022

Ключевые слова: массовая культура; средства массовой информации; телевидение; интернет; электронные медиа; общественное сознание; гиперреальность.

Поступила: 01.03.2022

Принята к печати: 17.04.2022

Kuznetsova E. V.

**Mass media as a factor of cultural and communicative practices'
forming in the conditions of informational civilization**

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of mass media as a factor determining features and perspectives of the development of mass culture at the stage of informational civilization. The author uses comparative-historical and typological methods and demonstrates the development of mass media at the stage of industrial civilization and informational civilization, analyzing the degree of influence of mass media on mass culture in both eras. According to the conclusion of the article, electronic media can present new opportunities for the revival of elite culture, while mass culture will go into the background.

Keywords: mass culture; mass media; television; Internet; electronic media; public consciousness; hyperreality.

Received: 01.03.22

Accepted: 17.04.22

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Средства массовой информации как фактор формирования культурно-коммуникативных практик в условиях информационной цивилизации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 177–188. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.13

Массмедиа в эпоху информационной цивилизации определяют структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени человеком, перестраивают социальные институты, трансформируют систему ценностей. Средства массовой информации не просто отображают окружающую действительность, они являются мощным инструментом формирования общественного мнения, оценочно-личностных суждений, а также средством регулирования ряда социокультурных процессов, в том числе культурно-коммуникативных практик. Отсюда множество функций, которые

реализуют современные СМИ: идеолого-пропагандистская, координирующая, образовательная, когнитивная и т.д. При этом необходимо отличать СМИ индустриальной эпохи от СМИ информационной эпохи. Массмедиа информационной цивилизации формируют новый духовный мир – крайне разнородный, «мозаичный», смещающий границы реального и виртуального пространств. Отсюда цель нашего исследования – выделить основные особенности культурно-коммуникативных практик, в том числе массовой культуры, в условиях информационной цивилизации и в контексте развития электронных средств массовой информации.

В настоящее время возникают различные направления и тенденции в изучении средств массовой информации, или массмедиа (если мы используем кальку с английского языка), складываются разнообразные подходы и точки зрения. Терминология также различна: средства массовой информации, средства массовой коммуникации, массмедиа, массовые коммуникации. В традиционной терминологии слово «коммуникация» означает определенный процесс преобразования данных знаков в знание, а вариант множественного числа – коммуникации – знаки, которые придают смысл повседневной жизни, при этом знаковые системы могут быть весьма многообразными. Под средствами массовой информации, или массмедиа, обычно понимают любое средство коммуникации, которое передает то или иное сообщение. Для информационной цивилизации более точным, с нашей точки зрения, является термин «средства массовой коммуникации», поскольку он отражает двустороннюю связь между коммуникантами. Мы в нашей работе будем использовать оба термина: средства массовой информации и средства массовой коммуникации, поскольку второй термин пока еще не заменил первый в полной мере.

Известный канадский исследователь в области средств массовой информации Г.М. Маклюэн утверждает, что все происходящие на разных исторических отрезках развития общества процессы демонстрируют, что смена технологий, порождающая смену способа коммуникации, выступает решающим фактором трансформации или формирования конкретной социально-экономической системы [Маклюэн, 2005, с. 124]. Более того, исследователь замечает, что вся история человечества есть, собственно, история развития способов

коммуникации. Основываясь на данном тезисе, он предлагает свою классификацию истории цивилизации. Итак, Г.М. Маклюэн выделяет следующие этапы:

1) первобытная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации, базирующаяся на принципах коллективного образа жизни;

2) письменно-печатная культура («галактика Гутенберга»), заменившая коллективизм индивидуализмом;

3) текущий этап, когда общение происходит на электронно-цифровой основе – с помощью радиотелевизионных и сетевых средств массовой информации или коммуникации.

Если в период дописьменной культуры устное слово было единственным источником информации, то в эпоху «галактики Гутенберга» получение информации осуществлялось через чтение – один из наиболее сложных каналов восприятия. Но пресса как одно из средств массовой информации периода письменно-печатной культуры имеет целый ряд недостатков с точки зрения сегодняшнего дня: во-первых, чтение требует определенных усилий и сосредоточенности со стороны реципиента, во-вторых, печатные СМИ в основном носят локальный характер, в-третьих, они характеризуются слабой оперативностью и относительной экономностью размещения информации, в-четвертых, понимание со стороны аудитории достигается только путем полного погружения реципиента в данный информационный материал.

На третьем этапе существования СМИ появляются радио и телевидение, совершившие своим появлением настоящую революцию в медийном пространстве. Радио, в частности, стало довольно эффективным и экономным вариантом распространения информации. Радио значительно облегчило человеку поиск информации, радиоэфир, как правило, настроен на наиболее удобное для различных категорий населения и территорий время вещания, при этом «живое слово», которое человек слышит по радио, умело влияет на сознание аудитории разного возраста, разного уровня образования, с самыми разными вкусами, привычками, пристрастиями.

Но особым образом из всех действующих средств массовой коммуникации ученые, в частности тот же Г.М. Маклюэн, выделяют телевидение, которому приписываются следующие характеристики:

- ✓ мозаичность построения телевизионного изображения, представляющего весь мир в качестве набора несоединенных между собой сообщений, «множества точек и пятен»;
- ✓ резонанс этих сообщений в воспринимающем их сознании, объединяющий все сообщения в целостное смысловое единство;
- ✓ активное участие зрителей в освоении телевизионной мозаики, когда каждый из них складывает свою собственную картинку в зависимости от степени образованности, культурной картины мира, жизненного опыта, менталитета и настроения в тот или иной момент просмотра телепередачи [Маклюэн, 2005, с. 152].

Для телевидения самым важным является: взаимодействие визуального и слухового воздействия, создание эффекта присутствия, показ под определенным ракурсом. Телевизионная картинка – это своеобразная упрощенная модель личного общения, которая позволяет телеаудитории полностью погрузиться в созданную реальность и ощутить себя непосредственными участниками процесса коммуникации. Это выступает как преимущество и одновременно недостаток данного медиа, поскольку телевидение способно благодаря визуализации и «закадровым» комментариям тех или иных событий или заявлений «запрограммировать» население, навязав свое видение социокультурной, политической или экономической реальности.

Еще один исследователь в области массмедиа Р. Вильямс связывает актуализацию роли средств массовой информации в целом и телевидения в частности с эпохой индустриализации. Именно во время роста массового производства возникает, как он пишет, сочетание роли человека как участника глобализации и одновременно его желания создать свой мирок. Ученый указывает, что таким образом рождается опыт нового типа [Williams, 1992, с. 70]. Отсюда и определяющая роль телевидения в формировании массовой культуры эпохи индустриализма, поскольку именно телевидение позволило ей захватить весь мир.

Впервые феномен массовой культуры и массовости был обоснован испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом. «Массовая культура, – как он пишет, – это культура массового человека, воспринимающего жизнь как поле наслаждений, убежденного, что общество и государство должны удовлетворять его желания» [Ортега-и-Гассет, 1989, с. 122]. Примерно с 50-х годов XX в. массовая

культура рассматривается в качестве феномена индустриального общества. К. Манхейм определяет массовую культуру как результат политических, экономических, социокультурных процессов [Манхейм, 1991, с. 41]. Феномен возникновения массовой культуры он объясняет социальными трансформациями не только массы, но и элиты. Изменение статуса высокой культуры в обществе связано, по его мнению, с увеличением числа элитарных групп, утратой их обособленности, взаимной нейтрализацией, что вызвано, в свою очередь, демократизацией.

Иллюзорность, стереотипность, потребность в некоей защите от многих негативных событий в жизни – все это характерно для массового потребителя периода индустриализации, и это обеспечивают ему образцы массовой культуры, носителем которых выступают средства массовой информации. В XXI в. доминантой среди средств массовой коммуникации становятся электронно-цифровые медиа [Маклюэн, 2005, с. 77]. М. Маклюэн считает, что изобретение электронных средств массовой коммуникации совершило революцию в способах общения и в развитии цивилизации в целом; пространство и время сокрушены, мир превращен в «глобальную деревню», человек находится в уникальной ситуации «плюрализма миров и культур». Таким образом, это дает нам право говорить о формировании новой медийной культуры, которая основывается на сети Интернет.

Интернет завоевывает все больше пространства как в области распространения информации, так и в области создания культурных образцов. Он способен перешагнуть через пространство и время. При этом Интернет справедливо воспринимается многими людьми как наиболее демократичная среда получения объективной информации ввиду сложности процедуры цензурирования Всемирной паутины. Появление глобальной коммуникационной сети – это возможность создания виртуальных обществ, включающих в себя пользователей, для которых социальные сети – это жизненная среда и место самореализации. Массовизация сменяется демассификацией.

Действительно, интернет-среда создает множество самых разнообразных форм взаимодействия, демонстрируя тем самым, что она является средством не только распространения информации, но и

осуществления коммуникации. М. Моррис выделяет четыре такие основные формы или категории осуществления коммуникации:

1) асинхронная коммуникация «один на один» (электронные письма);

2) асинхронная коммуникация «многих со многими» (сводки, листы рассылок, где требуется согласие на рассылки или пароль для входа в программу, в которой сообщения касаются определенных тем);

3) синхронная коммуникация «один на один», «один и несколько», «один с несколькими», которая строится вокруг какой-либо конкретной темы (ролевые игры, чаты, социальные сети);

4) асинхронная коммуникация, где пользователь обычно пытается разыскать сайт для получения определенной информации; здесь можно встретить коммуникацию «многие и один», «один на один», «один и многие» (веб-сайты, блоги) [Моррис, Оган, 1996, с. 4].

Развитие массовых коммуникаций привело к превращению толпы в публику. Она не ограничена непосредственным физическим контактом со своими единомышленниками, пространством, в котором необходимо действовать, а главными связующими элементами для нее выступают ментальная связь, духовные и знаковые коммуникации. Всех коммуникантов объединяет внутреннее ощущение приверженности к определенной группе, разделяющей их взгляды и убеждения, пусть и на расстоянии.

Интернет представляет собой мультимедийную платформу, обеспечивающую слияние всех традиционных СМИ в рамках одного. Всемирная сеть объединяет в себе телевидение (сайты телеканалов), прессу (электронные страницы печатных изданий), радио (возможность прослушивания необходимых радиостанций). При этом Интернет более личностно ориентирован, так как каждый пользователь самостоятельно выбирает нужные для себя, полезные и интересные источники информации.

Однако разрешая одни противоречия, вызванные СМИ эпохи индустриализации, электронно-цифровые средства создают другие. В первую очередь, это сложные «взаимоотношения» человека с компьютером. Пользователь оказывается слишком привязанным к компьютеру, машине. Испытывая трудности при общении в социуме, он пытается решить эти проблемы в виртуальном пространстве. Ему ка-

жется, что гаджет – это его «друг», он его «понимает». На самом деле это заблуждение, которое может привести к жесточайшему разочарованию и даже к психическому заболеванию, когда человек окончательно «потеряется» и в жизни, и в Интернете.

Второе – это наличие непроверенной информации, ложных, так называемых фейковых сведений, из которых рождаются слухи. Слухи выступают как специфический феномен распространения неподтвержденной, но выглядящей правдоподобно, информации по неофициальным каналам. Отсюда развитие такого явления, как информационно-психологические войны, когда происходит откровенная манипуляция фактами или подмена подлинной информации ложной.

Третий момент, на который следует обратить внимание, – исключительная визуализация. Радио, пресса и телевидение имеют монологичную, т.е. одностороннюю линию передачи информации. Но с развитием средств массовой информации в сторону электронных медиа эта линия меняется и приводит к трансформации характера интеллектуальной реакции на поступающую информацию. Если со времени изобретения книгопечатания интеллектуальная мысль двигалась, опираясь на знаки-символы, то отныне она опирается прежде всего на изображение. Агрессивность воздействия этих изображений заключается в том, что они не оставляют места для критического осмысления, анализа, рефлексии, они погружают в состояние пассивного восприятия.

Цифровизация телевидения привела к тому, что все больше процесс целостного просмотра той или иной передачи заменяется зэппингом – постоянным переключением каналов, в результате чего создается эффект одновременного просмотра большого количества передач. Это во многом позволяет говорить о том, что современный зритель уже не в состоянии воспринять какую-либо смысловую целостность содержания, но одновременно в поле его сознания образуется ряд фрагментов, которые, в свою очередь, формируют некий фрагментированный коллаж культурного опыта. Видео используется для того, чтобы фрагменты, не представляющие интерес для зрителя, но занимающие место в коммуникационной цепочке, могли быть легко удалены. То есть современный зритель имеет дело не с чем иным, как с дайджестом. Дайджест, в свою очередь, является «фреймом» (если воспользоваться терминологией И. Гофмана). Фрейм

предлагает аудитории некий фрагмент (текстовый, визуальный), в который уже заложен определенный смысл, и именно он должен быть «пойман» читателем (зрителем, слушателем), чтобы тот впоследствии воспроизводил его как собственное понимание в каких-либо действиях и поступках. Таким образом, мы имеем дело с определенного рода «запрограммированностью» сознания современной аудитории.

Следующая, и основная, на наш взгляд проблема, обусловленная развитием сети Интернет, – это создание гиперреальности, или виртуального пространства. Гиперреальность – это то, что получается в итоге воздействия на сознание человека всех входящих факторов в преломлении его сознания. Гиперреальность, на первый взгляд, предоставляет человеку огромный выбор для исполнения различных ролей и своей самореализации. Если в реальной жизни человек зачастую не может в силу ряда причин (социальные нормы, религиозные предрассудки, культурные традиции) реализовать какие-то свои желания и потребности, то виртуальная реальность такие возможности ему предоставляет. Но широкий выбор ролей на самом деле обесценивает субъекта и обезличивает его. Кроме того, в Сети человек предстает чисто символически, только через тексты, иллюстрации, фрагменты, и его подлинная сущность растворяется. Виртуальная идентичность, созданная в гиперреальности, в целом оказывается не более чем иллюзией, фантомом.

Гиперреальность по сути представляет собой субъективно-симуляционный феномен. По мнению Г.М. Маклюэна, «гиперреализм есть высшая форма искусства и реальности в силу обмена, происходящего между ними на уровне симулякра, – обмена привилегиями и предрассудками, на которых зиждется каждое из них. Гиперреальность лишь постольку оставляет позади репрезентацию, поскольку она всецело заключается в симуляции» [Маклюэн, 2000, с. 93]. Эпоха и общество, в котором мы живем, являются основой для гиперреальности. Причем эта самая гиперреальность воспринимается гораздо реальнее, несмотря на свою виртуальную природу. Французский социолог Ж. Бодрийяр описывает соотношение реальности и симулякра следующим образом: «Территория больше не предшествует карте, не переживает ее. Отныне территории предшествует карта – прецессия симулякров – теперь она (карта) порождает территорию» [Бодрийяр, 2000, с. 76]. Нынешняя система коммуникаций формирует определен-

ные коды и смыслы, которые подчиняют себе реальность и унифицируют ее под требования общества.

Отсюда и характерные черты новой массовой культуры – порождения уже информационной цивилизации. Известный итальянский философ, специалист по семиотике У. Эко продолжает мысль Ж. Бодрийяра относительно симуляции реальности. По мнению У. Эко, продукт современной культуры – это виртуальное пространство, являющееся одновременно реальным и иллюзорным. Это некая знаковая совокупность, дублирующая мир, однако подобный процесс копирования мира есть необходимый элемент восприятия субъекта, так как вне знаковости мир как бы и не существует. Любой символический мир для У. Эко, будь то мир фотографии или кино, есть кодированная реальность, дублирующая подлинную, позволяющая субъекту интерпретировать и конструировать мир вокруг себя [Эко, 1997, с. 9].

Известный французский философ и социолог А. Моль указывает, что характер современной культуры мозаичный, «клиповый», т.е. это «целое, собранное из отдельных кусков». «Необходимо свыкнуться с мыслью, что мы живем в окружении мозаичной культуры, что именно эта культура определяет наши поступки» [Моль, 2005, с. 90]. Моль считает, что «мозаичная культура» выступает как совокупный продукт изобилия всевозможных знаний и действия технических средств массовой коммуникации. При этом он пишет, что было бы ошибочным относить к культуре только произведения искусства, для него культура – «семантические или эстетические факты» повседневной жизни» [Моль, 2005, с. 92].

Следует, безусловно, согласиться с Модем в том, что культура настоящего – это набор различного рода явлений, когда на месте одного возникает другое, предыдущее исчезает, стирается подобно компьютерному тексту. И практически любое культурное явление, любой фрагмент на какое-то время может стать образом. По сути, данный феномен можно охарактеризовать как картинку-пазл (от *англ.* puzzle – головоломка, ребус из составных частей) или калейдоскоп (термин принадлежит К. Леви-Стросу), когда происходит все новый и новый набор «фишек», и этот набор каждый раз формирует новый образ. Но, как всякий пазл, современная массовая культура является не подлинной реальностью, а реальностью вымышленной, искусственной, симулированной, гиперреальностью.

Американский футуролог Э. Тоффлер продолжает и отчасти дублирует идеи А. Моля и К. Леви-Строса. «Люди Третьей волны учатся создавать свои собственные “полосы” идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации» [Тоффлер, 2002, с. 167]. Отсюда и особенность мышления современного субъекта – оно синтетическое, не аналитическое, и также для него характерна некая «клиповость».

В современных условиях процесс массовой коммуникации детерминирует формы и содержание культуры, с одной стороны, с другой – является их продуктом. СМИ создают новую реальность – виртуальную, зачастую подменяя подлинную, создают и новую культуру – глобальную, стремясь заменить этнонациональные культуры народов. Говоря о массовой культуре, мы часто олицетворяем ее с медиакulturой, и ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что массмедиа оказывают решающее влияние на общественное сознание. Современная культура представляет собой набор отдельных эпизодов, фрагментов, клипов. Каждый человек выстраивает из предложенных ему фрагментов свою собственную «картинку-пазл». Продолжающийся рост информационных технологий, увеличение скорости жизни современного социума продолжают видоизменять характеристики массовой культуры. Средства массовой информации информационной эпохи зачастую не создают реальность, что вменялось, скажем, массмедиа индустриального периода, и даже не подменяют ее, а симулируют, копируют и фрагментируют таким образом, каким считают нужным. Между тем все перечисленные характеристики принадлежат массовой, не элитарной культуре, которая пытается найти новые формы существования в виртуальной реальности. Возможно, именно Интернет, как ни парадоксально это звучит, благодаря своим техническим возможностям, будет способствовать «вымиранию» массовой культуры, в то же время открывая медийное пространство для возрождения культуры элитарной.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – Москва : Рольф, 2000. – 430 с.
- Маклюэн Г.* Галактика Гуттенберга : становление человека печатающего. – Москва : Академический проект : Фонд. «Мир», 2005. – 486 с.

- Маклюэн Г. Понимание медиа : внешние расширения человека. – Москва : АСТ, 2000. – 340 с.
- Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1991. – 220 с.
- Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. – Москва : КомКнига, 2005. – 353 с.
- Моррис М., Оган С. Интернет как масс-медиа // Журнал коммуникации. – 1996. – № 1. – С. 4–25.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 121–142.
- Торфлер Э. Третья волна – Москва : АСТ, 2002. – 606 с.
- Шепинская Е.Н. Телевидение как форма культуры // Массовая культура на рубеже веков : сб. статей. – Москва ; Санкт-Петербург : ДБ, 2005. – С. 12–125.
- Эко У. Пять эссе на тему этики. – Москва : Corpus (ACT), 1997. – 12 с.
- Williams R. Television. Technology and Cultural Form. – Hannover ; London, 1992. – 285 p.

References

- Baudrillard, J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Rolf Publ., 2000. 430 p. (In Russ.)
- McLuhan, G. *Stanovlenie cheloveka pechatayushego* [The Gutenberg Galaxy: Becoming a Typing Man]. Moscow, Akademicheskii proekt, Fonda. "Mir" Publ., 2005. 486 p. (In Russ.)
- McLuhan, G. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: external extensions of man]. Moscow, AST Publ., 2000. 340 p. (In Russ.)
- Manheim, K. *Chelovek i obschestvo v vek preobrazovaniya* [Man and Society in the Age of Transformation]. Moscow, INION AN SSSR Publ., 1991. 220 p. (In Russ.)
- Mol, A. *Sotsiodimika kul'tury* [Sociodynamics of Culture]: Per. s fr. Moscow: Izdatel'stvo KomKniga, 2005. 353 s. (In Russ.).
- Morris, M., Ogan, S. *Internet kak mass media* [Internet as mass media]. In *Zhurnal kommunikatsii*, no 1, 1996, pp. 4–25. (In Russ.)
- Ortega-i-Gasset, Kh. *Vosstaniye mass* [Revolt of masses] In *Voprosy filosofii*, no. 3, 1989, pp. 121–142. (In Russ.)
- Torffler, E. *Tretya volna* [The third Wave]. Moscow, AST Publ., 2002. 606 p. (In Russ.)
- Shepinskaya, E.N. *Televidenie kak forma kul'tury* [Television as a form of culture]. In *Massovaya kul'tura na rubezhe vekov* [Mass culture at the turn of the centuries]. Moscow, Saint Petersburg, DB Publ., 2005. pp. 12–125. (In Russ.)
- Eco, W. *Pyat' esse po etike* [Five Essays on Ethics]. Moscow, Corpus (AST) Publ., 1997. 12 p. (In Russ.)
- Williams, R. *Television. Technology and Cultural Form*. Hannover, London, 1992. 285 p.

Ремезова И.И.*

**К ВОПРОСУ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЙ
«МАССОВОЕ» И «ЭЛИТАРНОЕ»**

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи массовой и элитарной культуры. Анализируются понятия «масса», «массовое» и «массовый человек» в историческом контексте. Рассматривается роль элиты в развитии общества. Исследуется проблема творчества как базового принципа элитарной культуры.

Ключевые слова: массовая культура; элитарная культура; тоталитарная культура; «массовый человек»; творчество; элитарность.

Поступила: 07.06.2022

Принята к печати: 01.07.2022

**Remezova I.I.
On the issue of interpretation of the concepts of “mass” and “elite”**

Abstract. The article is devoted to the problem of the interrelation of mass and elite culture. The concepts of “mass” and “mass man” are analyzed in the historical context. The role of the elite in the development of

* **Ремезова Ирина Ивановна** – кандидат философских наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: iremez.koz@yandex.ru

Remezova Irina Ivanovna – PhD in Philosophy, Scientific Employee of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: iremez.koz@yandex.ru

society is considered. The problem of creativity as a basic principle of elite culture is investigated.

Keywords: mass culture; elite culture; totalitarian culture; “mass man”; creativity; elitism.

Received: 07.06.2022

Accepted: 01.07.2022

Для цитирования: Ремезова И.И. К вопросу трактовки понятий «массовое» и «элитарное» // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 189–208. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.14

Введение

Понятие массовой культуры, несомненно, связано с понятием массы, но связь эта не является прямой и однозначной. Особенности трактовки понятия массы (в контексте связи с человеческим сообществом) представляют немалый интерес, в частности, в связи с тем, что ушедший в историю XX век именовался рядом исследователей «веком толп» (Г. Лебон, С. Московичи и др.). Вопрос о роли народных масс в истории не теряет своей актуальности в наше время, так же как и вопрос о специфике массовой культуры и ее взаимосвязей с культурой элитарной.

Среди современных исследователей нет полного единодушия в трактовках понятия массовой культуры и объяснения специфики самого феномена массовой культуры. В частности, если говорить о происхождении данного феномена, можно отметить, что И.В. Кондаков полагает, что «...массовая культура существовала всегда, но исторически менялась, приобретая в каждую культурную эпоху свои специфические (структурно-функциональные) черты – вместе с изменением представлений о массах и культуре...» [Кондаков, 2018, с. 6]. А.Я. Флиер, напротив, полагает, что подлинная массовая культура «зарождается только в Новое время в ходе процессов индустриализации и урбанизации, трансформации сословных обществ в национальные, становления всеобщей грамотности населения, деградации многих форм традиционной обыденной культуры доиндустриального типа, развития технических средств тиражирования и трансляции информации и т.п.» [Флиер, 1998, с. 20–21]. Согласно И.В. Кондакову, 190

массовая культура «выделилась из традиционной (“народной”) культуры и всегда в той или иной мере сохраняла с ней связь <...> она органически присуща человеческой культуре вообще и является ее неотъемлемой составляющей во все времена, начиная с доисторических и кончая текущей современностью» [Кондаков, 2018, с. 7, 5]. В трактовке А.Я. Флиера массовая культура выступает главным образом как комплекс социальных проектов, связанных с воспитанием и образованием народных масс (это индустрия «субкультуры детства», массовая общеобразовательная школа, СМИ, система государственной идеологии и пропаганды, массовая социальная мифология, политические и общественные движения, система формирования массового потребительского спроса, индустрия досуга и др.) [см.: Флиер, 1998, с. 22]. Многообразие форм и видов проявления массовой культуры подтверждает необходимость уточнения терминологии, определения границ понятий и их смыслового содержания. Это должно послужить прояснению механизмов функционирования массовой культуры в ее взаимосвязи с другими формами культуры. Как замечает в связи с этим И.В. Кондаков, «массовая культура вырабатывает – по отношению к своему культурно-историческому “окружению” – основные механизмы социокультурной динамики, которые до сих пор остаются практически неизученными» ([Кондаков, 2018, с. 12], курсив мой. – И. Р.).

Гюстав Лебон и Габриэль Тард о понятии массы (толпы)

В своей книге «Психология масс», вышедшей в свет в 1894 г., Г. Лебон отмечает в качестве одной из выдающихся черт его времени вступление народных масс на арену политической жизни, т.е. их постепенное превращение в руководящие классы. Как пишет Лебон, «рост могущества толпы совершился прежде всего путем распространения известных идей, которые медленно насаждались в умах, а затем – посредством постепенного образования ассоциаций индивидов...» [Лебон, 2015, с. 11]. Какой бы характер ни имели идеи, внушаемые толпам, они, по мнению Лебона, могут овладеть умами людей лишь в том случае, если облакаются в простейшую форму и внедряются в сознание в виде образов. При этом сознательная личность исчезает, а чувства и идеи тех, кто составляет толпу, обретают единый вектор.

В результате образуется своего рода «коллективная душа», в которой, по словам Лебона, исчезают интеллектуальные способности индивидов, «разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества» [Лебон, 2015, с. 17]. Толпу такого типа Лебон называет «одухотворенной». Мы можем обнаружить в его труде вполне ясное и однозначное определение этого социального феномена. «Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна» [там же, с. 21–22]. По мнению Лебона, действия толпы в гораздо большей степени подчиняются влиянию спинного, нежели головного мозга, «и в этом отношении она приближается к совершенно первобытным существам» [там же, с. 20]. Лебон подчеркивает загадочный на первый взгляд парадокс толпы, суть которого сводится к тому, что изолированный от толпы индивид начинает подчиняться рассудку и освобождается от влияния массового возбуждения, нескритичности и легковерия, свойственных человеку в толпе. Эта «загадка» имеет простое объяснение, связанное с особенностями положения индивида в массе, когда он погружается в пространство анонимности, способствующее отключению механизмов самоконтроля. Индивид в массе утрачивает качества сознательной личности, он превращается в своего рода *автомат*, управлять которым его собственная воля бессильна. На этом основывается практика сеансов массового гипноза, который осуществляется по схеме «заражения идеей». В результате подверженности внушению толпа может стремительно менять свое «настроение» и самым невероятным образом «внезапно перейти от самой кровожадной жестокости к великодушию и выказать даже при случае самый абсолютный героизм». В интеллектуальном отношении толпа всегда стоит ниже изолированного индивида. Как замечает Лебон, «в толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» [там же, с. 17]. Толпа легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество [см.: там же, с. 20]. Лебон уверен, что могущество масс представляет собой силу, которой ничто не может противостоять. Говоря о грядущем времени, он предвидит ситуацию, которую описывает такими словами: «Наступающая эпоха будет поистине эрой

масс» [Лебон, 2015, с. 11]. Масса понимается здесь Лебоном традиционно как *толпа*.

Г. Тард не согласен с Г. Лебоном в отношении того, что XX век будет «эрой толпы», утверждая, что это будет скорее «эра публики, или публик» [Тард, 1902, с. 10]. С точки зрения Тарда, между толпой и публикой дистанция огромная, хотя, пишет он, «публика частично ведет свое начало от известного рода толпы, а именно от аудитории ораторов» [там же]. Согласно Тарду, в одно и то же время можно принадлежать к нескольким группам публики, но к толпе принадлежать можно только к одной. Однако и публика, возбужденная чем-либо, может легко превратиться в фанатичную толпу. К счастью, замечает он, такого рода превращения случаются довольно редко.

Серж Московичи о XX в. как «веке толп»

Серж Московичи также уверен, что XX век достоин звания «века толп». Он называет толпу «беспреданно кишащей людской массой в состоянии бурления». «Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий» [Московичи, 1998]. Именно в толпе наиболее ярко проявляется, на его взгляд, иррациональная сущность народной массы. «Взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства» [там же]. Иррациональность поведения становится основной характеристикой толпы. Люди, составляющие толпу, «ведомы беспредельным воображением, возбуждены сильными эмоциями» [там же]. Люди в толпе утрачивают всякую способность критически мыслить, «их совесть отступает перед силой иллюзий, как плотина сносится разбушевавшимися водами» [там же]. Говоря об иррациональной сущности масс, С. Московичи подчеркивает, что термин «масса» часто употреблялся со времен Французской революции, но «нужно было дождаться XX века, чтобы уяснить его смысл и придать ему научное значение» [там же]. XX век, век появления и бурного развития средств коммуникации совершил, по словам Московичи, переворот от культуры слова к культуре более могущественных наглядных образов. Ознаменовавшее собой XX в. развитие кино и телевидения открыло путь

для бурного развития визуализации в искусстве и коммуникации. С одной стороны, это способствовало облегчению восприятия «человеком массы» различных художественных идей (нет необходимости слишком напрягать интеллектуальные способности и расходовать мыслительные ресурсы). Это приводило к такому феномену, как «автоматическое мышление». Мышление такого типа, по мнению С. Московичи, «выражает восприимчивость к стойким, стереотипизированным и повторяющимся образам» [Московичи, 1998]. Разумеется, это не означает отмены воздействия силы слова – в данном случае к восприимчивости зрительного образа добавляется внушение словом, которое порой имеет магическую силу.

Однако, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что многообразие способов и путей визуализации в искусстве открывает новые горизонты для творческих личностей, способных создавать художественный продукт на границах различных жанров и направлений. Но это удел немногих – одаренных творческими способностями людей. Для основной массы людей в «век толп» характерны, согласно С. Московичи, автоматическое, шаблонное мышление и довольно узкий горизонт в их картине мира. За ними прочно закрепился термин «массовый человек», или «человек массы».

Хосе Ортега-и-Гассет о массовом человеке

«Мы – люди маленькие, что с нас возьмешь!» – вот девиз людей, которые вполне комфортно чувствуют себя в тени большой массы таких же «маленьких» людей. Это удобная позиция, не требующая принятия решений и ответственности. Именно это имел в виду Хосе Ортега-и-Гассет, когда 90 с лишним лет назад в своей работе «Восстание масс» предложил нестандартную трактовку понятий «массовое» и «элитарное». Ортега утверждал, что самым глубоким и радикальным делением человечества на группы было бы различие их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому («подвижники»), берет на себя труд и долг, и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывет по течению. Тем самым он делит общество на массы и избранное меньшинство, но проводит разделительную черту по иному принципу – это деление не на социальные классы, а на типы

людей. Он замечает при этом, что, строго говоря, в каждом классе можно обнаружить и «массу», и настоящее «избранное меньшинство». Как писал Ортега в 1930 г., «особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее... Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 47]. Ортега отмечает при этом, что история Римской империи стала историей господства массы, которая поглотила правящее меньшинство и встала на его место. Общество, которое не в силах справиться с «восстанием масс», испытывает культурный коллапс, оно обречено. Указанная ситуация связана с феноменом стадности, понятиями толпы и столпотворения.

О многоликости «человека массы»

На первый взгляд, Ортега придает понятиям «массовая культура» и «человек массы» однозначно негативную коннотацию. Но это не совсем так. Приступая к исследованию феномена «массового» человека и призывая читателя взглянуть в этот феномен, он называет его «чистой потенцией как высшего блага, так и высшего зла» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 70]. В данной формуле указаны два крайних полюса антропологической стратификации. Реальность гораздо сложнее и не сводится к однозначному противопоставлению всего двух типов людей, она представляет собой широкий и богатый спектр человеческих типов, характеров и особенностей. Разумеется, было бы ошибкой негативно оценивать все, что относится к понятию «человек массы». Один из крайних полюсов этого спектра действительно представлен такими характеристиками, как подверженность стихийности, непредсказуемость, неразвитость сознания (в частности, критического мышления), недостаточность образования, склонность к суевериям, внушаемость, слабость воли. Но есть и позитивная сторона массовости – это те культурные навыки, которые, пройдя проверку временем, «ушли в народ», стали культурным достоянием сообщества.

Элиас Канетти об особенностях массы

С точки зрения Э. Канетти, масса – это социальный организм, живущий по своим законам. Само понятие массы отмечено у Канетти чертами некоторой антропоморфности. Выражения типа «масса стремится» и «масса старается» неоднократно встречаются в его работе. «Жажда роста – это первое и высшее свойство массы. Она *старается* (курсив мой. – И. Р.) втянуть в себя каждого, кто в пределах ее досягаемости» [Канетти, 1997, с. 20]. Необычное поведение индивида в массе Канетти объясняет спецификой психологии личности. Он утверждает, что самое страшное для человека – это «прикосновение неизвестного», и только масса дает человеку возможность избавиться от этого страха. «Кто отдал себя на волю массы, не боится ее прикосновений. <...> Кто бы на тебя ни напирал, он такой же, как ты сам. Вероятно, этим объясняется, почему масса всегда *старается* (курсив мой. – И. Р.) стать как можно плотнее: она *хочет* (курсив мой. – И. Р.) максимально подавить свойственный индивидууму страх перед прикосновением. Чем сильнее люди сжаты, тем более они чувствуют, что не боятся друг друга» [там же].

XX в. – век господства «человека массы»

Возникает вопрос: в чем же загадка такого странного поведения масс и почему именно XX век демонстрирует особенно ярко проявления этой странности? Ответ можно почерпнуть из концепций философов, которые пишут о XX в. как веке техники и технической цивилизации. Освальд Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» предрекал скорый закат европейской, «фаустовской» культуры, мотивируя наступление заката процессами урбанизации и индустриализации, которые неизбежно приводят к «массовизации» человеческого общества, превращению народа в массу (см. об этом: [Тавризян, 2009, с. 25–69]). Именно рационалистическую цивилизацию, связанную с бурным развитием техники, он считал примером деградации высших духовных ценностей культуры. Очевидными симптомами приближения конца «фаустовской» культуры О. Шпенглер считал «усталость западноевропейского духа от техники», а также связанные с этим обострение социальных противоречий и рост напряженности между

196

«обреченными на монотонный механический труд массами и “избранными”, познающими всю радость творческого изобретательского труда» [Тавризян, 2009, с. 57–58]. Свое видение роли техники в судьбе человека и человечества Шпенглер развивал в известной работе «Человек и техника». Бурное развитие техники способствовало росту населения, увеличению объема «человеческой массы», обострению противостояния творческой личности и «человека массы», которое, по словам Шпенглера, способно порой обрести трагический характер. «Всеохватывающее духовное опустошение, безотрадное равнодушие, не ведающее ни высот, ни глубин, пробуждает ожесточенность – против жизни *одаренных*, против *рожденных* творцами. Работники не желают ни видеть, ни понимать, что труд вождя является самой тяжелой работой, что от ее исполнения *зависит* и их собственная жизнь» [Шпенглер, 1995, с. 486]. Масса исполнителей, состоящая из «маленьких людей», способна смотреть на труд предпринимателей, организаторов, изобретателей лишь «завистливым взглядом», как замечает Шпенглер.

Карл Ясперс о роли техники в жизни массового общества

Известный немецкий философ Карл Ясперс в своих трудах исследовал роль техники и технической эпохи в развитии человечества и судьбы отдельного человека. Возникновение массового общества, «общества потребления и деловитости», он непосредственно связывает с господством техники. В мире, где мерой человека становится средняя производительность труда, судьба самого человека перестает представляться особенной ценностью. «Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинно человеческой сущности. Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия» [Ясперс, 1991, с. 311]. Гигантский механизм технического способа бытия в своем производстве и сбыте продукции основывается, подчеркивает Ясперс, на массовой рабочей силе и массовом потребителе. Главной чертой технической эпохи становится обезличение, разрушение индивидуального бытия. В единичном индивиде живет только сознание социального бытия. Самого себя он ощущает как ни-

что. Во всем этом огромна роль бюрократического аппарата, обеспечивающего «массовый порядок существования». Организация жизни и труда в современном обществе связана, как пишет Ясперс, «с неизбежно массовым, все более обезличенным характером» [Ясперс, 1991, с. 311]. В условиях «господства и власти массы» Ясперс считает особенно острой проблему сохранения человеческого благородства и духа аристократизма. Он полагает, что аристократия подчас бывает подвержена такому перерождению, как превращение из «господства лучших» в «господство меньшинства». «То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания» [там же, с. 406]. Задачу современной эпохи он видит «в спасении воздействия наилучших, число которых невелико» [там же]. Ясперс всегда был всерьез озабочен вопросом соотношения техники и общества, проблемой технизации человеческой жизни. Пережив «эпоху становления тоталитарного могущества фашизма, его экспансии во всеоружии новейшей техники и гибель этой чудовищной машины, которой сумело противостоять и которую смогло сломить свободлюбие народов...» [Тавризян, 2009, с. 117], он не переставал углубляться в исследования процессов развития современного массового общества и массовой культуры, которой нередко может грозить опасность обрести черты культуры тоталитарной.

О специфике тоталитарной культуры

Именно феномен массовости прокладывает путь тоталитарной идеологии и служит для нее питательной средой. Тоталитарная культура, как замечает И.В. Кондаков, опирается на «массовый, аффектированный энтузиазм снизу, который подкрепляется апелляцией к простейшим архетипам архаического сознания. Она отличается причудливым сочетанием идеи преданности правящему режиму и его вождям с псевдодемократизмом, который находил свое проявление в поэтизации безликого “простого человека” из народа (т.е. массового человека) как воплощения вековой народной мудрости» [Кондаков, 1998 а, с. 261]. Главный пафос тоталитарной культуры, по мнению И.В. Кондакова, это идея консолидации и сплочения нации вокруг властных структур. В таких условиях массовая культура неизбежно

оказывается «под крылом» культуры тоталитарной. Своеобразную парадоксальность тоталитарной культуры И.В. Кондаков усматривает в том, что она, являясь по своей сущности культурой массовой, по своему происхождению коренится в культуре элитарной, поскольку «первоначально возникает из атмосферы и стиля, из норм и ценностей элитарного кружка, универсализируется в качестве некоей панацеи, а затем насильственно навязывается обществу в целом как идеальная модель и практически внедряется в массовое сознание и общественную деятельность любыми, в том числе внекультурными средствами» [Кондаков, 1998 б, с. 388].

Проблема насилия

Самым типичным «внекультурным» способом решения проблем культуры можно считать духовное насилие, но в условиях тоталитаризма оно без труда может перейти грань духовного и обрести реальные физические очертания. Как полагает В.К. Кантор, «насилие является константой как доисторического, так и исторического существования человечества, склонность к насилию, к агрессии заложена в саму природу живых существ» [Кантор, 2007, с. 66]. В.К. Кантор подчеркивает, что в российской истории «чаще всего торжествовали те, кто не останавливался перед крайним насилием. Рефлектирующие либералы терпели поражение. При этом насилие получало социокультурную легитимацию, принималось массовым сознанием и даже выступало в известном ореоле» [там же, с. 157]. Тот факт, что насилие легитимизировалось и принималось массовым сознанием, создавал условия для формирования у людей искаженных представлений о сущем и должном, что неизбежно приводило к искажению человеческой природы, внушению человеку убеждения в том, что он представляет собой незначительную величину, нечто, не имеющее серьезного веса в обществе, ничтожную малость, пылинку (пыль под ногами вершителей судеб). Массовость сама по себе всегда представляла в истории во многом загадочный феномен: с одной стороны, покорность, бессловесность, безропотность, податливость, иллюзорную безопасность для правящего меньшинства; с другой – непредсказуемость и стихийное бунтарство, доходящее порой до бандитизма, бесовства. Это стихий-

ное бунтарство вызвало к необходимости управлять им, дабы избежать абсолютно катастрофических последствий.

О содержании понятия «масса»

Традиционно характерным признаком человека как элемента, входящего в состав массы, считалось отсутствие лица и личности, безликость. По мнению В.И. Мильдона, «неразличение лица от массы веками воспитывалось в людях и поощрялось» [Мильдон, 2022, с. 190]. Именно это неразличение давало возможность воспринимать множество людей как «массу», такую субстанцию, которую можно «использовать по назначению», т.е. превращать в **средство**.

Не случайно в данном словосочетании используется слово «масса» – не множество индивидов, субъектов, единиц социальной общности, а именно масса, т.е. нечто аморфное, тягучее, малоподвижное, неструктурированное, пластичное, не разделенное на личности или индивиды, позволяющее лепить из себя что угодно. Масса – это нечто, лишенное субъективности, способное быть лишь объектом манипуляций, подвергаться дискурсивному подчинению, т.е. внушению необходимых для успешного управления ею штампов, шаблонов и стереотипов. Так называемому «простому» человеку, то бишь обывателю, порой отказывают в способности постигать сложные символы культуры, понимать значение метафор, метонимий, аллюзий, реминисценций и прочих иносказаний, ему отводится скромное место на обочине глубинного постижения смыслов. Для него адаптируют сложные классические произведения. Когда утверждают, что обыватель не способен понять иносказание и воспринимает информацию буквально, по существу ему отказывают в способности видеть чудесное в обыкновенном (иными словами – священное в мирском), что считается неизменным признаком мудрости, улавливать полет фантазии автора, постигать метафизическую реальность, а не только привычную повседневную, физическую. Массовая культура представляется в таком случае неполноценной, второсортной, неглубокой, приземленной, незатейливой, более того, ее порой называют эрзац-культурой.

Однако существует и более позитивная коннотация употребления понятия «массовая культура», когда ее трактуют как широко распространенную, популярную, хорошо известную. В настоящее время

можно наблюдать примеры преобладания коннотации именно подобного рода. Это связано с серьезными социокультурными и информационными процессами, порождающими явления не просто диалога культур, но процессы конвергенции массовости и элитарности как многоуровневой манифестации в различных культурных продуктах. Массовость и элитарность начинают обретать много новых точек соприкосновения.

Роль элиты в развитии общества

Нельзя не согласиться с мнением Ортеги-и-Гассета относительно того, что всякому обществу необходима творческая элита, в которую входят настоящие подвижники, люди, прошедшие своего рода духовную инициацию, иными словами, процесс «вочеловечения». М.Н. Эпштейн утверждает, что «для вочеловечения необходимо второе, духовное рождение, или своего рода “крещение” в человечество, т.е. сознательное принятие на себя миссии быть человеком – как приоритетной по отношению ко всем другим миссиям» [Эпштейн, 2016, с. 174]. Элитарность в культуре необходима обществу как прививка духовного здоровья и залог возможного развития. Носителями элитарности в обществе являются люди, способные совершить «прорыв к трансцендентному», в котором и обретаются высшие смыслы и ценности, осуществляются смелые фантазии и воплощаются идеалы. (О «прорыве к трансцендентному» см.: [Гайденок, 1997].)

Устремленность к трансцендентному как признак элитарности

Человек, стремящийся осознать свое положение в мире, но при этом лишенный ясного идеала, не имеющий представления о священном, трансцендентном мире, неспособен постоянно выдерживать на своих плечах тяжесть осознания той истины, что он одинок перед бесконечностью Вселенной, что силы его не безграничны. Но художник (в широком смысле этого слова), имеющий в своем духовном багаже представление о высших ценностях, не боится осознания этой истины. Он, как отмечает О.А. Кривцун, «хочет прорваться за открывшиеся горизонты. Да, его влечет бездна. Большинство людей живет так, чтобы скрывать от самого себя бездну, Ничто, довольствуясь видимостью

надежности и защищенности. Ужас пустоты в обыденной жизни спит» [Кривцун, 2022, с. 24]. Очень важно для художника не утратить драгоценный багаж представлений о смысле творчества, о главном содержании произведения – идеальном образе. Кроме того, стремясь совершить «прорыв к трансцендентному», нужно помнить, что трансцендентное трансцендентному рознь, так как бывает бездна космическая, ведущая к восхождению, и бездна хтоническая, особенно заманчивая, влекущая к падению. Если художник чрезмерно увлечен и зачарован этой темной бездной, он открывает дорогу Безобразному. Интерес к безобразному понятен, его невозможно запретить или уничтожить. Человек-творец всегда будет стремиться понять мир во всем его многообразии. По мнению В.И. Самохваловой, безобразное в небольших дозах необходимо – оно есть своего рода «прививка», способствующая выработке иммунитета против зла. Но когда безобразного слишком много, оно начинает восприниматься как нормальное и в результате может стать нормой. (Об этом необходимо помнить всем новаторам, кто экспериментирует в поле темы безобразного. Важным предостережением в этом смысле может служить пример офорта Франсиско Гойи «Сон разума порождает чудовищ».) Подлинно творческий человек способен переработать и преодолеть в себе тягу к безобразному. Как пишет В.И. Самохвалова, «демоны, вурдалаки, ведьмы и вампиры, оборотни, коварные, полные зловещего смысла, могут жить в каждом, гнездясь в его бессознательном, но только “сон разума порождает чудовищ, приходящих из фантазий и снов”, в сочетании же с разумом фантазия способна порождать все искусства и все чудесные творения» [Самохвалова, 2012, с. 371].

Творчество как базовый принцип элитарной культуры

Как замечает О.А. Кривцун, «...в мучительном горниле творчества переплавлены необузданность и самообуздание. Страсть и культура. Инстинкт и чувство формы» [Кривцун, 2022, с. 24]. Культура, и в первую очередь культура элитарная, неразрывно связана, сплавлена с творчеством. Как замечает Г.С. Померанц, культура есть «путь постоянного творческого усилия, восстанавливающего единство духа. Этот девиз зовет нас, всех, кто услышал его, не дожидаясь конца нацио-

нальных и конфессиональных споров, всем вместе противостоять вихрям, вырывающим человека из самого себя» [Померанц, 2014, с. 37].

Замечательно сказано про смысл творчества у З.А. Миркиной. По ее мнению, «творчество не есть придумывание, изобретение чего-то нового, что возникает, имеет начало – и будет иметь конец. Творчество (истинное) есть проявление вечного; проявление, т.е. делание тайного явным... Творчество – это таинство» [Миркина, 2008, с. 31]. Итак, творчество есть таинство, священнодействие. Нужно пройти большой и во многом неведомый путь подготовки к такой миссии. Элитарность в этом смысле есть избранность в «посвященные», способность хранить и поддерживать огонь вечных ценностей.

Подчас можно слышать сетования на то, что элитарность «нас покидает», что она «задавлена массой» и т.п. Полагаю, что это результат заблуждения. Элитарность как закваска духовности и высших культурных ценностей не может быть задавлена. Она может уйти в тень массовости (настоящая элита скромна и не склонна к звездной болезни), даже на какое-то время стать незаметной, но исчезнуть и уйти в небытие... нет, это не про нее. Она способна совершить множество «прорывов к трансцендентному» и подсказать обществу путь спасения от духовной деформации, упадка нравственности и прочих бед современной цивилизации.

Но обществу необходимы и массы – как множество личностей, пусть не всегда готовых к пониманию сложных концепций, но готовых к восприятию творений гениев и мастеров.

О взаимосвязи элитарной и массовой культуры

Между элитарной и массовой культурами никогда не было абсолютно непреодолимых и непроницаемых границ. Это подтверждается таким явлением, как двойное кодирование культурных смыслов (об этом см.: [Кондаков, 2018, с. 26]). Но, вероятно, речь может идти не просто о двойном кодировании, а о мультикодировании, или многоуровневом кодировании. (Особенно если принять во внимание градацию культурных уровней, которую предлагает И.В. Кондаков, – он описывает пять уровней: элитарная; популярная; массовая; народная; «снятая» – см. об этом: [там же, с. 10].)

Но как художественное произведение или музыкальное творение имеют многоуровневую кодировку, так же сложно закодировано и сознание человека, которое может содержать внутри себя сочетание различных слоев культуры – в одном отношении оно может содержать простое, незатейливое содержание, а в другой сфере представлять образцы, близкие к элитарным. Иными словами, взаимодействие элитарной и массовой сфер культуры имеет подвижный, текучий, мерцающий характер, оно может меняться в процессе исторического развития и обретать различные формы, иногда непривычные для восприятия.

Само понятие культуры многозначно и многоаспектно. Можно описать культуру как «вторую природу», сотворенную человеком, как совокупность культурных достижений и произведений. Но не следует забывать о культуре как *способе, образе, стиле жизни*. В таком случае речь может идти о культуре восприятия Другого, культуре построения диалога и достижения гармонии во взаимоотношениях с миром и окружающими людьми. Такой аспект культуры особенно рельефно может продемонстрировать процесс слияния, более того, изначально-го единства массовой и элитарной культур. Человек, воспитанный в «простой», ничем не примечательной семье, может демонстрировать идеальный образец отношения к своему долгу, к работе, к друзьям, к семье, ко всему, что его окружает.

О возможности демаркации между элитарной и массовой культурами

В современной ситуации бывает подчас весьма непросто провести демаркацию между элитарной и массовой культурами. Глобальное распространение новых информационных технологий, развитие различных форм образования и самообразования, замеченное многими исследователями размывание границ элитарности (а подчас и стирание этих границ) вызывают вопрос: не пришло ли время пересмотреть структуру соотношения сфер и областей культуры? Нельзя не согласиться с И.В. Кондаковым, который полагает, что «в культурной парадигме постмодерна компоненты элитарной культуры и массовой культуры используются в равной мере как амбивалентный игровой материал, а смысловая граница между массовой и элитарной культурами оказывается принципиально размытой или снятой; в этом случае раз-

личение элитарной культуры и массовой культуры практически утрачивает смысл» [Кондаков, 1998 б, с. 388–389].

Вместо заключения

В настоящее время мы можем отмечать процесс заметного ослабления негативной коннотации понятия «массовое». Понятие «человек массы» уже не означает, что речь идет о примитивном, неразвитом человеке, неспособном к адекватному восприятию текста художественной культуры. Понятие «масса» в контексте отношения к обществу начинает идентифицироваться с понятием «множество». При этом понятие «единица», которое отражает фигуру отдельного «человека массы», также испытывает расширение – наполняется новым содержанием. Единица становится весомой сущностью социальной структуры общества, обретает важный, подчас сакральный смысл. Если воспринимать единицу социального множества как сотворенную по образу и подобию Бога, то это вполне укладывается в понимание важности того достойного места, которое занимает единичный элемент в космосе культуры. Тем более нельзя исключать такой возможности, что отдельный реципиент культурного достояния в результате личностного духовного развития может переместиться на новую ступень своего восхождения и стать творцом в рамках того культурного пространства, в котором ранее он был всего лишь созерцателем.

В понятии «элитарная культура» также происходят важные концептуальные изменения. Если традиционно под элитарной культурой понималась закрытая субкультура привилегированных групп общества, сознательно противопоставляющая себя массовой культуре (см об этом: [Кондаков, 1998 б, с. 385–389]), причем при всей декларируемой духовной аристократичности часто на деле ориентированная на владение материальной («элитной») собственностью и получение от жизни «всего и сразу», в настоящее время мы можем быть свидетелями не просто содержательного диалога и не просто двойного кодирования культурного продукта, но почти полного слияния и в некоторых случаях сращивания этих форм культуры. Но если размываются границы культур и просматривается тенденция к «растворению» элитарной культуры в массовой, это отнюдь не означает, что утрачивается само понятие элитарности. Оно остается как планка, задаваемая всем

участникам культурного процесса, как ориентир, образец, идеальный стандарт. Оно все в большей мере наполняется духовным содержанием и освобождается от посторонних коннотаций, связанных со стремлением к обладанию материальными ценностями. Понятие элиты не случайно становится синонимом понятия интеллигенции, о котором В.К. Кантор сказал: «...интеллигенция – это не социальная прослойка, это особое духовное состояние, особый тип жизнеповедения» [Кантор, 2007, с. 25].

Подлинная культура по определению элитарна. (И по большому счету также массова, поскольку не может замыкаться на узком круге «избранных» и «посвященных» и обращена к множеству личностей, народу, который по инерции продолжают называть «массой».)

Список литературы

Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.

Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 528 с.

Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 272 с.

Кондаков И.В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну : монография. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 544 с. – (Humanitas).

Кондаков И.В. Тоталитарная культура // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Университетская книга : ООО «Алетейя», 1998 а. – Т. 2. – С. 260–264.

Кондаков И.В. Элитарная культура // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Университетская книга : ООО «Алетейя», 1998 б. – Т. 2. – С. 385–389.

Кривцун О.А. «Сделать по-настоящему негативное искусство невозможно, потому что сам этот процесс позитивен». Дэмьен Хёрст // Витальность искусства. Современные проявления. Аналитика / отв. ред. О.А. Кривцун. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 9–27.

Лебон Г. Психология масс / пер. с фр.. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 224 с.

Мильтон В.И. Открылась бездна... Образы места и времени в классической русской драме. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 384 с. – (Humanitas).

Миркина З.А. Истина и ее двойники // Миркина З.А. Избранные эссе. Пушкин. Достоевский. Цветаева. – Москва : Модерн, 2008. – С. 10–68.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр.. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с. – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vyek-tolp.html>

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды : пер. с исп. – Москва : Весь мир, 1997. – С. 43–163.

Померанц Г.С. Девиз рыцарей культуры // *Померанц Г.С., Миркина З.А.* Спор цивилизаций и диалог культур. (Лекции и статьи нулевых годов). – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2014. – С. 37–40.

Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире. (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). – 2-е изд. – Москва : Брис, 2012. – 592 с.

Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – Москва : РОССПЭН, 2009. – 216 с. – (Humanitas).

Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. – Москва : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. – 200 с.

Флиер А.А. Массовая культура // *Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т.* – Санкт-Петербург : Университетская книга : Алетейя, 1998. – Т. 2. – С. 20–22.

Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. // *Культурология. XX век. Антология.* – Москва : Юрист, 1995. – С. 454–494.

Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. – (Humanitas).

Ясперс К. Духовная ситуация эпохи // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем.. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 288–418.

References

Canetti, E. *Massa i vlast'* [Mass and power / trnsl. from German]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 528 p. (In Russ.).

Epshstejn, M.N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh initsiativ Publ., 2016. 480 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Gajdenko, P.P. *Proryv k transcendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendent: A New Ontology of the twentieth Century]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p. (In Russ.).

Jaspers, K. *Duhovnaya situaciya epohi* [The spiritual situation of the epoch / trnsl. from German]. In Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 288–418. (In Russ.).

Kantor, V.K. *Mezhdru proizvolom i svobodoj. K voprosu o russkoj mental'nosti* [Between arbitrariness and freedom. On the question of the Russian mentality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 272 p. (In Russ.).

Kondakov, I.V. *Russkij masskul't: ot barokko k postmodernu. Monografiya* [Russian mass culture: from Baroque to postmodern. Monograph]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh initsiativ Publ., 2018. 544 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Kondakov, I.V. *Elitarnaya kul'tura* [Elite culture]. In *Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya : v 2 t.* [Culturology. XX century. Encyclopedia : in 2 vols]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, OOO «Aletejya» Publ., Vol. 2, 1998 b, pp. 385–389. (In Russ.).

Kondakov, I.V. Totalitarnaya kul'tura [Totalitarian culture]. In *Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya: v 2 t.* [Culturology. XX century. Encyclopedia: in 2 vols]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, OOO «Aletejya» Publ., Vol. 2, 1998 a, pp. 260–264. (In Russ.).

Krivcun, O.A. «Sdelat' po-nastoyashchemu negativnoe iskusstvo nevozmozhno, potomu chto sam etot process pozitiven». Demien Hyorst [«It is impossible to make truly negative art, because this process itself is positive». Damien Hirst]. In *Vital'nost' iskusstva. Sovremennye proyavleniya. Analitika* [The Vitality of art. Modern manifestations. Analytics] O.A. Krivcun (ed.). Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022, pp. 9–27. (In Russ.).

Lebon, G. *Psichologiya mass* [Psychology of the masses / trnsl. from French]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2015. 224 p. (In Russ.).

Mil'don, V.I. *Otkrylas' bezdna... Obrazy mesta i vremeni v klassicheskoy russkoj drame* [The abyss opened... Images of place and time in the classical Russian drama]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022. 384 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Mirkina, Z.A. Istina i ee dvojniki [Truth and its doppelgangers]. In Mirkina Z.A. *Izbrannye esse. Pushkin. Dostoevskij. Cvetaeva* [Mirkina Z.A. Selected essays. Pushkin. Dostoevsky. Tsvetaeva]. Moscow, Modern Publ., 2008, pp. 10–68. (In Russ.).

Moscovici, S. *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psichologii mass* [The age of crowds. Historical treatise on the psychology of the masses / transl. from French]. Moscow, Centr psichologii i psichoterapii Publ., 1998. 480 p. (In Russ.). – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vyek-tolp.html>

Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass [The Uprising of the masses]. In Ortega-i-Gasset H. *Izbrannye trudy* [Ortega y Gasset H. Selected works] (translated from Spanish). Moscow, Ves' mir Publ., 1997, pp. 43–163. (In Russ.).

Pomeranc, G.S. Deviz rycaej kul'tury [The motto of the knights of culture]. In Pomeranc G.S., Mirkina Z.A. *Spor civilizacij i dialog kul'tur. (Lekcii i stat'i nulevyh godov)* [Pomeranc G.S., Mirkina Z.A. Dispute of civilizations and dialogue of cultures. (Lectures and articles of the noughties)]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, Universitetskaya kniga Publ., 2014, pp. 37–40. (In Russ.).

Samohvalova, V.I. *Bezobraznoe: Razmyshleniya o ego prirode, sushchnosti i meste v mire. (K fenomenologii, metafizike, metodologii ponimaniya). 2-e izd.* [The Ugly: Reflections on its nature, essence and place in the world. (To phenomenology, metaphysics, methodology of understanding). 2 nd ed.]. Moscow, «Bris – M» Publ., 2012. 592 p. (In Russ.).

Spengler, O. Chelovek i tekhnika [Man and technology / trnsl from German]. In *Kul'turologiya. XX vek. Antologiya* [Culturology. XX century. Antology]. Moscow, Yurist Publ., 1995. pp. 454–494. (In Russ.).

Tavrizyan, G.M. *Filosofy XX veka o tekhnike i “tekhnicheskoy civilizacii”* [Philosophers of the XX century about technology and “technical civilization”]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 216 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Tard, G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [Public opinion and crowd / trnsl. from French]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1902. 200 p. (In Russ.).

Ржанова С.А.*

**ТЕНДЕНЦИИ МОДЫ
В ФОРМАТЕ ГЛЯНЦЕВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ®**

Аннотация. В статье рассматривается проблема отражения тенденций моды в повседневной городской жизни. Освещаются цели глянцевого журнала, городского сетевого издания как путеводителя по городской жизни, в том числе затрагивающего fashion-индустрию. В результате процесса цифровизации в массмедиа создаются и используются приложения. Активно появляются проекты в онлайн-среде, которые самостоятельно разрабатывают медиабренд. Fashion-журналисты направляют творческий потенциал на максимальное удобство для пользователей Сети, лаконичность, простоту.

Ключевые слова: fashion-блоги; глянцевые журналы; сетевое издание; тренд; город; стиль жизни.

Поступила : 04.03.2022

Принята к печати : 04.05.2022

** Ржанова Светлана Александровна – доктор культурологии, заведующая кафедрой журналистики филологического факультета ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», Саранск, Россия, e-mail: rzanova@mail.ru*

Rzhanova Svetlana Aleksandrovna – DSc in Culturology, Head of the Department of Journalism, Faculty of Philology FSBEI HE "National Research N.P. Ogarev Mordovia State University", Saransk, Russia, e-mail: rzanova@mail.ru

© Ржанова С.А., 2022

Rzhanova S.A.

Fashion trends in the format of glossy journalism

Abstract. The article deals with the problem of reflecting fashion trends in everyday urban life. The article highlights the goals of glossy magazines, an urban online publication as a guide to urban life, including those affecting the fashion industry. As a result of the digitalization process, applications are created and used in the mass media. Projects are actively appearing in the online environment that independently develop a media brand. Fashion journalists direct their creative potential to maximum convenience for web users, conciseness, simplicity.

Keywords: fashion blogs; glossy magazines; online publication; trend; city; lifestyle.

Received : 04.03.2022

Accepted : 04.05.2022

Для цитирования: Ржанова С.А. Тенденции моды в формате глянцевой журналистики // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 207–222. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.15

Современность диктует обществу свои законы в абсолютно любых сферах деятельности. Каждый месяц, сезон, год на свет появляются результаты инновации – будь то последняя модель iPhone у корпорации Apple или же научная разработка в известнейшей лаборатории.

Мода как часть социальной системы оказывает влияние на развитие производственной сферы, способствует совершенству ее развития.

Модная индустрия является довольно эксцентричной сферой, где каждый день создается и продвигается множество ярких, своеобразных продуктов творческой деятельности. И если мода – это явление и идея, то журналистика – канал внедрения и распространения этой идеи в жизнь.

Глянцевые издания канонизируют стиль жизни читательской аудитории. Сегодняшние глянцевые издания носят развлекательный характер и отличаются простотой изложения и большим количеством рекламы.

Глянцевая журналистика не только показывает орбиту событий модной индустрии, но и создает спрос, побуждает людей желать и покупать те или иные продукты.

Характерная черта любого глянцевого издания – освещение последних тенденций и новостей из мира моды.

Издания о моде можно разделить на «массовые» и «элитарные». Их содержание зависит от того, на какую аудиторию они рассчитаны и как себя позиционируют. Есть журналы, пишущие только о моде, и есть журналы в том числе о моде. Например, журналы *Vogue* и *Harpers's Bazaar* пишут только о моде. Эти издания коррелируют с уровнем «от кутюр». Поэтому здесь можно найти материалы как богемного характера, так и уличную манеру подачи информации. Отсюда и разнообразная тематика, в которой учитываются интересы самых разных групп читателей, их социальный статус, семейное положение, ценностная шкала жизни. Еще в 90-е годы существовала тенденция стремления к благополучной жизни, частью которой была и модная одежда.

Если говорить об истории, то такого направления, как индустрия моды не существовало до конца XIX в., хотя понятие моды использовалось в обиходе. Отношение к индустрии стало меняться в начале XX в. с появлением домов моды. Их активность в освоении пространства жизнедеятельности привела к изменению массового сознания, стандартизации массового поведения. Ученые фиксировали новое явление – массовое увлечение новыми идеями, новыми образами.

В 50-е годы XX в. индустрия взяла курс на массовое потребление. Это значит, что теперь требовалось прогнозировать модные явления. Для этого появились фирмы, которые специализировались на анализе новинок и тенденций. Масштабное производство модной одежды выдвигало свои требования – принимать решения о массовых закупках, выпуске и т.д.

Начиная с 60-х годов XX в. происходят серьезные изменения – мода разделилась на две ветви: «от кутюр» и «прет-а-порте». Если одежду «от кутюр» надевают только один раз, как правило, на масштабные мероприятия, то «прет-а-порте» – сегмент одежды, который можно купить в магазине. Именно этот сегмент задает тренды на сезон.

Само по себе понятие «тренд» связано со «вспышкой» определенных линеек вещей и их распространением среди людей, следящих за модой. Обычно эта вспышка краткосрочна, и тренды меняются каждый сезон. Например, дизайнеры домов моды выпускают в свет свои коллекции два раза в год, демонстрируя, как правило, сходные идеи и цветовые решения. Наиболее устойчивые модели могут перейти в ряд классики и базового гардероба – с подобными вещами можно сочетать большинство позиций из шкафа.

Среди наиболее востребованных инструментов выявления трендов можно признать маркетинговые исследования. Специальные технологии позволяют выявить те тенденции, которые уже сейчас задают жизненный тон наиболее продвинутой части целевой аудитории того или иного продукта.

На сегодняшний день выделяют еще и такой сегмент, как «масс-маркет» – самый доступный по стоимости. По мнению американского экономиста, социолога, публициста Торстейна Веблена и немецкого философа, социолога Георга Зиммеля, «fashion-индустрия изначально имела цель выделить из общей массы элиту, которая всегда старается отличаться от простых людей. Поэтому все новые течения появляются среди высшего класса, а средние и более низкие слои общества стараются подражать элитной прослойке и перенимают у нее новшества. Когда мода «просачивается» вниз, она утрачивает свою новизну, становится массовой. Идет процесс «цикла престижного потребления», который не прекращается. Так создаются тренды, которые задают тон культуре одежды сначала элитной прослойке или “снобам”, а затем и массам» [Михалева].

В рассуждениях о моде социологи сходятся в одном – концепции подражания. Как отметит ведущий аналитик НИУ ВШЭ И.А. Седых, «мода – одно из сложных явлений современной культуры, позволяющее подчеркивать социальный статус и удовлетворять эстетические потребности» [Седых, 2019, с. 38]

Действительно, с помощью одежды человек может самовыражаться. Социальный статус – это тот пункт, который можно стильно обыграть.

Среди людей есть те, кто увлечен «практикой» в моде, а именно: продумыванием своих нарядов или же созданием собственного бренда одежды.

Американский телеведущий и консультант в области моды Тим Ганн пишет: «Мода рождает моду, и жизнь во всех ее аспектах и проявлениях – от экономики до политики, от прогноза погоды до войны, от практичных до самых непрактичных вещей – отражается в стилях одежды, постепенно превращаясь в то, что мы покупаем и носим сегодня» [Ганн, Колхоун, 2014, с. 6].

Средства массовой информации – главный источник передачи тенденций в индустрии моды. Изначально в большинстве своем именно журналы о моде послужили тому, что общество стало следить за тенденциями, опираться на стиль селебрити, читать советы стилистов. «Мода – это феномен общественной жизни, который характеризуется временным выделением определенных объектов из общей массы как особо популярных, обладающих своими характеристиками, одной из которых является новизна» [Веселова, Викторова, Ермакова, 2015, с. 489].

Понятие «тренд» является одним из самых главных компонентов в fashion-журналистике и самым быстротечным в жизни человека. Именно следование трендам в современном мире считается частью благополучной, успешной жизни. Это дает толчок покупателям и новые инфоповоды глянцевым журналам.

Глянцевый журнал украшает повседневность, привносит в нее ощущение праздника, делает сопричастным ко всему, что происходит с медиаперсонами, держит в курсе событий [Тепляшина].

Издания о моде высокого профессионального уровня направлены на формирование общей эстетики от кутюр, создание эстетической системы ценностей, гармонии, красоты. Эстетика коррелирует с глубоким, сильным, ярким эмоциональным переживанием, умением воспринимать множество оттенков настроений и чувств.

Категория СМИ, соотносимая с уровнем прет-а-порте, предполагает более прагматичный подход. Это издания, чья тематика связана с модой в том числе. Ценности подобных журналов связаны не только с эстетическим восприятием мира, но и формированием других жизненных установок и потребностей.

Уровень масс-маркета находит отражение в порталных решениях электронных медиа, не имеющих печатных аналогов. В основе этой классификации – система ценностей, транслируемых СМИ. Их задачи сводятся к простым шагам – быть ухоженной, выглядеть красиво,

знать модные тренды. Яркие примеры – Fashiontime.ru, Moda.ru, Modagid.ru, Intermoda.ru и другие.

Если сравнивать эти новые медиа с общепризнанными глянцевыми журналами, то можно отметить, что они не ставят своей целью приобщение к миру моды, не пропагандируют ее ценности, не участвуют в формировании эстетической картины мира. Они носят прагматичный, утилитарный характер: рассказывают о сегодняшнем дне, какой макияж в тренде, демонстрируют стилистические эксперименты с гардеробом.

Главные составляющие глянца – рубрики. Информационное наполнение у всех довольно схоже, но по-разному оформлено. Для исследования представляется интересным, какая из общих для всех глянцевого изданий тематик наиболее близка читателю по мнению медиаэкспертов.

Характерная черта любого глянцевого издания – освещение последних тенденций, новостей из мира моды, дизайнерских коллекций, показов и прочего, что связано с темой моды (fashion), за которую и проголосовало большинство респондентов проводимых опросов.

Организация информации в глянцевых изданиях также играет немаловажную роль. Это еще один способ заинтересовать и развлечь читателя. Делать упор на визуальную составляющую для того, чтобы удержать или акцентировать внимание, – крайне необходимо.

Fashion-журналисты оснащают его фотографиями со съемок (например, снимают стритстайл или Неделю моды), придумывают яркие кликабельные заголовки и пишут структурированный текст, который легко и интересно читать. У каждого издания есть свой стиль подачи информации.

XXI век взорвал Интернет новыми медиапроектами, количество зарегистрированных СМИ в Интернете достаточно велико и продолжает расти. Если спроецировать дифференциацию типологии модных изданий на журнальное информационное пространство, то обращает на себя внимание тот факт, что большее предпочтение читатель отдает элитарным (имиджевым) журналам. Это обуславливается таким важным фактом как статусность. «Подобные издания тяготеют к использованию дорогой рекламы, своеобразной подаче материала, привлечению к работе известных моделей и фотографов» [Филиппова].

Сегодня глянцевого издания существуют на самых разных платформах – традиционные печатные, которые выходят ежемесячно или еженедельно разрабатывают онлайн-версии, айпад-версии, мобильные версии своих печатных изданий. Причем онлайн-издание того или иного медиабренда может существовать как отдельная единица, или как приложение к печатному изданию, либо представлять контент печатного издания в электронном виде за дополнительную плату.

Активно появляются и новые глянцевые проекты в онлайн-среде, которые не привязаны к печатному бренду и самостоятельно разрабатывают новый медиабренд.

Можно отметить настроенность таких изданий на организацию бизнеса как независимого блога о моде – fashion-блоги. И это при том, что в результате процесса цифровизации в массмедиа создаются и используются приложения в совершенно разных сферах, в том числе глянцевых СМИ. Fashion-журналисты направляют творческий потенциал на максимальное удобство для пользователей Сети, лаконичность, простоту.

Преимущество глянцевых журналов над веб-ресурсами и другими периодическими изданиями состоит в том, что люксовые бренды предпочитают именно их.

Классификация ресурсов на собственно сетевые СМИ и электронные версии печатных журналов отражает типологию интернет-журналистики.

Электронная версия журнала Vogue появилась в 2004 г., и с тех пор ее аудитория стремительно растет. Издание имеет восемь рубрик, практически каждая из которых имеет свои разделы – многие из них посвящены тенденциям модной индустрии. Тема трендов, последних тенденций в мире моды, стиля, красоты и развития затрагивается практически в каждом журналистском материале. Публикации носят познавательный и развлекательный характер. Обычно fashion-тематика изданий проявляется в определенном стиле текста и эстетических крупных фотографиях. Такая тенденция в подаче материала проявляется не только в печати, но и в сетевых СМИ. В целом можно сказать, что сам сайт журнала поддерживает тенденцию на успешную и качественную жизнь.

«Vogue – сайт о моде, стиле, культуре и красоте» – именно такого девиза придерживается сайт журнала [Vogue].

Буквально каждая составляющая сайта говорит о том, что главной темой Vogue являются тенденции в индустрии моды. Целые рубрики посвящены трендам в моде. Практически все материалы затрагивают актуальность того или иного продукта на сегодняшний день. Фотографии и анимационные картинки носят новаторский характер и предлагают читателям окунуться в мир моды и красивой жизни.

В каждом журналистском тексте на сайте Vogue.ru содержится отсылка к тенденциям – прямая или косвенная.

В текстах, где напрямую упоминаются тренды, рассказывают об актуальных вещах или указывают, какие тренды стоит носить в определенном сезоне. В заголовках помещают имя известного человека – это делает материал кликабельнее.

Примеры подобных материалов: «В этом сезоне носите двухцветные брюки и джинсы, как Майли Сайрус и Меган Фокс», «Модные новинки: что купить на майских праздниках» или же «7 любимых экологических марок Беллы Хадид, о которых стоит знать». Подборки или дайджесты всегда вызывают интерес у читателей. А если они видят знакомое имя в заголовке – материал интересен им вдвойне.

Тенденции, которые упоминаются в материалах косвенным образом, можно найти в статьях о новинках книг или подборках сериалов. В них прослеживается не только актуальность продуктов, но и настроенность на чтение интересной литературы, просмотр качественных фильмов или на времяпрепровождение в хороших заведениях. Другими словами – нацеленность на красивую, качественную жизнь.

Сами тексты пестрят сленгом глянца и профессиональными терминами модной индустрии. В статьях обязательным порядком упоминаются имена известных личностей – идет опора на их жизнь, главный показатель успешности. Например, такие словосочетания, как «Майли Сайрус называют современной иконой рок-стиля – и не зря», «Помимо Майли комбинацию разных тканей и цветов любят Джиджи Хадид, Хейли Бибер и Меган Фокс» создают мнение у читателя о том, что подобные популярные лица – действительно хороший пример для подражания.

Особую роль в глянцево-м журнале играет иллюстрация. Как уже упоминалось выше, фотографии, прилагающиеся к материалам, имеют естественный, но в то же время красочный вид. Профессиональным фотографам позируют модели в образах с дизайнерской одеждой.

Сравнительный анализ печатной версии журнала и сайта показал, что несмотря на то что оба печатных журнала принадлежат к элитарной прессе, их веб-сайты больше ориентированы на массового потребителя.

Модные интернет-издания прививают читателю культуру красивой, успешной жизни, делают его повседневность ярче, интереснее и качественнее, давая полезную информацию преимущественно об индустрии моды и ее тенденциях, а также о современных движениях, здоровом образе жизни, правильном уходе за внешностью и внутреннем развитии на почве искусства, хороших кинофильмов и литературы. Материалы на сайтах пишутся более простым языком, нежели в самих журналах, что еще раз указывает на их ориентированность на массу.

Большую роль играют иллюстрации, которые сегодня делают упор на естественную красоту людей.

Сайты удобны в использовании и привлекают внимание своим дизайном, яркими фотографиями и запоминающимися заголовками.

Наше внимание привлекло сетевое издание с названием «Городские рейтинги» [Городские рейтинги Саранска, 2020]. Данный сайт не имеет аналогов и является собственно электронным изданием.

Это довольно молодое медиа, которое было учреждено в 2015 г. в столице республики Мордовия – Саранске. Оно сосредоточено на обсуждении процессов развития Саранска и региона в целом. На сайте можно перейти в строку поиска, что очень удобно, если читатель захочет найти материал на определенную интересующую его тему. Также с сайта можно перейти на официальные социальные сети «Городских рейтингов» – ВКонтакте, Instagram, Facebook, Telegram.

В одной из своих работ мы с исследователем Д.А. Бакеевой охарактеризовали интернет-издание как вид новых медиа в системе онлайн-коммуникации со своим уникальным стилем написания, в котором присутствует не только серьезность, но и ирония: «Текстам, на наш взгляд, присуща манера постмодернистского повествования, журналисты нередко пользуются художественными приемами иронии (например: интервью вышло на удивление позитивным: не всем в школе плохо и тяжело, не драматизируйте)» [Бакеева, Ржанова, 2019, с. 657–677]. Подобная специфика нацелена на привлечение современного читателя, понимающего юмор.

Сайт «Городские рейтинги» рассказывает о жизни в городе. «Городские рейтинги» выступают как путеводители по городской жизни. Они рассказывают о новых кафе, лекториях, местах встреч, популярных клубах, и, в том числе, затрагивают и fashion-индустрию. Они учат квалифицированному потреблению города как образа и стиля жизни, учат быть в тренде – как в проведении досуга, в чтении, в стиле общения, так и в одежде, аксессуарах и других сторонах жизни человека. Но пишет ли интернет-издание о тенденциях в индустрии моды?

Отдельной рубрики о трендах, как в fashion-изданиях, пишущих непосредственно о моде или в том числе о моде, нет. Веб-ресурс имеет девять рубрик и лишь в одной из них (рубрика «Товары») время от времени публикуются материалы, посвященные моде и стилю. Подобные материалы можно найти в других рубриках, что не противоречит специфике данного интернет-СМИ.

Для подготовки материала по теме моды и стиля редакция связывается с экспертом (как и в других случаях) – одним из стилистов Саранска. Вместе с выбранным экспертом журналист готовит материал – рейтинг магазинов, где можно купить ту или иную модную вещь, дайджест вещей, актуальных в предстоящем сезоне, и прочее.

Подобные материалы, а именно рейтинги и дайджесты, пишут с помощью приглашенных экспертов, разбирающихся в том или ином вопросе, что добавляет весомости и доверия публикациям. Также помимо материалов, прямо затрагивающих тренды, есть материалы, которые косвенно отображают тенденции в сфере моды. Сетевое издание учит читателя быть в тренде – но не только в модной индустрии, а и в других сферах деятельности.

Рассмотрим подробнее материалы 2020 г., посвященные стилю и моде авторства журналиста Дарьи Есеевой. За этот период по данной теме у нее вышло четыре материала: «Поясни за шмот: сколько денег тратят жители Саранска на одежду» «Тренды, которые мы заслужили: 20+ сумок для любого образа», «Что покупать в Интернете: 30+ вещей актуального гардероба», «Топ-7 мест в Саранске, где можно купить джинсы». Последняя публикация представляет собой рейтинг, написанный с точки зрения эксперта, стилиста Саранска Юлии Томилиной. Для составления качественного и честного рейтинга были выбраны популярные магазины города, специализирующиеся на продаже джинсов или продающие джинсы в том числе.

Задача публикации состояла в том, чтобы совместно посетить каждый из выбранных магазинов и рассмотреть представленную продукцию мужских и женских джинсов на полках. Это и было осуществлено. Доказательство тому – фотографии, сделанные журналисткой на смартфон, по несколько моделей в каждом магазине.

Для построения рейтинга магазинов стилистом были выбраны такие критерии для оценки как «разнообразие», «наличие актуальных фасонов», «качество», «состав», «состояние швов» и «цена». По каждому критерию эксперт оценивала как мужской, так и женский отделы, выставляя от 0 до 5 баллов. По общему количеству баллов каждый магазин занимал соответствующее место в порядке возрастания. Всего оценили 7 магазинов: «Lee Wrangler», «Westland», «Gloria Jeans», «H&M», «O'stin», «Bershka» и «Pull&Bear».

В состав текста входит небольшое вступление автора «Как мы это сделали», где рассказано, почему выбрана именно эта продукция и кто эксперт. После небольшого интервью журналист делает пометку о том, какие критерии были выбраны для оценки.

Как только все пояснения в материале подходят к концу, начинается рейтинг, где указаны все необходимые подробности для читателей о магазине и выбранных в нем моделях мужских и женских джинсов: адрес и режим работы, вид модели, состав ткани и цена. К каждому описанию приложена фотография.

Далее идет экспертное слово, где стилист говорит об особенностях магазина и обслуживающем персонале, подмечает плюсы и минусы предложенной продукции, оценивает по выбранным критериям каждый отдел и выносит итоговую оценку.

Сам текст рейтинга читать легко и интересно. Интриги и в то же время весомости материалу добавляет сам жанр и то, что для составления рейтинга был приглашен стилист. Это добавляет доверия не только публикации, но и самому изданию, а также показывает, что работа журналистом была выполнена качественно.

Видно, что доступная и одновременно экспертная подача текста нацелена на аудиторию, которая интересуется модой, трендами и стилем, возможно, ищет актуальную модель в свой гардероб.

Эстетика иллюстраций не является главным аспектом этого сетевого издания. Этот вывод можно сделать на основании того, что фотографии сделаны непрофессионально и в большинстве своем на смартфон.

Следовательно, под глянцевым журналом о моде понимается периодическое издание, которое рассчитано на определенную читательскую аудиторию. Это так называемая энциклопедия гламурной жизни с яркими иллюстрациями и определенным набором материалов, которые учат читателя, как необходимо жить, что смотреть, а также, как одеваться, чтобы быть «в тренде». Главной целью данного издания является создание определенного стиля жизни у читателя. Глянцевые издания являются отличным проводником культуры роскоши, за счет чего люксовые бренды находят своего прямого покупателя, а издание выступает посредником.

Доказательство этому в том, что люксовые бренды предпочитают рекламу именно в печатных глянцевых журналах.

Сегодняшние глянцевые издания относятся к категории развлекательных журналов, которые отличаются аполитичностью, красочностью, простотой изложения информации и большим количеством рекламных материалов.

Отображение индустрии моды и последних тенденций в ней приходится преимущественно на элитарные издания и их электронные версии. Электронные версии «элитарных» журналов имеют больше массовую направленность. Сайты изданий имеют удобную навигацию и делают выразительный акцент на нововведениях и трендах, прививают своим читателям любовь к культуре и моде, стилю и красоте, современной жизни со всеми ее красками.

Сетевые издания, пишущие в том числе о моде или совсем немного затрагивающие эту сферу, не следят в полной мере за последними тенденциями и модным течением. Они лишь рассматривают отдельные инфоповоды, которые, на их взгляд, действительно могли бы быть интересны разносторонней аудитории.

Глянцевая журналистика широко развивается. И новые веяния в модной индустрии, быстротечные тренды и актуальные темы способствуют данному развитию.

Список литературы

Бакеева Д.А., Ржанова С.А. Новые медиа в системе онлайн-коммуникации: изобразительно-выразительные средства (на примере портала «Городские рейтинги. Саранск») // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 3. – С. 657–677.

Веселова Л.А., Викторова А.В., Ермакова А.Д. «Великая депрессия» и мода // Молодой ученый. – 2015. – № 15(95). – С. 489–494. – URL: <https://moluch.ru/archive/95/21245/> (дата обращения: 12.03.2021).

Ганн Т., Колхоун А. Библия моды. Увлекательная история вещей из вашего шкафа / пер. на русский язык Зотина Т. – Москва : ООО «Издательская Группа «Азбука–Аттикус», 2014. – 374 с.

Городские рейтинги Саранска. – URL: <https://cityratings.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).

Гудова М.Ю., Ракипова И.Д. Женские глянце-вые журналы: хронотоп воображаемой повседневности // Специфика российского женского глянца. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. – С. 33–37.

Михалева К. Мо-да: предмет, история, социология, экономика : образовательная литература. – URL:

<https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?art=11956294&cover=%2Fpub%2Fc%2Fcover%2F11956294.jpg&trials=1&file=73483634&baseurl=%2Fpub%2Ft%2F11956294.&uui- d=e4b381ff-74cb-11e5-a0ba-0025905b9d92&user=0> (дата обращения: 09.05.2021).

Седых И.А. Индустрия моды. – Москва : Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2019. – 65 с.

Тепляшина А.Н. Глянцевый журнал : актуальные практики создания контента. [Текст электронный]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. – С. 3. – URL: http://tverlingua.ru/archive/043/10_043.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

Филиппова А.В. Fashion-журналистика в современном медиапространстве (на примере журнала «Vogue»). – 2018. – URL: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/02/filippova_statya.pdf (дата обращения: 09.05.2021).

Vogue. [Текст : электронный]. – URL: <https://www.vogue.ru/> (дата обращения: 08.02.2022). (Россия приостановила вещание с 9 марта 2022).

References

Bakeeva, D.A., Rzhanova, S.A. Novye media v sisteme onlajnovoj kommunikacii: izobrazitel'no-vyrazitel'nye sredstva (na primere portala «Gorodskie rejtingi. Saransk») [New media in the online communication system: visual and expressive means (on the example of the portal "City Ratings. Saransk")]. In *Kommunikativnye issledovaniya*, no. 3, 2019, pp. 657–677. (In Russ.)

«Velikaya depressiya» i moda [The "Great Depression" and fashion] / Veselova, L.A., Viktorova, A.V., Ermakova, A.D. In *Molodoj uchenyj*, no. 15 (95), 2015, pp. 489–494. – URL: <https://moluch.ru/archive/95/21245/> (accepted: 12.03.2021). (In Russ.)

Gann, T. *Bibliya mody. Uvlekatel'naya istoriya veshchej iz vashego shkafa* / Tim Gann i Ada Kolhoun / per. na russkij yazyk Zotina T. [The Fashion Bible. A fascinating history of things from your closet / Tim Gunn and Ada Calhoun / translated into Russian by Zotina T.]. (b/mesta), OOO «Izdatel'skaya Gruppa «Azbuka–Attikus», 2014. 374 p. (In Russ.)

Gorodskie rejtingi Saranska [City ratings of Saransk]. – URL: <https://cityratings.ru/> (accepted: 21.02.2022). (In Russ.)

Gudova, M. Yu., Rakipova, I.D. Zhenskie glyancevye zhurnaly: hronotop voobrazhaemoy povsednevnosti [Women's glossy magazines: chronotope of imaginary everyday life]. In *Specifika rossijskogo zhenskogo glyanca* [Specifics of Russian women's gloss]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2010, pp. 33–37. (In Russ.)

Mihaleva, K. Moda: predmet, istoriya, sociologiya, ekonomika: obrazovatel'naya literatura [Fashion: subject, history, sociology, economics: educational literature]. URL: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?art=11956294&cover=%2Fpub%2Fc%2Fcover%2F11956294.jpg&trials=1&file=73483634&baseurl=%2Fpub%2Ft%2F11956294.&uuid=e4b381ff-74cb-11e5-a0ba-0025905b9d92&user=0> (accepted: 09.05.2021). (In Russ.)

Sedyh, I.A. *Industriya mody* [The fashion industry]. Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet Vysshaya shkola ekonomiki, 2019. 65 p. (In Russ.)

Teplyashina, A.N. Glyancevyj zhurnal: aktual'nye praktiki sozdaniya kontenta. (Tekst elektronnyj) [Glossy magazine: current practices of content creation. (Electronic text)]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2019, pp. 3. URL: http://tverlingua.ru/archive/043/10_043.pdf (accepted: 02.03.2021). (In Russ.)

Filippova, A.V. *Fashion-zhurnalistika v sovremennom mediaprostranstve (na primere zhurnala «Vogue»)* [Fashion journalism in the modern media space (on the example of the magazine "Vogue")]. 2018. URL: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/02/filippova_statya.pdf (accepted: 09.05.2021). (In Russ.)

Vogue. – Tekst : elektronnyj. URL: <https://www.vogue.ru/> (accepted: 08.02.2022). (Rossiya priostanovila veshchanie s 9 marta 2022) = (Russia has suspended broadcasting since March 9, 2022). (In Russ.)

КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 7+008

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.16

*Лавренова О.А.**

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЕОГРАФИЯ ИСКУССТВА» (Обзор)

Аннотация. Международная научная конференция «География искусства» – часть многолетнего междисциплинарного проекта, посвященного изучению проблем взаимодействия искусства и пространства. В 2022 г. восьмая по счету конференция состоялась в гибридном формате. Были рассмотрены вопросы художественных образов географического пространства, роль искусства в бытии культурного ландшафта, дрейф стилей в географическом пространстве, сакральные пространства, созданные искусством, и т.п. Важная часть обсуждаемой проблематики – соотношение текстов и пространства – литературная география, локальные тексты, травелоги. Междисциплинарный подход – одна из отличительных карточек конференции.

* *Лавренова Ольга Александровна* – доктор философских наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: olgalavr@mail.ru

Lavrenova Olga Aleksandrovna – DSc in Philosophy, PhD in Geography, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: olgalavr@mail.ru

Ключевые слова: конференция «География искусства»; пространство; искусство; культурный ландшафт.

Поступил: 30.06.2022

Принят к печати: 15.07.2022

**Lavrenova O.A.
VIII International Conference “Geography of Art”
(Review)**

Abstract. The International Scientific Conference “Geography of Art” is part of a multi-year interdisciplinary project dedicated to the study of the problems of interaction between art and space. In 2022, the eighth conference was held in a hybrid format. The issues of artistic images of geographical space, the role of art in the existence of the cultural landscape, the drift of styles in geographical space, sacred spaces created by art, etc. were considered. An important part of the discussed issues is the relationship of texts and space – literary geography, local texts, travelogues. An interdisciplinary approach is one of the hallmarks of the conference.

Keywords: conference “Geography of Art”; space; art; cultural landscape.

Received: 30.06.2022

Accepted: 15.07.2022

Для цитирования: Лавренова О.А. (Обзор). VIII Международная конференция «География искусства». (Обзор) // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 225–235. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.16

VIII Международная научная конференция «География искусства» состоялась 24–26 мая 2022 г. и работала в очном и онлайн-формате. В ней участвовали ученые с разных концов России, а также представители Монголии, Японии, Польши.

Организаторами этого форума уже несколько лет выступают ИНИОН РАН, Российская академия художеств, Институт кино и телевидения (ГИТР), Российский государственный гуманитарный университет, в этом году также к числу организаторов присоединился Факультет географии и геоинформационных технологий Высшей школы экономики.

В ходе конференции можно выделить несколько традиционных тем.

Дрейф стилей

Н.М. Сим, кандидат искусствоведения (Москва), сделала сообщение «Мудехар в архитектуре иберийского пространства XV–XVI вв. Региональные особенности стилового многообразия (Арагон, Кастилия, Андалусия)». Мудехар – явление испанской культуры, суть которого в равнозначном взаимодействии стиливых тенденций Востока и Запада. Вершиной стиля стала архитектура Андалусии сер. XVI в., где сложилась уникальная ситуация синтеза христианской, иудейской, мусульманской культуры.

В сообщении В.Г. Щукина, доктора гуманитарных наук (Краков, Польша), «Архитектура гражданских построек в разделенной Польше (вторая половина XIX – начало XX века)» рассматриваются общие тенденции и своеобразие архитектуры в трех частях исторической Польши, политически подчиненных трем империям – России, Германии и Австро-Венгрии. Черты сходства сооружений и архитектурных ансамблей этого времени объясняются общими тенденциями, господствовавшими в то время во всей Европе, – эклектизмом и сменившим его модерном. Заметные же черты различия сводятся к следованию образцам, воплощенным в архитектуре имперских столиц.

«История искусства Эстонии: транснациональный дискурс» – сообщение Д.О. Мартыновой (Санкт-Петербург). В Эстонии сосуществовали в разные периоды балтийско-скандинавский, балтийско-немецкий, эстонский и советский художественно-культурные дискурсы, поэтому сложно опираться на традиционную модель «разграничения» истории искусства по территориальному признаку. Изначальный «кризис идентичности» эстонцев лег в основу художественных стратегий и практик.

Сакральное пространство

Кандидаты исторических наук Е.И. Щербакова и И.К. Фоменко (Москва) сделали сообщение «Город в сакральном пространстве иконы». Изображение города на иконах – это символическое пространство, связанное с сюжетом. Часто схематичное изображение города, монастыря или храма (своеобразный «макет») держит в руках донатор или святой. Иногда встречаются и топографически точные изобра-

жения городов. Город в сакральном пространстве иконы обретал дополнительную защиту.

О.С. Челбогашева (Санкт-Петербург) в докладе «За пределами земной географии: «Божественная комедия» Данте как сакральный образ пространства» исследовала вопрос о сложном построении сакрального пространства. Оно соотносится с системой этико-теологических ценностей и представляет собой трансцендентную модель загробного мира, выраженную в трехступенчатом восхождении от тьмы материи к свету Истины. В печатных изданиях «Комедии» XIV–XVI вв. нашли отражение различные схемы или диаграммы Ада и Рая.

Доктор философских наук О.А. Лавренова (Москва) в сообщении «Философская система Живой Этики: прецедентные тексты» показала некоторые особенности этого философского учения, созданного Е.И. Рерих в 1920–1930-е годы. Живая Этика была создана в тесном соприкосновении с духовной традицией Востока, и в то же время это неотъемлемая часть русского космизма, утверждающего единство человека и Вселенной. В современной гуманитаристике культуру рассматривают как текст и как совокупность текстов. Новый текст, чтобы быть понятым, должен апеллировать к уже существующим. В Живой Этике используются прецедентные тексты Востока и Запада через упоминание значимых понятий и имен.

Травелоги и геокультурные образы

Сообщение Е.А. Забродиной (Москва) – «Репрезентация путешествий в Святую Землю и на Апеннинский полуостров нидерландских художников и их патронов в живописи XV – начала XVI века». Пейзажи и архитектура Земли обетованной были источником вдохновения для нидерландских художников при создании алтарей на библейские темы. Это происходило благодаря паломническим путешествиям в Святую землю, которые совершали живописцы и их патроны. Ян ван Эйк, стоящий у основания живописной школы Брюгге, в 1426 и 1436 гг. предположительно первый побывал в итальянских городах и в Иерусалиме.

В.Н. Калущков, доктор географических наук (Москва), представил исследование «Ландшафты Русского Севера в травелогах “несвоевре- 226

менного поэта” (по материалам книги К.К. Случевского “По северу России”)). Прозаик, государственный деятель К.К. Случевский (1837–1904) дважды совершил поездку на Север, в 1884 и 1885 гг., сопровождая великого князя Владимира Александровича. Изданная после этого книга – актуальный путеводитель, где раскрыты основные темы образа региона – Русский Север как край света, поморы и их промыслы, северные амазонки и «женские города» на Русском Севере, северные монастыри, Петр I как «демиург» Русского Севера и др.

О.В. Орлова (Республики Коми, Сыктывкар) посвятила доклад «“Пейзажное пространство”: изобразительная хроника истории освоения Севера (1950-е – 1990-е гг.)» живописным образам Приполярья, созданным местными художниками. С конца 1950-х до 1990-х годов творцы принимали участие в геологических партиях и в художественном познании территории и формировании ее образа, не только природного ландшафта, но и внутреннего мира, волнующего душу художников.

«Монастыри Русского Севера в творчестве современных петербургских художников» – тема доклада С.М. Грачевой, доктора искусствоведения (Санкт-Петербург). Для петербургских художников Русский Север всегда был культовым местом, куда они стремились за вдохновением. Художники здесь занимаются реставрацией храмовых комплексов, совершают поездки с различными проектами. Природа, монастырские и другие архитектурные ансамбли находят отражение в их творчестве. Это и скульптура, и живопись, и графика, и иконопись, и предметы декоративно-прикладного искусства.

Н.С. Кутейникова, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург) представила тему «Ленинградские-петербургские живописцы-академисты на Псковской земле». На Псковщине работали академики И. Бродский, А. Мыльников, В. Звонцов, П.Т. и Н.П. Фомины и др., здесь регулярно организовывается студенческая практика. На Псковских землях энергия природы спаяна воедино с мощными токами истории страны, здесь сохраняются древние памятники, традиционный уклад жизни. Вместе они и являются источником вдохновения, рождая новые страницы русской истории и русского искусства. Вклад в этот процесс мастеров живописи бесспорен и весом.

Образ Другого

В докладе кандидата философских наук Т.С. Терещенко (Москва) «Образы фракийцев в греческой вазописии» были проанализированы ключевые сюжеты, в которых изображались эти персонажи. Определение «фракийцы» достаточно условно, есть сложности в их идентификации, поиске связей с историческими персонажами и событиями. Рассматривались связь изображений фракийцев с рядом феноменов культуры (война, музыка, жертвоприношение и др.), с греческими мифами.

«Иностранцы о средневековой России: сравнение как способ познания искусства» – сообщение В.Д. Черного, доктора культурологии (Москва). Сравнения стали первым шагом в знакомстве иностранцев с русским средневековым искусством. В спектр сопоставлений входили размеры, формы, материалы, способы их обработки, исторические, территориальные и видовые параметры. По мере расширения контактов европейских стран с Россией все заметнее становится стремление путешественников указать не только на различия, но и на сходства, а также объяснить своеобразие русского искусства.

А.П. Люсый, доктор филологических наук (Москва), сделал сообщение «НOMOCARTOGRAPHIC: о картографической телесности пространства». Посредством картографии может быть выражена политическая телесность, с интуитивным постижением его горизонтального (собственно география) и вертикального (телесность) измерений. Такой подход представлен «шутовскими» эмблематическими картами XVII–XIX вв. В этом же ключе можно рассматривать пространственно-семантические поиски современного шведского художника Ойвинда Фальстрёма, который в своих игровых конструкциях («Монополия», «Карта мира» и др.) работает с границами и маркерами географической карты. Ситуативный аспект ментального картирования по отношению к пространству современной России выражен в документальном романе В. Авченко «Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии».

Образы Востока

Кандидат искусствоведения Ю.И. Арутюнян (Санкт-Петербург) представила сообщение «“Категория экзотического” в европейской печатной графике XVII века». Источниками формирования специфической формы ориентализма становятся, наряду со сложившимися традициями изображения условного экзотического Востока, паломническая литература, представления о чудесном, историческое наследие и наработанная схема трактовки умозрительного «другого». Понятие «Восток» охватывает и земли Священного Писания, и фантастический и ирреальный образ «иных земель», и освоенный Ближний Восток, и территорию Малой Азии, Северную Африку и страны Магриба, и вновь открытые и активно осваиваемые регионы Дальнего Востока (Китай, Япония).

«Образы китайских городов в советской графике 1950-х годов» – тема доклада И.И. Рудинской, доктора культурологии (Москва). Это был период чрезвычайно тесных, дружеских отношений между СССР и КНР. Десятки советских художников получили возможность отправиться в творческую командировку с целью запечатлеть изменения в жизни китайского народа. На рисунках китайский город предстает как пространство сугубо современное, строящееся, преобразующееся, порой утрачивающее в своем индустриальном пафосе национальное своеобразие. Оно изредка прорывается в пестроте вывесок, в тесноте улочек и в занятиях людей.

В докладе Т.А. Богумил, кандидата филологических наук (Барнаул), «Кедр как дендрообраз сибирского текста» на материале русской художественной литературы XIX–XXI вв. о Сибири был реконструирован геокультурный «портрет» дерева. Качества кедра как хвойного, вечнозеленого, плодоносящего, «мужского» дерева обусловили его сакрализацию в сибирской языческой и русской христианской культурах. Восходящее к Средневековью русское название сосны кедровой сибирской – кедр – устанавливало соответствие между Сибирью и Палестиной, Севером и Югом, отражало процесс мифологизации завоеванного пространства в категориях рая / локуса крестных мук. Основные мифопоэтические мотивы были связаны с представлениями о Мировом древе.

Ю.И. Гутарёва, кандидат искусствоведения (Красноярск), сделала сообщение «Горный хребет Тхэбэк (Пэкту тэган) – “большой стержень” корейского пейзажа». История корейской живописи с начала XVIII в. и до наших дней оказывается неразрывно связанной с этой главной геологической доминантой Корейского полуострова. «Большой стержень», как его называют корейцы, является источником жизненных сил Кореи как «земли» (*чи ки*), занимает одно из центральных мест в корейской образной системе, является выразителем национального характера и самобытности в корейской пейзажной живописи.

М.Ю. Шишин, доктор философских наук (Барнаул), сделал доклад по итогам совместного исследования с Д.Е. Онуфриенко (Барнаул) по теме «Принципы ансамблевости на примере храмовых комплексов Монголии». Авторы на протяжении уже пяти лет работают над изучением систем пропорционирования, которые использовались при формировании монастырских комплексов в Монголии. Новизна подхода, разрабатываемого докладчиками, заключается в применении фрактального анализа к определению законов ансамблевости и семантики храмовых комплексов.

Кандидат искусствоведения Ж. Энхтувшин (Улан-Батор, Монголия) рассказал о «Памятниках и скульптурах в парках и садах Монголии». Решение о создании Городского (ныне Национального) парка культуры и отдыха в городе Улан-Батор было принято в 1965 г. Национальный парк является шестым по величине парком в Азии, в нем находится храмовый комплекс «Аглаг», построенный по инициативе буддийского монаха Г. Пурэвбата. Размещение скульптур в гармонии с естественным скальным и лесным ландшафтом создает оптимальное пространственное решение целостного комплекса. С учетом композиционных решений этого парка и новых мировых тенденций создаются новые сады и парки в регионах.

Г.В. Китаева (Москва) репрезентировала исследование «Керамика без границ – художник Татьяна Бригадирова. Японские составляющие в традициях студийной керамики». В декоративно-прикладном искусстве появляются новые жанры и направления, в том числе и студийная керамика, основанная на применении традиционных японских технологий. Мастер создает тонкий графический рисунок, пластику поверхности или объема, моделирует пространство, разворачивая в ке-

рамических произведениях, как в средообразующих предметах, пластические метафоры сущностных взаимоотношений человека и мира.

Локальные образы

«Москва. Центр. Гетеротопия авангарда» – сообщение Н.В. Геташвили, кандидата искусствоведения (Москва). Предложенный в 1960-е годы Мишелем Фуко концепт гетеротопии предлагает трактовать жизнь человека через призму сложной системы пространственных отношений (частного и общественного, рабочего и домашнего и т.д.). Москва предстает топосом в истории и мифологии авангарда, героиней произведений Кандинского, Лентулова и многих других художников. *Genius loci* в контексте авангарда помогает обнаружить подробности не только биографий действующих лиц, но и их творений, а значит, позволяет пересматривать содержательные параметры и координаты нашего культурного и материального наследия.

В докладе О.Б. Павловой (Москва) «“Гений места”: пейзажи, изображение архитектурных объектов, фиксация культурного ландшафта на примере работ художников в Калужской области XX–XXI вв.» шла речь об окрестностях городов Обнинск, Боровск, Малоярославец. На протяжении выбранного временного периода возможно отследить изменения культурного ландшафта, что находит отражение в работах художников. Здесь бывали Коровин, Корин, Ларионов, Средин, Брюсов, Кончаловский, Серов, Левитан. В 1932 г. Кончаловский купил усадьбу Бугры (ныне Кончаловские горы, территория города Обнинска). У него бывали А.Н. Толстой, Прокофьев, Мейерхольд, Довженко, Конёнков и др.

В докладе Ю.Н. Шуваловой (Москва) «(Вос)создание Уэльса: искусство как средство территориального мифотворчества» рассматривался процесс романтизации и осмысления истории и культурной идентичности региона в XVIII–XIX вв. и роль, которую в нем сыграли живописцы, в первую очередь Уильям Тернер. Картины Тернера – это плод творческого осмысления многочисленных зарисовок, художественный образ, не всегда верно отображающий географию места, но воссоздающий эмоциональное переживание. Подобный подход отличал деятельность и некоторых валлийских литераторов, которые создавали псевдобардовскую поэзию. Именно романтизация и мифоло-

гизация истории и географии оказала решающее влияние на формирование национального самосознания Уэльса.

В докладе докторов филологических наук Л.В. Павловой и И.В. Романовой (Смоленск) «Образ Армении в русской поэзии XX века» приведены результаты исследования корпуса стихотворений (преимущественно XX в.) при помощи программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Этот метод позволяет в автоматическом режиме выделить повторяющиеся лексические комбинации, переходящие из текста в текст, не обязательно связанные между собой, в данном случае включающие компонент «Армения». Был выявлен ряд доминантных компонентов «армянских» лексических комбинаций, присутствующих в стихах русских поэтов («Арагат», «Ереван», «гора», «небо», «земля», «кровь», «сердце», «душа», «пламя», «вечный») и факультативных («враждебный», «близорукий», «книга», «ребенок», «Комитас» и др.).

М.Д. Куликова (Республика Коми, Сыктывкар) представила тему «Индустриальный пейзаж в искусстве Республики Коми». Одним из ведущих факторов развития индустриальной тематики является производственный подъем региона в период Великой Отечественной войны. Особую роль в формировании художественного образа играет своеобразие природного ландшафта: непроходимая тайга и бескрайняя тундра. Важное значение имеют произведения художников, прошедших лагерь ГУЛАГа на территории Коми. Индустриальный пейзаж этого региона представляется как художественные документы, которые можно систематизировать по хронологии, содержательной и образной части.

В сообщении доктора филологических наук О.С. Крюковой и А.П. Плескачевской (Москва) «Персонажи литературных сказок в городской скульптуре: география распространения, вписанность в ландшафт, художественное воплощение» был рассмотрен феномен так называемой общественной скульптуры, разновидностью которой являются изображения литературных героев. Это важные элементы городской среды как в нашей стране, так и за рубежом, гармонизирующие городское пространство.

С.Я. Щеброва, кандидат культурологии (Санкт-Петербург) в докладе «Страна Пионерия: к истокам мифологической картины мира» рассказала о пространственных особенностях пионерской организа-

ции. Структура Страны Пионерии повторяла советское государство, в игровой форме вовлекая детей в систему. Ее мифология включала древние символы огня, звезды, орла, первопредка, знамени, героя, а также праздничные мистерии пионерского костра и красного цвета, сопровождавшиеся рокотом барабана и звуками горна, которые совершались в установленной сети локаций – школах и пионерских лагерях.

Локальные тексты

М.Б. Раренко, кандидат филологических наук (Москва) сделала доклад на тему: «Московские локации в романе Г. Служителя “Дни Савелия” и их функция». В романе Г. Служителя «Дни Савелия» повествование представляет собой внутренний монолог кота по имени Савелий, в котором тот рассказывает историю своей жизни. Упоминание в тексте романа московских локаций позволяет повествователю свободно передвигаться во времени и пространстве. Каждое новое место – повод обсудить новую тему.

В докладе кандидата филологических наук О.Б. Балашовой (Москва) «Координаты любви и смерти в пространстве петербургских маршрутов Анны Ахматовой» рассматривается топика ахматовской лирики, где «реперные точки» Петербурга предстают смысловыми константами, спроецированными в современное для Ахматовой время. Они наделяются кодом, с помощью которого происходит дешифровка основного авторского текста или его фрагментов. На примере анализа двух стихотворений «Годовщину последнюю празднуй» (1939) и «Летний сад» (1959) было показано, каким образом проявляются и совпадают *личные* и собственно *петербургские* координаты любви и смерти.

«Интермедиаальная поэтика в статье С.Н. Дурылина “Киммерийские пейзажи Максимилиана Волошина в стихах”» – тема сообщения Е.А. Коршуновой, доктора филологических наук (Москва). Дурылин вслед за М. Волошиным и К. Богаевским изображает трагический облик Крыма и создает свой пейзаж-символ. Мотивы танатоса в их пост-символистском преломлении, иконичные лики крымской земли образуют цельное единство дурылинского текста. В поэзии М. Волошина

С.Н. Дурылин также выделяет визуальную доминанту, которую можно рассматривать как интермедиальный компонент.

* * *

Конференция «География искусства» в 2022 г. снова была междисциплинарной и работала в поле географии, искусствоведения, филологии, философии, культурологии. Этот проект традиционно полидискурсивный, обсуждающий взаимодействия культуры, художественного творчества и пространства. На форуме в этом контексте обсуждались разные проблемы и методологические подходы.

Информация для авторов

Научный журнал «Вестник культурологии» рецензируемое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 1992 г. Выходит с периодичностью четыре номера в год.

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала с 2000 г. размещен на платформе Научной электронной библиотеки:
<http://inion.ru/publishing/iournals/vestnik-kulturologii/>

Рукописи направляются в адрес редакции посредством системы подачи рукописей на сайте журнала по адресу:
<http://inion.ru/publishing/iournals/vestnik-kulturologii/>

– или на электронный адрес редакции журнала: gtn156@mail.ru в электронном виде в формате *. doc, *. docx или *. rtf.

К рассмотрению принимаются *ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении* в других журналах и сборниках) научные статьи и аналитические обзоры.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала научные статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Право принятия решения о соответствии/несоответствии поступивших в редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала принадлежит главному редактору и ответственному редактору (редактору-составителю текущего номера).

Об очередности опубликования статей, получивших положительные отзывы рецензентов, принимает решение редколлегия.

Научные статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи / обзора не должен превышать 1 печатный лист.

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редколлегии и редакционного совета представлены на странице журнала на официальном сайте ИНИОН РАН по адресу: <http://inion.ru/publishing/iournals/vestnik-kulturologii/>

В соответствии с договором оферты автор статьи / обзора представляет Издательству ИНИОН РАН на безвозмездной основе на срок действия авторского права, предусмотренного законодательством РФ, неисключительную лицензию на использование созданной автором статьи / обзора для опубликования в журнале.

В подтверждение своего согласия на публикацию в журнале автор направляет на электронный адрес редакции журнала: gtn156@mail.ru скан подписанного акцепта в формате PDF.

ВЕСТНИК КУЛЬТУРОЛОГИИ

научный журнал

2022 № 4 (103)

**Адрес редакции и издания: 117997, г. Москва, Нахимовский
проспект 51/21.**

ИНИОН РАН. Отдел культурологии

Дизайн обложки А.А. Демочкина

Корректura, компьютерная верстка М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99. от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 26.XI.2022. Формат 60 х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. 15,0 л. Уч.-изд. 11,8 л.

Тираж 350 экз. (1–100 – 1-й завод). Заказ № 80

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–74023

Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997,

Отдел маркетинга и распространения

информационных изданий

Тел. : (925) 517-36-91

E-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У

